

СЕСИЛИЯ
АХЕРН

ИГРА В МАРБЛС

Забывтое детство
Обретенная жизнь

Annotation

Как быть, если у вас всего один день, чтобы понять, кто вы на самом деле? Обнаружив загадочную коллекцию своего отца, Сабрина внезапно осознает: все, что она знала о нем, было ложью. Близкий человек, рядом с которым она росла, вдруг оказался незнакомцем. Ей выдался свободный день – нежданная передышка в унылой череде ее будней, – чтобы проникнуть в тайную жизнь отца. Целый день воспоминаний, историй и людей, о существовании которых она даже не подозревала. Один день, который навсегда изменит саму Сабрину и привычный ей мир. «Игра в марблс» – роман о том, как самые обычные наши решения иногда приводят к невероятным последствиям, о том, как, только поняв кого-то другого, мы по-настоящему понимаем самих себя.

- [Сесилия Ахерн](#)

-
-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Сесилия Ахерн

Игра в марблс

© 2015 Cecelia Ahern

© Л. Сумм, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

* * *

Я видел ангела в куске мрамора и отсекал все лишнее, пока не освободил его.

Микеланджело

Мои воспоминания можно разделить на три категории: то, что я хочу забыть, то, что забыть не могу, и то, о чем я не помнила даже, что забыла, а потом вспомнила.

Самое первое воспоминание – о маме, когда мне было три года. Мы в кухне, она берет заварочный чайник и бросает его в потолок. Она взяла его обеими руками, за ручку и за носик, и швырнула вверх, словно на состязании по метанию снопов, и чайник ударился о потолок и рухнул обратно на стол, разбился вдребезги, во все стороны разлетелись мокрые лопнувшие пакеты, потекла коричневая водица. Не помню, что спровоцировало этот поступок или что было потом, но знаю, что он был вызван гневом, а гнев был вызван моим отцом. Это воспоминание плохо отражает мамин характер, представляя ее в невыгодном свете. Насколько я знаю, она никогда больше не поступала подобным образом, потому-то, наверное, тот случай и врезался мне в память.

Когда мне было шесть, мою тетю Анну остановили на выходе из «Свицера». Волосатая рука охранника скользнула в ее сумку и вытянула шарф, с ценником и штрихкодом. Что было после, я не помню, помню только, как тетя Анна закармливала меня мороженым в Айлак-центре и смотрела с надеждой, как я его уплетаю, будто с каждой ложкой сладкого тают впечатления о неприятном инциденте. Но я сохранила живейшее воспоминание, хотя и тогда, и поныне всем кажется, будто я это выдумала.

Я хожу к дантисту, которого знаю с детства. Дружить мы не дружили, но крутились в одной компании. Теперь это солидный человек, щепетильный и строгий. Но когда он зависает над моим раскрытым ртом, я вижу пятнадцатилетнего подростка, обливающего мочой стены гостиной, где собралась наша тусовка: он орал, что Иисус – глава всех анархистов.

Встречаясь с нашей учительницей младших классов, тихоней, чьи слова мы даже на передних партах различали с трудом, я так и вижу, как она швыряет бананом в классного заводилу и орет: «Оставь меня в покое, бога ради, оставь меня в покое», – и, рыдая, выбегает из класса. Недавно, случайно повстречав одноклассницу, я припомнила этот эпизод – а она его напрочь забыла.

Мне кажется, когда я думаю о ком-то, кого не так часто вспоминаю, то на ум приходят именно самые драматические моменты или такие ситуации, в которых обнаруживалась та сторона, которую человек обычно скрывает.

Мама говорит, таков мой дар: помнить то, что другие забыли. Порой это проклятие, никто не радуется, если вновь выкапывают то, что хотелось зарыть поглубже. Меня можно сравнить с человеком, который во всех подробностях помнит пьяную ночь, а все его собутельники только о том и мечтают, чтобы он не болтал.

Полагаю, такие сцены остаются в моей памяти, потому что сама я никогда так себя не вела. Не могу припомнить ни единого случая, когда я нарушила бы правила, когда из меня вылез бы другой человек, которого мне пришлось бы вытеснять из памяти. Я всегда верна себе. Стоит вам познакомиться со мной, и вы уже все обо мне знаете, больше во мне ничего нет. Я следую правилам, остаюсь самой собой и, видимо, не могу быть никем другим, даже в моменты величайшего стресса, когда срыв – или прорыв иной личности – был бы извинителен. Наверное, именно поэтому меня завораживает такая способность в других и я навсегда запоминаю те минуты, которые они предпочли бы забыть.

Говорят, что в эти мгновения человек перестает быть собой, но нет, я глубоко убеждена, что даже такие резкие перемены полностью соответствуют природе человека. Эта обратная сторона тоже всегда присутствует, она затаилась, ждет момента, чтобы проявиться. В каждом человеке, в том числе и во мне.

1

Камрады

– Фергюс Боггс!

Только эти два слова я и разбирал в гневной проповеди отца Мерфи, да и то потому, что эти два слова – мое имя, а все остальное было по-ирландски. Мне пять лет, в страну я попал всего месяц назад. Мама переехала сюда из Шотландии со всеми нами после смерти папочки. Все случилось так быстро, папа умер, мы переехали, и, хотя я бывал в Ирландии прежде, в летние каникулы, чтобы повидать бабушку, дедушку, дядю, тетю и всех двоюродных, сейчас все по-другому: я никогда не видел эту страну в другое время года, и кажется, будто это другая страна. Каждый день с тех пор, как мы приехали, идет дождь. Магазинчик с мороженым закрыт, заколочен, как будто и не бывал никогда открыт, как будто я сам все выдумал. И пляж, куда мы все время ходили, кажется совсем другим, а щеповоз уехал. И люди совсем другие – темные, закутанные.

Отец Мерфи нависает над моей партой – высокий, широкий, серый. Он орет на меня, изо рта у него вылетает слюна, плевок попадает мне на щеку, но я не смею стереть его, чтобы не обозлить учителя еще пуще. Оглянулся на других мальчиков, как они к этому отнеслись, но тут он ударил меня. Влепил пощечину. Больно. У него на пальце кольцо, большое, и оно, кажется, порезало мне щеку, но я снова не решаюсь поднять руку и потрогать, а то вдруг он опять меня ударит. И мне понадобилось в туалет, очень срочно. Меня и раньше, бывало, кто-нибудь бил, но священник – никогда.

Он орет на меня, злобно, по-ирландски. Возмущается, что я не понимаю. Между ирландскими словами он вставляет изредка английские – требует, чтобы я научился понимать, давно пора. Но у меня не получается: дома никакой тренировки. Мама все время грустит, и я не хочу к ней приставать. Она предпочитает сидеть и обниматься, и я это тоже люблю. И когда я сижу у нее на коленях, мне совсем не хочется все портить болтовней. Да и вряд ли она помнит ирландские слова. Она давно уехала из Ирландии, служила няней в шотландской семье, а потом познакомилась с папочкой. Там никто не говорил по-ирландски.

Священник требует, чтобы я повторял за ним слова, но я едва дышу и не могу вытолкнуть слова изо рта.

– Támé, tátú, tásé, tásí...

– ГРОМЧЕ!

– Támuid, tá sibh, tá siad.

Когда он перестает орать, в классе становится так тихо, что я вспоминаю: в классе полным-полно мальчиков, моих ровесников, все слушают, как я, заикаясь, повторяю за ним слова, и он говорит всем, какой я идиот. Меня начинает трясти. Мне плохо. Срочно нужно в туалет. Я говорю ему. Его лицо багровеет, он достает кожаный ремешок. Он хлещет меня по рукам этим ремешком – позже ребята мне скажут, что между слоями кожи вшиты монеты. Он сулит мне по шесть «горячих» – шесть раз по каждой руке. Боль нестерпимая. Мне нужно в туалет. И вот это случилось прямо тут, в классе. Я боялся, что мальчишки будут смеяться, но никто не смеется. Все смотрят в стол. Может быть, потом посмеются между собой, а может быть, все поймут. Или просто рады хоть тому, что это происходит не с ними. Мне стыдно, мне ужасно позорно, и так, он говорит, и должно быть. Он потащил меня из класса за ухо, тоже очень больно, потащил прочь от ребят, по коридору, втолкнул в темную комнату. Дверь захлопнулась, я остался один.

Я не люблю темноту. Никогда не любил. Я плачу. Штаны мокрые, моча протекла в носки и ботинки, и я не знаю, как быть. Обычно меня переодевает мама. Что мне тут делать? Окон в этой комнате нет, ничего не видно. Хоть бы он не очень долго продержал меня тут. Глаза привыкают к темноте, я начинаю кое-что различать в пробивающемся из-под двери свете. Я сижу в кладовке. Вижу лестницу, ведро и щетку без палки – одну только щетину. Пахнет сыростью. Старый велосипед висит вверх ногами, цепи у него нет. Стоят два сапога, от разных пар и оба на одну ногу. Здесь все непарное, все друг другу чужое. Зачем он меня здесь запер и когда выпустит? Мамочка спохватится и будет меня искать?

Прошла вечность. Я закрыл глаза и стал потихоньку петь. Те песни, которые поет со мной мама. Громко я петь боялся, а то он придет и решит, что мне тут весело. Тогда он еще больше обозлится. Они сердятся, если кто-нибудь из мальчиков радуется, смеется. Наше призвание – подчиняться и угождать. Не тому учил меня папа. Он говорил, я настоящий вожак, я стану кем угодно, кем только захочу. Я ходил с ним на охоту, он всему меня научил и даже пускал вперед, говорил, я – вожак. Он пел об этом песню: «Мы идем за вожаком, за вожаком, за вожаком, Фергюс наш вожак, да-да-да». Теперь я напеваю ее себе, но только мелодию, без слов. Священнику не понравится, если я стану петь «...я вожак». Нам тут не разрешают быть кем мы хотим, мы должны стать тем, кем они велют.

Я пою песни, которые пел мой отец, когда мне разрешали засиживаться допоздна и слушать, как поют взрослые. У папы был мягкий голос, хотя он сам был большой и сильный, и порой он даже плакал, когда пел. Он не говорил, будто плачут только младенцы, как говорит священник, он говорил, все люди плачут, когда им грустно. И теперь я пою себе и стараюсь удержаться от слез.

Вдруг дверь распахнулась, я съехал в углу, думая, что это он вернулся с кожаным своим ремнем. Но это не он, а другой, помоложе, который учит нас музыке, глаза у него добрые. Он прикрыл за собой дверь и опустился на корточки.

– Привет, Фергюс.

Я попытался ответить, но не сумел выдать из себя ни звука.

– Я тебе кое-что принес. Коробку кровяников.

Я дернулся, но он уже протягивал руку.

– Не бойся, это шарики. Ты играешь в марблс?

Я покачал головой. Он раскрыл руку, и я увидел их у него на ладони, они переливались красным, словно четыре драгоценных рубина.

– Я очень любил их, когда был ребенком, – негромко сказал он. – Мне подарил их дед. «Коробка кровяников, – сказал он мне. – Специально для тебя». Коробка пропала. Жаль, вместе с коробкой они стоили бы дороже. Всегда сохраняй упаковку, Фергюс, вот тебе мой совет. Зато шарики остались.

Кто-то прошел в коридоре, мы слышали топот, и доски пола скрипели и содрогались. Молодой учитель оглянулся на дверь. Когда шаги миновали, он обернулся ко мне и заговорил еще тише:

– Научись пулять ими. Щелкаешь вот так.

Он уперся костяшками пальцев в пол, согнутым указательным пальцем придерживая шарик. Отвел назад большой палец и легонько подтолкнул – шарик проворно покатился по деревянному полу. Красный кровяник, красный и дерзкий, ловил каждую искорку света, блестел и переливался. Он замер у моих ног. Я боялся поднять его. К тому же ладони все еще болели от ударов ремнем, пальцы не сожмешь. Он глянул на мои руки, и его передернуло.

– Давай попробуй, – сказал он.

Я попробовал – поначалу не очень удачно, потому что не мог согнуть пальцы, как это делал он, но в целом я понял. Потом он показал мне другие способы запускать шарик. Можно бить по нему костяшками. Этот способ мне понравился больше. Он сказал, что так сложнее, но что у меня лучше всего так получается. Я даже губу прикусил, чтоб не разулыбаться.

– В разных местах шарики называют по-разному, – продолжал он, снова опускаясь на пол и показывая мне приемы. – Шарики, битки, ушки, но мы с братьями называли их «камрады».

Камрады – это годится. Хотя я заперт тут один, в темной комнате, у меня есть товарищи-камрады. Как у солдата. Как у военнопленного.

Он очень серьезно посмотрел на меня:

– Будешь целиться, не своди глаз с мишени. Глаз управляет мозгом, мозг управляет рукой. Не забывай. Всегда следи за мишенью, Фергюс, и твой мозг сделает все правильно.

Я кивнул.

Зазвенел колокол, урок закончен.

– Хорошо, – сказал он, вставая, отряхивая рясу от пыли. – Сейчас у меня будет урок. А ты не беспокойся: надолго тебя здесь оставить не могут.

Я снова кивнул.

Конечно, он был прав: надолго меня оставить не должны были, и все же отец Мерфи не торопился меня выпускать. Я просидел в кладовке весь день и даже еще раз намочил штаны, пока ждал, потому что боялся кого-нибудь позвать, но мне было уже все равно: я солдат, я военнопленный и это мои камрады. Я отрабатывал приемы в этой тесной кладовке, в моем маленьком мире, я хотел всех одноклассников превзойти меткостью. Я им всем покажу, как играть, и всегда буду играть лучше всех.

В следующий раз, когда отец Мерфи запер меня в кладовке, шарики были при мне в кармане, и я снова провел день, тренируясь. У меня там уже была мишень, я сам ее спрятал туда на перемене, про запас. Это была картонка с семью прорезанными в ней арками – я сделал ее сам из пустой коробки из-под корнфлекса, которую вытащил из помойки миссис Линч, после того как увидел у других мальчиков покупную. На центральной лунке ставится цифра 0, на соседних с ней, с каждой стороны, 1, 2, 3. Я прислонил мишень к дальней стене и бросал шарики издали, от самой двери. Я еще не знал правил, да и невозможно играть в одиночку, но я отрабатывал удары, чтобы наконец в чем-то превзойти старших братьев.

Тот добрый священник не задержался у нас в школе. Говорили, что он целовался с женщиной и что он попадет в ад, но мне наплевать. Он подарил мне мои первые шарики, моих кровяников. В темную пору моей жизни благодаря ему я обрел камрадов.

2

Не бегать

Дыши.

Иногда приходится себе об этом написать. Казалось бы, дыхание – врожденный инстинкт любого человека, но нет, я вдыхаю и забываю выдохнуть, и все тело напрягается, деревенеет, сердце стучит, грудь распирает, а встревоженный мозг пытается сообразить, что же пошло не так.

Теоретически я все про дыхание знаю. Втягиваешь воздух носом, он спускается почти что в живот, до диафрагмы. Дыши спокойно. Дыши ровно. Дыши тихо. Мы все умеем это делать с момента рождения, и нас этому никто не учит. А меня следовало бы научить. За рулем, в магазине, на работе, я вдруг замечаю, что опять затаила дыхание и с тревогой жду, а чего жду – сама не знаю. Чего бы я ни ждала, оно так и не сбывается. Самое смешное: я не справляюсь на суше с таким простым делом, притом что профессионально обязана выполнять его в воде – я спасатель. Плаваю я легко и естественно, в воде чувствую себя совершенно свободно, она не подвергает меня проверке. В воде все зависит от ритма. На суше и вдох и выдох происходят на счет «раз», а в воде – на «раз-два-три», я успеваю сделать три гребка между вдохами. Запросто. Даже думать об этом не приходится.

Учиться дышать на суше мне пришлось во время первой беременности. Это понадобится в родах, предупреждала меня акушерка, и была права. Акт деторождения столь же естествен, как дыхание, вот только для меня дыхание не так уж естественно. Как только я оказываюсь на суше, мне хочется затаить дыхание. Но ребенка не вытолкнешь, если будешь сдерживать выдох. Уж поверьте, на себе убедилась. Зная мое пристрастие к воде, муж договорился о родах в бассейне – казалось бы, отличная идея, рожать в своей стихии, дома, в воде, вот только ничего естественного нет в том, чтобы торчать в огромной надувной ванне посреди собственной гостиной, к тому же в итоге под водой должен был оказаться ребенок, а вовсе не я. Я бы охотно поменялась с ним местами. Кончилось это тем, что меня на «скорой» увезли в больницу и сделали кесарево, и следующие два младенца явились на свет тем же путем, только без такой поспешности. По-видимому,

морское создание, с пяти лет предпочитавшее не вылезать из воды, с самыми естественными актами жизни справиться не могло.

Итак, я состою спасателем в бассейне, в доме престарелых. В доме престарелых весьма высокого класса, что-то вроде четырехзвездочного отеля с круглосуточным обслуживанием. Я проработала здесь уже семь лет, прерываясь только на декретный отпуск. Пять дней в неделю с девяти утра до двух часов дня я сижу на стуле и смотрю, как пациенты по три в час входят в бассейн и плавают от бортика до бортика. Однообразно, стабильно, стерильно, скучно. Никогда ничего не происходит. Из раздевалки выходят тела, двуногие свидетельства быстротечного времени: кожа обвисла, и груди, и попы, и бедра, у кого-то кожа сухая и шелушится от диабета, у кого-то от почечной или печеночной недостаточности. У тех, кто почти не встает с постели или с коляски, виднеются болезненные вмятины, ранки и пролежни, а другие, словно юбилейную медаль прожитых лет, несут свои крупные коричневые родинки. То и дело на этих телах появляются, меняют свой вид наросты. Я вижу их всех и отчетливо себе представляю, во что с годами превратится мое тело, выносившее троих детей. Я должна оставаться на посту, даже когда физиотерапевт делает водный массаж, – наверное, на случай, если под воду уйдет сам физиотерапевт.

За семь лет мне практически не случилось нырнуть в этот бассейн. Тут всегда спокойно и тихо, не то что в городском бассейне, куда я вожу своих мальчиков по субботам и откуда выхожу всегда с головной болью: заполонив чашу бассейна до краев, детские группы орут и визжат, и эхо отражается от воды.

Глянув на первого сегодняшнего пловца, я с трудом подавила зевок. Мэри Келли, «землечерпалка», плывет своим любимым стилем – брассом. Медленно и шумно туша длиной полтора метра и весом полтора центнера выбрасывает воду в стороны, словно желая осушить бассейн, а затем пытается скользнуть вперед. Она проделывает этот маневр, не касаясь лицом воды, и пыхтит изо всех сил, словно на морозе. У каждого пациента свое раз и навсегда установленное время. Скоро явится мистер Дейли, а за ним мистер Кеннеди, он же король баттерфляя, воображает себя экспертом по плаванию, затем сестры Элайза и Одри Джонс, которые будут свои двадцать минут скакать по тому краю бассейна, где мелко. Там же, на мелком конце, зависнет и не умеющий плавать Тони Дорман, будет цепляться за плотик так, словно свалился с тонущего корабля, и жаться поближе к ступенькам, поближе к стенке бассейна. Я пока что вожусь с очками, развязываю запутавшуюся резинку и напоминаю себе дышать,

разгонять то стеснение в груди, которое уходит лишь тогда, когда я вспоминаю о необходимости сделать выдох.

Мистер Дейли выходит из раздевалки на дорожку ровно в 9:15. Плавки-яйценокси нахального голубого цвета, когда намокают, обтягивают и предъявляют каждую подробность. Кожа мешками висит у него под глазами, опустились щеки, болтаются складки пониже челюстей. Настолько прозрачная кожа, что я различаю в его теле чуть ли не каждую жилку. Должно быть, самый слабый удар оставляет на его теле синяки. Желтые ногти на пальцах ног загибаются, болезненно впиваясь в кожу. Он мрачно глянул на меня и, поправив очки, прошаркал мимо, как всегда, каждое утро, не здороваясь, цепляясь за металлические перила, словно опасаясь поскользнуться на мокрой плитке, которую Мэри Келли каждым своим гребком забрызгивает еще сильнее. На миг я представляю себе, как он рушится на плитку, кости прорывают бумажную прозрачную кожу, кожа трещит, словно у цыпленка-гриль.

Одним глазом я присматриваю за ним, другим за Мэри, которая с каждым гребком испускает громкое уханье, прямо Мария Шарапова. Мистер Дейли добрался до ступенек, ухватился за ограждение и медленно погружается в воду. Почуввав прохладу, его ноздри раздуваются. Погрузившись в воду, он оглядывается: смотрю ли я. В те дни, когда я смотрю прямо на него, он ложится на спину и долго плавает так, словнодохлая золотая рыбка. Если же я, как сегодня, отворачиваюсь, он погружается под воду с головой, цепляясь руками за бортик, чтобы удержаться на дне. Я прекрасно его вижу: стоит на коленях в неглубокой воде и пытается утопиться. И так изо дня в день.

– Сабрина! – окликает меня мой начальник Эрик из служебного помещения.

– Я вижу.

Я добираюсь до мистера Дейли, который приткнулся у самой лестницы. Наклонившись, подхватываю его под руки и тащу наверх. Он очень легкий, я выдерживаю его без труда, – ловит ртом воздух, глаза за пластиком очков вытаращены, здоровенная зеленая сопля пузырится в правой ноздре. Он содрал с лица очки, вылил из них воду, пыхтя, ворча, дрожа всем телом от злости: опять я порушила его коварный план. Лицо его успело побагроветь, грудь так и вздымается, пока он пытается выровнять дыхание. В точности мой сын-трехлетка: тот вечно прячется в одном месте и обижается, зачем я так быстро его нашла. Я, ничего не говоря, вернулась к своему стулу, холодная вода хлупала в резиновых тапочках. Каждый день одно и то же. И больше ничего.

– Не очень-то ты спешила, – заметил Эрик.

– Правда? Может, на секунду дольше обычного задержалась. Не хотела портить ему игру.

Эрик улыбнулся, хотя и понимал, что это неправильно, и в знак неодобрения покачал головой. Он работает здесь вместе со мной с тех пор, как открылся этот дом престарелых, а раньше работал спасателем в Майами, словно герой сериала. Его мать собиралась умирать и вызвала его в Ирландию, а затем передумала и осталась жить, и он остался с ней. Он пошучивает – мол, она еще его переживет, – но я вижу, он боится, как бы так на самом деле не вышло. Мне кажется, он ждет, когда же она умрет и даст ему свободу, но ему уже скоро пятьдесят, так что может и не дожждаться, вот что его пугает. Чтобы как-то компенсировать отказ от настоящей своей жизни, он, похоже, притворяется, будто все еще работает в Майами, и, хотя это явный бред, порой я завидую его способности переноситься в гораздо более экзотическое место, чем это. По-моему, он так и ходит, прислушиваясь к ритму маракаса у себя в голове, и оттого счастлив – блаженнее человека я не видала. Волосы у него оранжевые, как солнце, и почти такого же цвета кожа. Год напролет он обходится без «свиданий», копит все силы до января, когда улетает в Таиланд. Возвращается, насвистывая, с улыбкой от уха до уха. Я знать не хочу, что он там проделывает, но догадываюсь о его мечте: когда матушка скончается, все его месяцы будут как январь в Тае. Эрик мне нравится, я считаю его своим другом. Мы проводим бок о бок пять дней в неделю, так что я успеваю рассказать ему больше, чем даже себе самой.

– Не странно ли, что единственный человек, кого мне каждый день приходится спасать, как раз хочет умереть? Не делает ли это нашу работу совершенно бессмысленной?

– Много причин считать ее бессмысленной, только не эта. – Он наклонился, чтобы вычистить из стока комков седых волос, точь-в-точь захлебнувшаяся крыса, и спокойно держит эту гадость в руках, выжимает, вовсе не чувствуя того отвращения, что охватило меня. – Ты ощущаешь себя здесь лишней?

Да. Конечно, я не права. Не важно, что человек, которого я спасаю, не хочет жить, важно, что я спасаю жизнь. Ведь так? Но я молчу. Эрик – мой начальник, а не мой психотерапевт. Неприлично спасателю на рабочем месте задаваться вопросом, стоит ли кого-то спасать. Пусть Эрик и живет в своем воображаемом мире, но он отнюдь не дурак.

– Пора тебе передохнуть и выпить кофе, – говорит он, суя мне в руки кружку, а другой рукой он все еще держит утонувшую крысу, седые волосы

с чужого лобка.

Я очень люблю свою работу, но в последнее время что-то стала раздражаться. Не знаю, чего я ждала от своей жизни, на что надеялась. Каких-то конкретных желаний или целей у меня нет. Я хотела выйти замуж – и вышла. Хотела детей – и родила. Хотела стать спасателем – и стала. Почему же мне все время кажется, будто по мне бегают мурашки? Бегают муравьи, которых на самом деле нет.

– Эрик, что значит «мурашки бегают»?

– Хм. Ну, что человеку не по себе.

– С муравьями как-то связано?

Он хмурится.

– Я подумала, когда тебе кажется, будто по тебе ползают муравьи, тогда и начинаются мурашки. – Я слегка вздрагиваю. – И при этом никаких муравьев вовсе нет.

Он постучал пальцем по губе:

– Знаешь, понятия не имею. Это для тебя важно?

Я призадумалась. Из этого следует, что, раз мне кажется, что в жизни что-то не сложилось, значит, либо в самом деле с жизнью что-то не так или со мной. Но ведь это всего лишь ощущение, на самом деле все в порядке. Лучше всего ведь так – чтобы все было в порядке.

– *Что с тобой случилось, Сабрина?* – последнее время Эйдан все время задает мне этот вопрос. Попробуйте все время спрашивать человека, почему он сердится, и он обозлится.

– *Ничего не случилось.*

Но все-таки «ничего» или все-таки «чего»? Или ничего – все вообще ничего. Не в этом ли проблема? Все превратилось в ничто. Уклоняясь от взгляда Эрика, я утыкаюсь в правила поведения у бассейна, однако и они раздражают, лучше отвернуться. Такие они, мурашки.

– Могу узнать, если тебе надо, – говорит он, все еще приглядываясь ко мне.

Уклоняясь от его взгляда, я ушла в коридор и налила себе кофе из автомата. Я всегда пью из своей кружки, не из пластикового стаканчика. Прислонившись к стене в коридоре, я мысленно перебираю наш разговор, перебираю свою жизнь. Кофе закончился, а вывода так и нет. Я бреду обратно к бассейну, и в коридоре меня чуть не сшибают с ног два санитара, которые на максимальной скорости гонят каталку, на ней расprostерлась мокрая Мэри Келли, белые с синими прожилками ноги смахивают на сыр стильтон, на лице кислородная маска.

– Что за черт! – слышу я собственный голос, когда они проносятся

мимо меня.

Вернувшись в маленькое служебное помещение для спасателей, я застала там Эрика: тренировочный костюм насквозь мокрый, рыжие волосы прилипли ко лбу. Явно потрясен до глубины души.

– Что стряслось?

– У нее был – то есть я не знаю в точности, но я думаю, наверное, это инфаркт. Господи! – Вода капала с его заострившегося оранжевого носа.

– Я отошла всего на пять минут.

– Ну конечно. Это случилось в тот самый момент, как ты вышла за дверь. Я нажал тревожную кнопку, вытащил ее, сделал искусственное дыхание, а тут и «скорая». Быстро подоспели. Я впустил их через пожарный въезд.

Я сглотнула, чувствуя, как нарастает во мне зависть.

– Ты сделал ей искусственное дыхание?

– Да. Она перестала дышать. А потом задышала. Стала отплевываться, много вышло воды.

Я глянула на часы:

– Даже пяти минут не прошло!

Он пожал плечами, все такой же ошалелый.

Я посмотрела на бассейн, на висячие часы. Вон и мистер Дейли сидит на бортике и с завистью смотрит вслед унесшейся каталке. Четыре с половиной минуты ровно.

– Тебе пришлось прыгнуть в бассейн? Нырнуть за ней? Сделать искусственное дыхание?

– Ага. Ага. Слушай, Сабрина, не переживай так. Ты бы не смогла ей быстрее помочь.

– И кнопку тревожную нажимал?

Он с недоумением покосился на меня.

Я никогда не нажимала тревожную кнопку. Никогда. Даже на тренировке. Зависть и гнев пузырями рвались наружу, довольно необычное для меня ощущение. Дома бывает частенько, когда мальчики изведут, но на людях – никогда. Я всегда подавляю в себе гнев, тем более на работе, тем более против собственного начальника. Я разумный, сдержанный человек, такие, как я, не срываются на глазах у зрителей. Но на этот раз я не стала подавлять в себе гнев. Пусть вырвется на волю. Это было бы даже круто – дать себе волю, вот только я и в самом деле была страшно разочарована, страшно зла.

Попробуйте себе представить, что я чувствовала. Я проработала

в бассейне семь лет. Две тысячи триста десять дней. Одиннадцать тысяч пятьсот пятьдесят часов. Вычтем декретные отпуска – девять месяцев, шесть и три. Все это время я сидела на стуле и следила за бассейном, подчас совершенно безлюдным. Никаких тебе отчаянных прыжков за утопающим, уж не говоря об искусственном дыхании. Ничего, ни разу. Только мистер Дейли, да порой приходилось помочь при судороге в икре или стопе. Тупая скука. Сажу на стуле или стою и смотрю на огромные часы над бассейном и перечитываю правила: не бегать, не прыгать, не нырять, не толкаться, не кричать – ничего нельзя. Список запретов, сплошь «не», как будто мне назло. Никого не спасать. Я все время наготове, получила специальную подготовку, но ничего никогда не происходило. И стоило мне выйти за чашкой кофе – и я пропустила вероятный инфаркт, пациентка чуть не утонула, да еще и тревожную кнопку нажали без меня.

– Так нечестно, – сказала я.

– Полно, Сабрина, ты же мгновенно среагировала, когда Элайза порезалась о стекло.

– Это было не стекло. У нее вена лопнула.

– Не важно. Главное – ты сразу подросла.

На суше мне плохо, мне приходится бороться за каждый вдох. На суше я словно тону.

Я швырнула свою кофейную кружку об стену.

Он сдавил мне шею так, что перед глазами поплыли черные пятна. Я бы попросил его остановиться, но слова вымолвить не мог, так он вцепился мне в горло. Не могу дышать. Не могу дышать! Я маловат для своих лет, и меня за это дразнят. Прозвали клопом, но мама говорит: у тебя есть способности, ими и пользуйся. Мал, да умен. Собравшись с силами, я пытаюсь вывернуться, и моему большому братцу приходится постараться, чтобы меня не упустить.

– Черт, клоп! – восклицает Энгюс и сжимает пальцы еще сильнее.

Не могу дышать, не могу дышать.

– Отпусти его, Энгюс, – говорит Хэмиш. – Играй давай.

– Этот мелкий гад – жухла. Я с ним играть не стану.

– Я не жулил! – пытаюсь я крикнуть, но не могу. Не могу дышать.

– Он не жухла, – заступает за меня Хэмиш. – Он круче тебя играет, вот и все.

Хэмиш самый старший, ему шестнадцать. Он следил за игрой, сидя на крыльце нашего дома. Когда он такое говорит, это дорогого стоит. Он очень крутой, он сигарету курит. Знала бы мама, она бы ему голову оторвала, но сейчас ей не видно, она в доме, с акушеркой, потому-то мы и торчим тут день напролет, ждем, когда все закончится.

– Что ты сказал? Повтори! – Энгюс задирает Хэмиша.

– А то что?

А то ничего. Энгюс не полезет на Хэмиша, тот хоть всего двумя годами старше, но круче во сто раз. Никто бы из нас с ним связываться не стал. Он парень резкий, это все знают, он теперь водит компанию с Эдди Салливаном по прозвищу Цирюльник, со всей этой шайкой из парикмахерской. От них и получает сигареты. Мамочка за него переживает, но деньги ей нужны, так что она перестала задавать вопросы. Хэмиш любит меня больше других братьев. Иногда он будит меня ночью, я одеваюсь, и мы пробираемся на улицы, где нам не велено играть. Мамочке ничего говорить нельзя. Мы играем в марблс. Мне десять, а выгляжу я еще младше, никто и не подумает, что я так здорово могу играть, никто не догадывается, и Хэмиш заманивает дурачье. Он прилично выигрывает, а мне на обратном пути дает леденцы, чтобы я помалкивал.

Ему нет нужды подкупать меня, но я ему об этом не говорю: леденцы вкусные.

Я даже во сне играю в марблс. Играю, когда должен был бы делать уроки. Играю, когда отец Мордожоп запирает меня в кладовке. Играю у себя в голове, когда мама учиняет мне разнос, играю и ее не слушаю. Пальцы сами собой двигаются все время так, словно я щелкаю шарики, и у меня уже собралась неплохая коллекция. Приходится прятать их от братьев, особенно самые ценные. Они играют гораздо хуже, возьмут мои шарики и проиграют.

Мы слышим, как наверху мама ревет, точно раненый зверь. Энгюс слегка ослабляет зажим у меня на горле. Как раз достаточно, чтобы вывернуться. Все так и замерли, услышав мамин крик. Не впервые мы его слышим, но все равно страшно. Так никто не должен кричать. Открывается дверь, выходит Мэтти блее простыни – бледнее даже, чем обычно.

Глянув на Энгюса, распорядился коротко:

– Отпусти его.

Энгюс послушался, и я наконец смог вздохнуть. Закашлялся. Кроме Хэмиша, Энгюс еще только с одним человеком предпочитает не связываться – с нашим отчимом Мэтти. С Мэтти Дойлом шуточки плохи.

Мэтти сердито смотрит на Хэмиша с сигаретой – я думал, сейчас его стукнет, они вечно ссорятся, но Мэтти его не ударил.

Наоборот, он спросил:

– Для меня не найдется?

Хэмиш улыбнулся всем лицом, даже зелеными глазами – глаза у него от нашего отца, – но ничего не ответил.

Мэтти его молчание не понравилось.

– Черт тебя подери! – Он стукнул Хэмиша по голове, а Хэмиш расхохотался, довольный, что сумел вывести его из себя. Опять победил. – Я пойду в паб. Пусть кто-нибудь из вас придет за мной, когда закончится.

– Да ты оттуда услышишь, – говорит Дункан.

Мэтти рассмеялся, но вид у него испуганный, бледнее обычного.

– Кто из вас смотрит за ним? – Жестом он указал на малыша в грязи. Мы все тоже посмотрели на Бобби. Он самый младший, двухлетка. Сидит в каком-то дерьме, извазюкался до самых глаз, и ест траву.

– Он всегда ест траву, – говорит Томми. – Ничего с ним не поделаешь.

– Ты у нас корова, что ли? – спрашивает Мэтти сына.

– Ква-ква, – отвечает Бобби, и мы все хохочем.

– Бога ради, научите же его отличать корову от лягушки! – ухмыляется

Мэтти. – Бобби, папа пошел в паб, будь хорошим мальчиком. – Он взъерошил Томми волосы: – Приглядывай за ним, сынок.

– Пока, Мэтти! – говорит Бобби.

– Для тебя я папа! – отвечает Мэтти, слегка покраснев от злости.

Он ужасно злится, когда Бобби называет его по имени, но Бобби не виноват, он же слышит, как мы все называем Мэтти по имени, потому что нам он не родной, а разницу Бобби пока не понимает, ему кажется, все мы одинаковые. Только старший сын Мэтти, Томми, зовет его папой. У нас в семье есть Дойлы и есть Боггсы, и все мы, кроме Бобби, это знаем.

– Давайте дальше играть, – говорит Дункан, а мама снова кричит.

– Он играть не будет, если не перебросит, – сердито заявляет Энгюс.

– Хорошо, пусть бросит заново, утихомирься, – говорит ему Хэмиш.

– Эй! – возмущаюсь я. – Я не жулил.

Хэмиш подмигивает:

– Ну так покажи им.

Я вздыхаю. Мне десять лет, Дункану двенадцать, Энгюсу четырнадцать, а Хэмишу шестнадцать. Двум маленьким Дойлам, Томми и Бобби, пять лет и два. У меня трое старших братьев, и мне все время приходится доказывать, что я не хуже, а если в чем-то я лучше, например в марблс, они этого стерпеть не могут, и приходится из кожи вон лезть, потому что тогда они говорят, что я жухла. Это я научил их всем новым играм, про которые прочел в книгах. Я играю лучше, и все они из-за этого звереют, но Энгюс просто с ума сходит – стоит ему проиграть, и он непременно меня побьет. Хэмиш тоже не любит проигрывать, но он придумал, как меня использовать.

Мы играем в «Завоевателя» втроем: я, Дункан и Энгюс. Томми Энгюс в игру не взял, потому что он играет совсем скверно, так плохо, что портит игру. Когда старших нет поблизости, я учу Томми играть. Мне это нравится, хотя играет он чертовски плохо. «Чертовски» – так Хэмиш говорит обо всем. Для учебы я беру самые дешевые шарики, простые прозрачные, потому что Томми непременно их надколет, он все портит. Сейчас он сидит на ступеньках в стороне от Хэмиша. Он боится Хэмиша. Томми знает, что Хэмиш не ладит с его отцом, и думает, что обязан защищать отца, когда того здесь нет. Ему всего пять лет, но он крутой малец, тощий и бледный, весь в отца. Ребята прозвали его Ершиком, потому что он тощий и жилистый, похож на ершик, каким чистят бутылки.

А придумал меня Энгюс вот почему: он первым пустил шарик, затем Дункан бросил свой и подбил его, так что Энгюс уже был зол. Дункан забрал его шарик и пустил свой, начал новую игру. Я подбил Дункана,

забрал его шарик и тоже запустил свой.

Энгюс кинул свой завиток и промахнулся мимо моего шарика.

Дункан нацелился на этот шарик Энгюса – не потому, что тот оказался ближе моего, а потому, это я точно знаю, что он видел, как Энгюс пыхтит, и хотел еще пуще его завести. Но он промахнулся, и опять настала моя очередь. У меня было две мишени на выбор, я мог подбить матовый шарик Дункана, только он мне был не очень нужен, такие у всех есть, это одноцветные шарики, а мог добыть завиток Энгюса, на который давно глаз положил. Энгюс говорил, будто выиграл его, но я думаю, он его украл из магазина Фрэнсиса. Живьем я такой ни у кого не видел, только на картинке в одной из моих книг, так что знал, что это – особый шарик, трехцветный, их называют «змеиный завиток»: завиток в нем двойной, а сам шарик прозрачно-зеленый с матовым белым крапом. Внутри крошечные прозрачные пузыри. Я нашел его в ящике у Энгюса много дней назад, но Энгюс меня словил и дал по яйцам, чтобы я вернул шарик. И даже тогда я аккуратно положил его, а не выронил, нельзя его царапать, а смотреть, как Энгюс пускает его в ход, больнее, чем удар в пах. Такой шарик должен лежать в коробке, его беречь надо.

Я решил проделать тот удар, который недавно отработал, потрясти их всех: закрутить свой биток и подбить оба шарика в один раз. Я запустил свой биток, и он, как я и задумал, первым делом подбил матовый шарик Дункана, но тут Томми заорал, и все поглядели на Бобби, который запихнул себе в рот улитку, прямо с ракушкой и всеми причиндалами. Энгюс кинулся к малышу, открыл ему рот:

– А где ракушка, ты что, схрумкал ее, Бобби?

Бобби ничего не ответил, ждал свою порцию, широко распахнув огромные голубые глаза. Он среди нас единственный блондин, ему и убийство сойдет с рук благодаря этим голубым глазам и светлым волосам – даже Хэмиш стучает его не каждый раз, когда руки чешутся. И вот все они пытались разобраться, куда же делся улиткин домик, и никто не смотрел, когда мой биток стукнул и по шарiku Энгюса тоже, что означало: я одним ударом заполучил оба шарика. А когда они оглянулись и увидели, что я схватил оба шарика, Энгюс тут же обвинил меня в жульничестве и принялся душить.

Теперь, высвободившись, я должен был опровергнуть обвинение, повторив тот же бросок. Оно бы ладно, я знал, что смогу, но только не когда все они думают, будто я смухлевал. Если сейчас я промахнусь, они точно решат, что я жухла. Хэмиш подмигнул мне. Я знаю, он знает, что я могу, но, если я сейчас не выиграю, он, наверное, не возьмет меня с собой этой

ночью. Ладони начинают потеть.

Мама снова вскрикнула, Томми в ужасе оглянулся.

– Ребенок? – спросил Бобби.

– Уже скоро, дружок, уже скоро, – сказал Хэмиш, сворачивая себе новую сигарету, хладнокровный, как огурец. Честно, когда вырасту, хочу быть в точности таким, как он.

Распахнулась дверь соседнего дома, оттуда вышла миссис Линч со своей дочкой Люси. Стоило Люси увидеть Хэмиша, и лицо у нее запылало. Она держала поднос с целой горой сэндвичей. Я заметил клубничное варенье, а миссис Линч несла в кувшине разбавленный апельсиновый сок.

Мы так и накинулись на эту еду.

– Спасибо, миссис Линч! – сказали мы дружно с набитыми ртами, пожирая сэндвичи. Мама там кричит наверху, а нас со вчерашнего вечера не кормили.

Хэмиш подмигнул Люси, она как-то странно захихикала и убежала в дом. Однажды я видел их вместе поздно вечером, он сунул одну руку ей в блузку, а другую запустил под юбку, а она обхватила его за пояс ногой, точно обезьянка, широкие белые бедра блестели в темноте.

– Ваша мама так и будет рожать, пока девочку не заполучит? – спросила миссис Линч, присаживаясь на ступеньку.

– Думаю, на этот раз будет девочка, – отозвался Хэмиш. – Форма живота у нее другая была.

Хэмиш говорит совершенно серьезно: хоть он и шептун, он многое подмечает, такое видит, на что все остальные внимания не обращают.

– Наверное, ты прав, – соглашается миссис Линч. – Живот вздернут, это точно.

– Приятно будет иметь в семье девочку, – говорит Хэмиш. – Хватит с меня этих вонючих засранцев, тошнит.

– А, она всеми вами будет командовать, вот увидишь, – говорит миссис Линч. – Как моя Люси.

– Уж она точно командует Хэмишем, – бормочет Энгус и тут же получает от Хэмиша ногой в живот – пережеванный хлеб с вареньем вылетает у него изо рта, он согнулся пополам, а я торжествую: вот и расплата за то, что меня душил.

Зеленые глаза Хэмиша мягко светятся, похоже, он и правда рад будет сестре. Совсем размяк мой грозный старший брат.

Мама опять кричит.

– Уже скоро, – повторяет Хэмиш.

– Она молодцом, – говорит миссис Линч, но кажется, будто ей и самой стало больно только оттого, что она слышит эти крики. Может быть, вспоминает, как это было. Мне тоже плохо, стоило представить, как младенец лезет из нее.

Акушерка выкрикивает какие-то команды, словно мама – боксер на ринге, а она – тренер. Мама визжит как свинья, за которой гонится с ножом мясник.

– Еще чуть-чуть, – говорит Хэмиш.

Миссис Линч смотрит на него с уважением: все-то он знает. Как самый старший, он уже пять раз пережил роды и даже если не все запомнил, кое в чем разбирается.

– Ладно, доиграем, пока ее ждем! – Энгюс вскочил и рукавом утер варенье с лица.

Я знаю: Энгюс хочет перед всеми доказать, что я смошенничал. Он знает, что Хэмиш покровительствует мне, а поскольку драться с Хэмишем у него силенок не хватит, он вместо старшего брата мучает меня. Сделает мне больно – и как будто поквитается с Хэмишем. И Хэмиш тоже это чувствует. Для меня это хорошо, а для того, кто меня обижает, – плохо. Только на этой неделе Хэмиш выбил зуб парню за то, что не взял меня в свою команду, – а я даже и не хотел играть в футбол.

Я поднимаюсь, занимаю свое место. Сосредоточиваюсь изо всех сил, сердце так и бьется, руки потеют. Очень хочу заполучить змеиный завиток.

Акушерка кричит, что показалась головка. Мамины вопли уже невозможно слушать: свинью загнали и режут.

– Умница девочка, умница, – бормочет миссис Линч, грызя ноготь и раскачиваясь взад-вперед на крыльце. Можно подумать, мама ее слышит. – Уже почти все, лапочка моя. Ты справилась. Справилась.

Я запускаю биток. Он бьет по шарiku Дункана, как и я хотел, и катится к шарiku Энгюса. Завиток будет мой.

– Девочка! – восклицает акушерка.

Мой биток подкатывается к завитку Энгюса. Он на волос разминулся с ним, но никто не смотрит, никто ничего не видит. Все так и застыли. Замерла и миссис Линч. Все ждут. Ждут, когда младенец закричит.

Хэмиш закрыл лицо руками. Я еще раз огляделся: никто не смотрел ни на меня, ни на мой биток, который так и прокатился мимо шарика Энгюса, даже не коснулся его.

Я шагнул чуть вправо – никто не смотрел. Я вытянул ногу и слегка подтолкнул свой шарик обратно, чтобы он остановился рядом со змеиным завитком. Сердце отчаянно стучало. Я поверить не могу, что творю такое,

но если сойдет с рук, то я заполучу завиток, он взаправду будет мой.

И вдруг раздался плач – но не младенца, а мамы.

Хэмиш кинулся в дом, Дункан за ним. Томми выдернул Бобби из грязи и побежал следом. Энгюс глянул под ноги, увидел, что наши два шарика лежат вплотную.

Лицо у него страшно серьезное.

– Ладно. Ты выиграл. – И он ушел в дом вслед за братьями.

Я поднял зеленый шарик, оглядел его со всех сторон. Какое счастье, что он наконец-то у меня на ладони, станет частью моей коллекции. Это ужасно редкие шарики. Но радовался я недолго: возбуждение сникло, и смысл всего случившегося дошел до меня.

Нет у нас сестренки. Младенец не выжил. А я – жухла.

4

Не прыгать

– Сабрина, с тобой все в порядке? – окликнул меня Эрик из-за офисного стола.

– Да, – ответила я, стараясь приглушить голос. Вовсе я не в порядке. Только что расколотила кружку о бетонную стену, потому что упустила свой шанс спасти утопающего. – Думала, осколков будет больше.

Мы оба посмотрели на кружку, стоявшую теперь на столе Эрика. Ручка отлетела и сколот край, но больше никакого ущерба. – Моя мама однажды запустила чайником в потолок, так осколков было намного больше.

Эрик внимательно присмотрелся к кружке:

– Наверное, дело в том, как она врезалась в стену. Под каким углом.

Мы молча обдумали эту мысль.

– Тебе надо сейчас домой, – вдруг решил он. – Возьми отгул. Посмотри на затмение, все про него только и говорят. Возвращайся в понедельник.

– Ладно.

Мой дом – крайний в ряду коттедж на три спальни, где я живу с моим мужем Эйданом и тремя сыновьями. Эйдан работает в службе поддержки Eircom, но у нас в доме интернет так и не удается наладить. Мы женаты уже семь лет. Познакомились на Иббисе, на соревновании в ночном клубе – кто быстрее слижет сливочный крем с груди незнакомца. Грудь была его, а я слизывала, и мы выиграли. И не сказать, чтобы для меня это был такой уж странный поступок. Мне было девятнадцать, семь парочек выступали перед залом, где сидели тысячи зрителей, мы выиграли бутылку текилы, распили ее на пляже и занялись сексом. Странно было бы, если бы нет. Тогда я совершенно не знала Эйдана, однако теперь он бы и сам не узнал себя тогдашнего – нахального парня с серьгой в ухе и сбритой бровью. Оба мы изменились, конечно. Эйдан теперь не любит ходить на пляж, говорит, песок всюду забивается. А я теперь не ем молочных продуктов.

Я почти никогда не бываю дома одна. Даже вспомнить не могу, когда такое было в последний раз, чтобы вокруг не скакали дети, поминутно прося меня дать то и сделать это. В одиночестве я не знаю, чем заняться, и просто сижу в пустой кухне, оглядываюсь по сторонам. Десять часов

утра, день едва начался. Я заварила себе чай, чтобы чем-то заняться, но пить не стала. Вовремя остановилась, когда уже запихивала чайные пакетики в морозилку. Все время у меня так. Гора грязного белья и гора глажки – нет, пусть подождут. Я заметила, что опять задержала дыхание, и поспешила выдохнуть.

Все время что-то остается несделанным. Столько дел, для которых в туго забитом дне так и не остается получаса. Теперь у меня есть время – целый свободный день – но я не знаю, с чего начать.

Зазвонил мобильный, пробудив меня от сомнений: номер больницы, где лежит мой отец.

– Алло? – сказала я и почувствовала стеснение в груди.

– Привет, Сабрина, это Ли. – Любимая сиделка моего отца. – Только что доставили пять коробок для Фергюса. Это от вас?

– Нет.

– О! Видите ли, проблема в том, что у вашего отца в палате маловато места. Я ему их пока еще не показывала, они так и лежат в приемной. Решила сначала поговорить с вами, вдруг там что-то такое, что может его расстроить.

– Да, вы правы, спасибо. Не беспокойтесь, я прямо сейчас приеду за ними, я как раз освободилась.

Вот так всегда. Если выдастся у меня минута без работы и детей, ее тут же заполнит папочка. Через полчаса я добралась до больницы. Коробки громоздились одна на другой в углу приемной. Ли была права: в папиной комнатке они бы не поместились, и, хотя я поначалу не сообразила, откуда они взялись, при виде коробок сразу все поняла и обозлилась. Это те самые коробки с папиными вещами, которые я сама и укладывала после продажи его дома. Мама взяла их на хранение, а теперь они ей, видимо, надоели. Только почему же она послала их сюда, а не прямо мне?

В прошлом году у папы случился тяжелый инсульт, и теперь он живет в отделении для хроников, где получает профессиональный уход, какого я, со своими тремя ребятишками, ему никак не могла бы обеспечить. Чарли семь лет, Фергюсу пять, Алфи три и еще работа. Мама тоже на себя брать эти заботы не стала, ведь они давно в разводе, а расстались, еще когда мне было пятнадцать. Правда, теперь у них отношения как никогда наладились, и мне даже кажется, мама с удовольствием навещает его раз в две недели.

Повсюду пишут, что стресс не может спровоцировать инсульт, но с папой это стряслось, как раз когда у него случились самые большие в его жизни неприятности, финансовый кризис здорово по нему ударил.

Он работал в компании, занимавшейся финансированием стартапов. Некоторое время он еще бился в поисках новых клиентов, пытался вернуть старых, но на его глазах рушились чужие жизни, и он чувствовал себя виноватым, а поделать ничего не мог. Потом нашел себе новую работу – торговать автомобилями, надеялся наладить жизнь, но пока что толстел, давление росло, он не занимался спортом, все время курил, много пил, в общем, все делал себе во вред. Я не врач, но я знаю: он вел себя так из-за стресса, а потом у него случился удар.

Его речь трудно разобрать, и он пока сидит в инвалидной коляске, но учится ходить. Он сильно похудел и выглядит другим человеком по сравнению с тем, каким был в последние годы перед болезнью. После инсульта память у него нарушена, и это сердит маму: он ухитрился забыть все их споры и ссоры, все мучения, свои проступки – а их на протяжении брака было немало. Он чист и благоухает розами.

– Он живет себе как ни в чем не бывало. Не чувствует себя виноватым, ему не за что извиняться, – возмущается мама. Она-то надеялась, что он до конца жизни будет терзаться виной, а он ей все испортил. Взял и забыл все. Но, хотя у нее множество обид на Фергюса до инсульта, она регулярно приезжает к нему, и они воркуют, словно супруги, какими они хотели бы стать, да не смогли. Говорят о политических новостях, о садоводстве, погоде, смене сезонов. Утешительная болтовня. Мне кажется, больше всего мама на это и сердится: что теперь он стал ей приятен. Этот добрый и мягкий пожилой пациент – мужчина, за которым она могла бы оставаться замужем.

Папа был серьезно болен, но все же мы его не потеряли. Он жив, а утратили мы лишь часть его – ту отчужденную, отдаленную, порой неприятную сторону, которая мешала нам его любить. То, что отталкивало в нем многих. То, что хотело жить само по себе, но чтобы мы все были под рукой, на случай если вдруг понадобится. Теперь он вполне доволен жизнью, ладит с медсестрами, завел друзей, и я провожу с ним гораздо больше времени, чем прежде, каждое воскресенье приезжаю вместе с Эйданом и мальчиками.

Что именно он забыл, а что сохранилось, выясняется лишь в тот момент, когда я о чем-то упоминаю и вижу ставшее уже знакомым выражение его лица: глаза туманятся, взгляд становится отсутствующим, он сверяет услышанное с ворохом своих воспоминаний и вытаскивает пустышку: не сошлось. Так что понятно, почему нянечка Ли не понесла коробки прямо к нему: переизбыток вещей, которые он не сумеет вспомнить, конечно же расстроит больного. Есть способы обходить такие

моменты – я ступаю мимо на цыпочках и поскорее прочь, словно об этом и речи не было, или же притворяюсь, будто это я все перепутала. Не потому, что это расстраивает его – обычно обходится без особых драм, словно он ничего такого не заметил, – главным образом это огорчает меня.

Коробок больше чем было, мне так не терпится, что я, не дожидаясь, пока привезу их домой, прямо тут, в коридоре больницы, поддеваю ключом скотч на верхней коробке и раздираю его. Отодвинув клапан коробки, заглядываю внутрь, ожидая увидеть фотоальбомы или свадебные карточки. Что-нибудь сентиментальное, что уже не кажется маме дорогим, а, напротив, возмущает ее сердце против мужа, который лишил ее всего этого. Разбитые мечты, нарушенные обещания.

Но я вижу папку с рукописными страницами, знакомый отцовский почерк с завитушками, как на записках, которые он давал мне в школу, и на поздравительных открытках. Сверху написано: «Каталог марблс». Под папкой – коробочки, банки, мешочки, что-то завернуто в упаковочную бумагу, что-то в пузырчатую.

Я начала приподнимать крышки. В каждой баночке и коробочке – нежнейшие краски, леденцово сияющее стекло. Я смотрела на все это богатство в изумлении, потрясенная: никогда не знала, что папа коллекционирует марблс. Не знала, что он в них разбирается. Не будь каталог написан его почерком, я бы подумала, что тут какая-то ошибка. Словно я открыла коробку – а там чья-то другая жизнь, не его.

Открыв папку, я стала читать список, и он оказался совсем не сентиментальным, как я ожидала.

Все мешочки, бархатные и сетчатые, и жестяные банки снабжены цветными этикетками и номерами, чтобы не перепутать, и такими же цветами размечены рубрики каталога.

Первый в списке – маленький бархатный мешочек с четырьмя шариками. Инвентарь именовал их «кровяниками», а в скобках – «камрадами». Открыв мешочек, я увидела шарики поменьше всех прочих и с разнообразными красными завитками. Папа чрезвычайно подробно их описал:

Редкие кровяники от Christensen Agate с прозрачными красными завитками, коричневая просвечивающая граница на белом матовом фоне. Встречаются гораздо реже обычных кровяников.

В кубической коробке – еще кровяники, датированные 1935 годом, от компании Peltier Glass. Наклейка у них, что логично, красная, а в

каталоге они отнесены к той же рубрике, что и бархатный мешочек. Я взяла в руки несколько шариков, покатала, прислушиваясь к легкому их постукиванию друг о друга, а разум лихорадочно пытался найти объяснение тому, что я обнаружила. Эти мешочки, банки, коробочки скрывали в себе изумительной красоты цвета, спирали, завитки, каждый оттенок так и переливался, попав под луч света. Я вынула несколько шариков и поднесла их к окну, всматриваясь во внутренние детали, пузыри, игру света. Такие маленькие и так сложно устроены – они меня околдовали. Я поспешно пролистала страницы каталога. Завитки латтичино, разделенные внутренние завитки, цельные внутренние завитки, опоясывающие завитки, плащ Иосифа, ленточные/невнутренние завитки, мятные завитки, опоясанные матовые, клэмброты, индийские, опоясанный латц, латц луковая кожица, ленточный латц – столько терминов, совершенно для меня невнятных. А еще более удивительно, что на других страницах того же каталога отец вел учет цены каждого шарика по следующим категориям: размер, в идеальном состоянии, в почти идеальном состоянии, в хорошем, в пригодном для коллекции. Выходит, эта скромная коробочка кровяников стоит от 150 до 250 долларов.

Все цены были приведены в американских долларах, какие-то шарики стоили пятьдесят долларов или сто, но двухдюймовый ленточный латц оценивался в 4500 долларов в идеальном состоянии, в 2250 – в почти идеальном, в 1250 – в хорошем и в 750 долларов, если он пригоден для коллекции. Какой шарик в каком состоянии, я разобраться не могла, мне они все казались идеальными – ни трещины, ни скола, – но их тут были многие сотни, каталог толщенный. Выходит, папа собрал коллекцию марблс ценой в немалые тысячи долларов.

Нужно поразмыслить. Вокруг – звуки и запахи отделения для хроников, они мгновенно вернули меня из магического мира марблс к реальности. Я беспокоилась, как отец будет платить за уход, но если он не ошибся с оценкой своей коллекции, то вот его сбережения на черный день. Я все время волновалась из-за медицинских счетов. Ему в любой момент могли понадобиться операция, новые лекарства или какие-нибудь процедуры. Курс лечения все время меняется, счета растут, а от денег, вырученных за его квартиру, мало что осталось после выплат по закладной и погашения долгов. Мы и представления не имели, в какую яму он себя загнал.

Почерк у отца безукоризненный, красивые, перетекающие друг в друга строки, ни единой ошибки – наверное, случись описка, он бы вырвал страницу и начал сначала. Каталог составлялся с любовью, в него вложено

много времени и старания, исследований, знаний. Вот именно: этот каталог написан экспертом. Совсем другим человеком – не тем, кто ныне с трудом водит ручкой по бумаге, но и не тем, каким я знала отца. Его единственным хобби, насколько я видела, было смотреть футбол и обсуждать матчи. Я решила рассмотреть все содержимое коробок дома, не спеша. Джерри, привратник больницы, отнес их в мою машину. Но прежде чем запечатать коробку, я все-таки вытащила из нее мешочек с красными шариками.

Отец сидел в гостиной, пил чай и смотрел «Выгодную сделку». Он смотрит это шоу каждый день: про то, как люди отыскивают на рынке всякие редкости, а потом пытаются подороже продать их с аукциона. Может быть, в таких вот мелочах и сказывалось давным-давно его пристрастие коллекционера, а я пропустила все намеки. Вспомнила про каталог и прикинула, не вернуться ли за ним. Глядя на то, как отец пристально следит за ростом цен на антикварные предметы, я подумала: может быть, он так же точно помнит, что там у него в коллекции? Но он заметил меня прежде, чем я приняла решение, и я пошла к нему, навстречу его улыбке. Сердце разрывается при виде того, как он радуется посетителям, – и не потому разрывается, что он тут заброшен, а потому, что прежде ему людей не требовалось, разве что удавалось им что-то продать, а так они его раздражали, теперь же он жаждал общения и не мог дать ничего взамен.

– Доброе утро.

– Приятная неожиданность, – сказал он. – Ты сегодня не на работе?

– Эрик отпустил меня пораньше, – не вдаваясь в подробности, ответила я. – И позвонила Ли. Сказала, дело срочное, ты устроил заговор и собираешься снова организовать побег.

Он засмеялся, потом глянул вниз, мне на руки, и смех замер. В руках у меня мешочек с красными шариками. Какая-то тень пробежала по его лицу. Никогда не видала у отца такого лица. И так же быстро, как появилось, это выражение исчезло, и он опять улыбнулся мне, снова ничего не помня.

– Что это у тебя?

Я раскрыла ладонь, показала ему красные шарики в мешочке.

Он уставился на них неподвижно. Я ждала хоть слова, но ничего. Он даже мигать перестал.

– Папа?

Молчание.

– Папа? – Свободной рукой я осторожно коснулась его локтя.

– Да! – Он глянул на меня тревожно.

Я распустила шнурки мешочка и высыпала шарики себе на ладонь. Слегка их подвигала, они перекатывались и чуть постукивали друг о друга.

– Хочешь их поддержать?

Он опять уставился на шарики, очень пристально, как будто пытался разгадать их тайну. Хотела бы я знать, что творится у него в голове. Там слишком много? Там все? Ничего? Знакомое ощущение. Я ждала, что на его лице вновь промелькнет гримаса узнавания. Но нет. Только раздражение, недовольство – наверное, оттого, что не может припомнить то, что хотел. Я торопливо сунула шарики в карман и сменила тему, стараясь спрятать от него собственное разочарование.

Но я видела это. Словно всполох пламени. Словно взмах крыла. Мгновенный блеск океана под солнечным лучом. Краткий миг, и все исчезло, но это было. Когда он увидел эти шарики, на мгновение он стал другим человеком – человеком с незнакомым мне лицом.

Я дома, у меня температура, единственный раз в жизни жалею о том, что пришлось пропустить школу. Год напролет я мечтал о таком дне, я ненавижу школу. В любой бы другой день заболеть, но не в этот. Вчера были похороны – не совсем настоящие, без священника, но у Мэтти есть приятель-гробовщик, и тот выяснил, где похоронят нашу сестренку: в одном гробу со старухой, которая только что умерла в больнице. Когда мы пришли на кладбище, семья старухи еще прощалась с ней и нам пришлось подождать. Мама радовалась, что девочку положили со старухой, а не со стариком, вообще не с мужчиной – эта старуха сама была матерью и бабушкой, мама поговорила с одной из ее дочерей, и та обещала, что ее мама присмотрит за малышом. Потом дядя Джозеф и тетя Шейла прочли несколько молитв. Мэтти не молился. Он, может быть, и не умеет, а мама и слова из себя выдавить не могла.

Священник до этого заходил к нам и советовал маме не раздувать свое горе и не ходить на могилу. Мама наорала на него, а Мэтти вырвал у него из рук стакан бренди и вытолкал из дому – Хэмиш ему помог, впервые в жизни они в чем-то оказались заодно. Я видел, как люди косились на маму, когда мы шли на кладбище, все в черном, а прохожие смотрели так, словно мама рехнулась, словно сестрички и не было, раз она не сумела даже разок вздохнуть, когда родилась. Акушерка позволила маме подержать младенца, хотя это и не полагается. Мама держала девочку у груди целый час, а когда акушерка стала сердиться и отнимать трупик, вступился Хэмиш. Мэтти не было, и Хэмиш все сделал сам, забрал у мамы из рук девочку и вышел с ней на крыльцо. Он поцеловал ее и отдал акушерке, и та унесла ее навсегда.

– Во мне она была живая, – сказала мама священнику, и мне кажется, ему это не понравилось. Ему вроде бы противно было думать, что внутри женщины могло находиться что-то живое. Но она поступила по-своему, попрощалась у могилы со своей дочкой. День был серый, холодный, дождь шел не переставая. У меня ботинки промокли насквозь, с носками, ноги онемели. Потом я весь день чихал, нос заложило, а братья толкали меня, чтоб перестал храпеть, и всю ночь меня бросало из жара в холод, я то дрожал, то потел, мерз, когда потел, а когда дрожал, мне вдруг становилось

жарко. И кошмары: будто папа дерется с Мэтти, а отец Мерфи орет на меня, что-то про мертвых младенцев, и сильно бьет, а братья украли мои шарики, а мама вся в черном и воет от горя. Но это уже было по правде.

И хотя мне кажется, будто кожа у меня горит и все вокруг плавает, я не хочу звать маму. Лежу, ворочаюсь, порой плачу тихонько, потому что мне так плохо и все болит. Мама принесла мне утром вареное яйцо и положила мокрую тряпку на лоб. Она посидела со мной, вся в черном, живот еще не опал, и кажется, будто младенец по-прежнему там. Она смотрела прямо перед собой и ничего не говорила. Немножко похоже на то, какой она была, когда умер папа, но и по-другому: на папу она сердилась, а теперь просто горюет.

Обычно мама не сидит на месте. Все время убирает, стирает подгузники Бобби, моет весь дом, вытряхивает коврики и простыни, готовит, подает на стол. Никогда не останавливается, все время носится, мы путаемся у нее под ногами, она раздвигает нас в стороны коленями и бедрами, словно идет по полю, а мы сорняки. Время от времени она распрямляется, хватается за спину и стонет – и снова за работу. Но сейчас в доме тихо, очень непривычно. Мы всегда орем, деремся, хохочем, болтаем, даже ночью, то малыш заплачет, то мама ему что-то напевает или Мэтти возвращается пьяный, натывается на мебель и бранится. Я слышал то, чего никогда прежде не слышал: потрескивание полов, гудение труб, – но ни звука от мамы. Это меня испугало.

Я вылез из кровати, ноги дрожали и подгибались, словно я разучился ходить, на лестнице мне пришлось цепляться за перила, ступеньки трещали под моими босыми ногами, пока я спускался. Я вышел в гостиную – это была маленькая комната в задней части дома, как будто спохватились и пристроили в последний момент. Мамы там не было. И в кухне не было. И в саду. Я снова заглянул в гостиную и уже повернул прочь, но тут заметил ее – черное платье в кресле, которое стояло в дальнем углу, обычно там Мэтти располагался. Она сидела так тихо, что я не сразу и разглядел. Сидела и смотрела в пустоту, глаза красные, как будто со вчерашнего дня так и не переставала плакать. Никогда не видел ее такой неподвижной. И не помню, чтобы мы когда-нибудь оставались вдвоем, только она и я. Никогда мама не была вот так совсем моей. И от этого я занервничал – что сказать маме, когда рядом никого нет, никто не услышит, не увидит, не станет меня дразнить, задирать, подначивать? Что я скажу маме сейчас, когда обращаюсь к ней не за тем, чтобы утереть нос кому-то из братьев, не чтобы на кого-то пожаловаться? Как я узнаю, правильно ли я поступил, если рядом нет братьев – я всегда мог догадаться по их лицам.

Я хотел уже уйти, но тут вспомнил что-то, о чем хотел спросить, и спросить мог только наедине, пока никого больше не было.

– Привет, – сказал я.

Она оглянулась, словно бы с испугом, потом улыбнулась:

– Доброе утро, милый. Как голова? Хочешь еще попить?

– Нет, спасибо.

Она снова улыбнулась.

– Я хотел тебя кое о чем спросить, если можно.

Она поманила меня к себе, я подошел совсем близко и остановился, стал в смущении крутить пальцами.

– Ну, что такое? – ласково поторопила она.

– Как ты думаешь – она теперь с папой?

Она растерялась – глаза снова наполнились слезами, слова не давались. Я подумал: будь тут ребята, я бы не задал такой глупый вопрос. Вот я взял и опять ее расстроил, а ведь Мэтти велел нам остерегаться и не делать этого. Надо поскорее выпутаться, пока она не заорала на меня или, хуже того, не расплакалась.

– Я знаю, он не ее папа, но он любил тебя, а ты ее мама. И он любил детей. Я не очень хорошо его помню, но это я помню. Его зеленые глаза, и как он все время возился с нами. Играл в догонялки. Боролся. Помню, как он смеялся. Он был худой, а руки большие. Другие папы с детьми не играют, вот почему я знаю, что ему нравилось возиться с нами. Я думаю, она теперь на небе, и он там присмотрит за ней, так что ты можешь за нее не волноваться.

– Ох, Фергюс, мой хороший! – сказала она и распахнула мне объятия, а слезы так и текли. – Иди сюда, маленький.

Я вошел в ее распахнутые руки, и она так крепко обняла меня, что я почти перестал дышать, но боялся сказать ей об этом. Она раскачивала меня и приговаривала: «Мой мальчик, мой мальчик», много раз, так что я подумал, может быть, я все-таки сказал что-то правильное.

Когда она меня отпустила, я спросил:

– Можно еще вопрос?

– Да, – кивнула мама.

– Почему ты назвала ее Викторией?

Снова ее лицо сморщилось от горя, но она справилась с собой, даже улыбнулась.

– Я никому об этом не говорила.

– Ой, прости.

– Нет, дружок, все в порядке, просто никто не спрашивал. Садись

ко мне. Я тебе расскажу. – И, хотя я для этого уже слишком большой, я забрался к ней на колени – полпопы на кресле, половинка у нее на коленях.

– С ней я чувствовала себя по-другому. Живот другой. Я сказала Мэтти: я точно слива. И он сказал: хорошо, назовем ее Слива.

– Слива! – рассмеялся я.

Она кивнула и опять утерла слезы.

– Тогда я вспомнила сад моей бабушки. Мы ездили к ней – я, Шейла и Пэдди. У нее были яблони, груши, черная смородина и два сливовых дерева. Я любила сливы, потому что бабушка только о них и говорила. Мне кажется, она только о них и думала, чтоб они не взяли над ней верх. – Мама рассмеялась, и я вторил ей, хотя не понял шутки. – Мне кажется, она считала эти деревья экзотичными, и они придавали экзотичности ей, хотя она была простая, самая простая женщина, ничем не лучше любого из нас. Она пекла пироги со сливами, и я любила ей помогать. Мы каждый год попадали к ней на мой день рождения, так что мой именинный пирог – сливовый.

– Мм, – облизнулся я. – Никогда не ел сливовый.

– И правда, – сказала она, словно удивившись. – Я никогда вам сливовый не пекла. В основном она выращивала опаловые сливы, но на них надежда плохая, потому что зимой снегоири склевывают все почки. Они дочиста обдирали ветки, и наша бабушка с ума сходила, гонялась за ними по саду, размахивая скатертью. Иногда она заставляла нас целый день стоять под деревьями и отгонять птиц. Я, Шейла и Пэдди торчали там вместо пугал.

Я рассмеялся, представив себе эту картину.

– «Опал» она больше всего берегла, потому что этот сорт дает самые вкусные плоды и большие, почти вдвое больше других, но и из-за «Опала» она так злилась, да и урожай это дерево давало не всякий год. Я больше любила другое дерево, «Викторию». Оно поменьше, зато плодоносило каждый год, и снегоири его не трогали. – Мама отвернулась, ее улыбка угасла. – Теперь ты знаешь.

– А еще есть игра в марблс, которая называется «Сбор слив», – сказал я.

– Вот как? – переспросила она. – У тебя найдется игра в марблс на любой случай. – Одним пальцем она пощекотала меня в чувствительном местечке, и я захихикал.

– Хочешь сыграть?

– Почему бы и нет? – откликнулась она и сама удивилась.

А уж я изумился так, что вихрем взлетел наверх, за шариками, примчался обратно, а она так и сидела в кресле, задумавшись. Я стал раскладывать шарики, на ходу объясняя правила.

Рисовать на полу нельзя, поэтому линию я обозначил шнурком и выложил в ряд шарики, соблюдая расстояние между каждыми двумя шариками – шириной в два шарика. Потом положил прыгалку, обозначив линию на другом конце комнаты. Нужно встать на линию и по очереди пулять по ряду шариков.

– Это сливы, – сказал я, указывая на ряд шариков. Я был вне себя от волнения – мама целиком принадлежит мне, слушает меня, старается понять, что я толкую ей про марблс, может быть, даже сыграет со мной, и никто ее сейчас у меня не отнимает. У меня все болячки разом прошли, так я увлекся, хорошо бы и она про свои беды забыла. – Нужно целить битком в сливу: сумеешь выбить сливу – забираешь ее себе.

Она засмеялась:

– Дурацкая забава, Фергюс. – И все же стала пулять, и ей было весело, она хмурилась, промахнувшись, и радовалась, когда выигрывала. Никогда не видел, чтобы мама играла вот так, чтобы она потрясала в восторге кулаками, выбив очко. Лучшие минуты с ней за всю мою жизнь. Когда за дверью слышались голоса, крики, переругивание вернувшихся из школы братьев, я бегом подобрал рассыпанные по полу шарики.

– Ступай-ка обратно в постель! – Она взъерошила мне волосы и ушла в кухню.

Я никому не рассказывал про то, о чем мы говорили с мамой, и про нашу игру в марблс не рассказывал. Пусть это останется только для нас двоих.

И через неделю, когда мама сняла траур и спекла нам на сладкое сливовый пирог, я не стал никому объяснять, почему сливовый. Кое-чему я научился, пока тайком носил в карманах шарики, на случай если отец Мерфи снова запрет меня в кладовке, и когда ходил по ночам с Хэмишем играть, притворяясь неуклюжим новичком: я узнал, что, если умеешь хранить секреты, тебя так просто не возьмешь.

Вернувшись домой – утро все еще длилось, – я сгрузила папины коробки посреди гостиной и отделила две знакомые, с теми важными вещами и сентиментальными сувенирами, что мы хранили. Их я отодвинула в сторону, чтобы добраться для трех новых. Загадка: мы с мамой разбирали папину квартиру, каждый закуток, но этих коробок я не видела. Заварив себе свежего чая, я принялась распаковывать ту коробку, которую уже успела вскрыть. Лучше продолжать с того самого места, на котором остановилась. Так странно – много свободных часов наедине с собой. Трое мальчишек не будут дергать меня поминутно, и не нужно следить за тем, как старики переплывают из конца в конец бассейн. Очень осторожно, не торопясь, я начинала вникать в отцовский инвентарь.

Внутренние завитки – «латтичино», разделенные, ленточные, завитки «плащ Иосифа». Я вынимаю шарик за шариком и выкладываю их рядом с коробками, сижу на полу, точно один из моих сыновей со своими машинками. Утыкаюсь в них лицом, всматриваясь в глубину, сравнивая и сопоставляя. Дивлюсь цветам и разнообразию, одни шарики изнутри затуманены, другие прозрачны, третьи словно удерживают внутри радугу или же маленький, мгновенно застывший ураган. Есть одноцветные, без всяких завитков. Хотя все они рассортированы под разными незнакомыми мне названиями, я пока что толком не вижу отличий, а главное – сходства. Каждый шарик кажется мне уникальным, нужно раскладывать их очень аккуратно, чтобы не перепутать.

От описаний в каталоге ум заходит за разум – какой тут завиток, крыжовенный, карамельный или «кастард». Где «пляжный песок» с мятой, а где со слюдой. Но папа-то разбирался, он каждый шарик знал. Слюда и окалина, прозрачные и матовые, иные так сложно устроены, будто внутри заключена целая вселенная, другие одного чистого цвета до самой сердцевины. Темные, яркие, дивные, завораживающие – он собрал их все.

А потом я наткнулась на коробку, от которой меня разобрал смех. Папа, ненавидевший любую живность и настрого запретивший мне заводить любимца, собрал полный набор «сульфидов» – прозрачных шариков с фигурками животных внутри, свой собственный зоопарк внутри маленьких стеклянных шариков. Тут и собаки, и кошки, белки и птицы,

даже слон есть. Больше всех мне приглянулся прозрачный шарик с ангелом. Я долго держала его на ладони. Рассматривала со всех сторон, дав пока отдых усталой спине. Пыталась понять, что же я такое обнаружила, когда, в какой части или стороне своей жизни он был коллекционером. Может быть, когда мы с мамой уезжали, он махал нам вслед и убегал в дом к своим стеклянным зверюшкам? Возился с ними, обустривая свой приватный мир. Или это было еще до моего рождения? Или намного позже, когда они с мамой уже развелись, он спасался от одиночества этим новым увлечением?

Попалась маленькая пустая коробочка от розничного магазина компании Akro Agate, папа, как ни странно, оценил ее в 400–700 долларов причем пустую, поскольку в каталоге не упоминается содержимое. А еще стеклянная бутылочка с шариком внутри, «бутылка Кодда», за 2100 долларов. Похоже, папа коллекционировал не только шарики, но и подарочные упаковки, надеюсь, видимо, потом отыскать и недостающие элементы, сложить воедино картинку. Мне стало горько за него: теперь уже ничего не сложится, эти шарики год пролежали в коробках, а он даже не спрашивал о них, забыл.

Я выкладывала шарики в ряд, смотрела, как они катаются, как цвета переливаются внутри, словно в калейдоскопе. А когда весь ковер до последнего дюйма оказался покрыт ими, я выпрямила спину, так что позвоночник щелкнул, и так и сидела, не зная, как быть дальше. Прятать их снова не хотелось, так красиво они поблескивали на полу, точно армия из леденцов.

Я снова взялась за каталог и попыталась самостоятельно опознавать с его помощью шарики, играла сама с собой в такую игру и по ходу ее заметила, что не все, перечисленное в каталоге, лежит передо мной на полу.

Пошарив еще раз в коробке, я убедилась, что она пуста, остались только мешочки и коробочки, которые сами по себе представляли коллекционный интерес, хотя в них ничего не было. Я сорвала крышку с третьей коробки и заглянула внутрь, но увидела старые газеты и брошюры, а не сокровища из пещеры Али-Бабы, которые обрела в первых двух.

Дважды тщательно все перепроверив, я могла уже с уверенностью сказать, что двух предметов из каталога недостает. Они должны быть с круглыми наклейками, желтой и бирюзовой. Первый – фирменная коробочка от Akro Agate примерно 1930 года, оригинальный набор образцов, который носили при себе коммивояжеры, 25 шариков. Отец проставил в каталоге цену 7500–12 500 долларов. Второй отсутствующий предмет –

«Лучшие луны мира» от компании Christensen Agate. Тоже оригинальная упаковка с 250 шариками, цена – 4000–7000 долларов. Пропали два самых дорогих предмета из коллекции.

Я сидела в оцепенелом молчании. Потом только заметила, что задержала дыхание и давно пора выдохнуть.

Папа мог их, конечно, и сам продать. Раз он позаботился оценить коллекцию, то имело смысл продавать начиная с самых дорогих. У него было совсем плохо с деньгами, это мы все знали, наверное, ему пришлось расстаться с любимыми шариками, чтобы продержаться на плаву. И все же странно: у него все так аккуратно записано, внесено в каталог. Неужели он не сделал бы пометку о том, что продал? Пожалуй, он бы и счет сохранил. Два отсутствующих предмета значатся горделиво в его каталоге, на равных правах со всем прочим, что лежит передо мной на полу.

Сначала я была ошеломлена. Потом обозлилась: почему мама никогда мне про это не рассказывала? Все, что папа так любил, попросту сложили в коробки и позабыли. Я не помнила, чтобы у папы когда-нибудь были шарики, но это не значило, что их не было: он большой любитель хранить свои секреты при себе. Вспоминая, каким он был до инсульта, я вижу костюмы в тонкую полоску да сигаретный дым, я слышу разговоры о фондовых рынках, об экономике, подъеме и падении акций на золото и нефть, по радио и телевизору – только политические новости и футбол. Нигде в моих залежах воспоминаний нет разноцветных шариков, и я с трудом могу совместить эту коллекцию, собравшего ее внимательного человека и мужчину, рядом с которым, как мне представлялось, я росла.

А потом мелькнула мысль: может быть, они вовсе и не папины. Он мог их унаследовать. Его отец умер, когда папа был еще маленьким, а его отчим Мэтти еще жив, но все, что я знаю о Мэтти, убеждает: он бы не стал возиться с шариками и не сумел бы так тщательно составить каталог. Может быть, они достались папе от родного отца или от дяди Джозефа, а отец поручил кому-то их оценить и составить каталог. Единственное, в чем я могу быть уверена: каталог написан его рукой. Все остальное – загадка.

Но есть человек, который может мне помочь. Я поднялась, нашла телефонную трубку и позвонила маме.

– Я не знала, что у папы есть коллекция марблс, – сказала я с ходу, стараясь не впадать в обвиняющий тон.

Молчание. Потом:

– Ты о чем?

– Почему я об этом не знала?

Она негромко рассмеялась:

– Он собирает шарики? Как мило. Лишь бы его это радовало, Сабрина.

– Нет. Сейчас он ничего не собирает. Я нашла их в коробках, которые ты сегодня отослала в больницу. – Вот обвиняющий тон и прорвался.

– О! – Тяжелый вздох.

– Мы договорились, что ты будешь хранить их. Почему ты вдруг отослала их в больницу?

Пусть шарики оказались для меня полной неожиданностью, содержимое других коробок я узнала – те самые вещи, которые мы сложили в коробки перед тем, как выставить его квартиру на продажу. Меня до сих грызет совесть за то, что мы ее продали, но нам требовались большие деньги на реабилитацию. Мы постарались сохранить все дорогие для отца сувениры, счастливую футбольную форму, фотографии, еще какие-то штучки, я все это держу в сарае на заднем дворе, больше мне хранить их негде. То, что не поместилось у меня, забрала мама.

– Сабрина, я *готова была* хранить его коробки, но Микки Флэнаган предложил держать их у себя, и я все отправила ему.

– Микки Флэнаган, юрисконсульт, забрал папины личные вещи? – возмутилась я.

– Он же не посторонний человек. Он почти что друг. Много лет консультировал Фергюса. Он и развод наш провел. Ты же знаешь, он уговаривал Фергюса добиваться опеки над тобой. Тебе было пятнадцать, как бы Фергюс справился с пятнадцатилетней девочкой? Ты и сама-то с собой не справлялась. Микки предложил взять вещи Фергюса, у него полно места, к тому же он занимается его страховкой и счетами.

Я почувствовала, как нарастает во мне гнев.

– Знала бы я, что папины личные вещи достанутся адвокату, лучше держала бы их у себя.

– Конечно. Но ты же сказала, что больше ничего не помещается.

И это ведь правда. Мне собственную обувь негде поставить. Эйдан шутит, дескать, ему приходится выходить из дому, чтобы сменить мнение.

– Так почему же Микки отослал сегодня утром эти коробки в больницу?

– Потому что Микки нужно было от них избавиться, и я сказала ему, что там для них самое место. Не хотела, чтобы они загромождали твой домик. Печальная история на самом деле: сын Микки лишился дома и вместе с женой и детьми переезжает к Микки. Они забрали всю свою мебель, ее придется составить в гараже Микки, и он говорит, что вещи Фергюса больше у себя держать не может. Это ведь Фергюса – пусть сам

и решает, что с ними делать. Он вполне может решать, ты же знаешь. Я думала, он будет рад, – добавила она мягко, без сомнения, слыша мое недовольство. Подумай, как он будет перебирать все, что лежит в коробках, пустится в воспоминания.

Я опять почувствовала, что задерживаю дыхание. Выдохнула.

– Ты обсудила с врачами, полезно ли ему пускаться в воспоминания?

– О! – спохватилась она. – Нет, не обсуждала, я... о боже! С ним все в порядке, дорогая?

Тревога ее была искренней.

– Да, я добралась до них первой.

– Мне так жаль, Сабрина, я не подумала, что это может навредить. И тебе не хотела говорить, ты бы все забрала и забила свой дом совершенно тебе ненужными вещами и, как всегда, взяла бы на себя слишком много, когда в этом нет никакой необходимости. У тебя и так полна коробочка.

Да, да, все это правда.

И я не могла винить маму за то, что ей хотелось избавиться от папиных вещей: забота о нем вот уже пятнадцать лет как не входит в ее обязанности. И конечно, она хлопотала о моем же благе, не хотела нагружать меня еще и этим.

– Так ты знала про коллекцию шариков? – уточнила я.

– Ох уж этот человек! – вернулась ее обида на другого Фергюса. На прежнего Фергюса. Былого Фергюса. – Отыскалась среди прочего – коллекция хлама конечно же? Мне кажется, честное слово, он все подбирал. Помнишь, сколько мы разбирали кладовку перед продажей квартиры? Каждый день он приносил домой пакетики горчицы и майонеза из тех кафе, где обедал. Я просила его прекратить. По-моему, это уже расстройство. Знаешь, говорят, люди, склонные делать такие запасы, имеют какие-то эмоциональные проблемы. Они цепляются за все, что им удалось накопить, боятся отпустить.

Ее речь продолжается бесконечно, я пропускаю девяносто процентов сказанного мимо ушей, включая ее манеру отзываться об отце исключительно в прошедшем времени, как о покойнике. Тот человек, кого она знала, и вправду умер. Тот, кого она раз в две недели навещает в больнице, вполне ей по душе.

– Однажды мы поссорились из-за шарика, – донесся до меня обиженный голос.

Нет такого повода, по которому они бы хоть раз в жизни не поругались.

– В чем было дело?

– Не припомню, – чересчур поспешно ответила она.

– Но про коллекцию ты ничего не знала?

– Откуда мне было знать?

– Ты была за ним замужем. К тому же, раз я не упаковывала эти шарики, значит, их сложила ты.

– Умоляю тебя, я уже пятнадцать лет не замужем за ним и не могу отвечать за то, что он делал потом, да и за то, что он делал в браке, на самом-то деле, – рассердилась она.

Тут уж я совсем растерялась.

– Кое-чего в коллекции недостает, – сказала я, глядя на все богатство, рассыпанное передо мной по полу.

И чем больше я думала над тем, как они хранились у папиного адвоката, тем более укреплялось во мне подозрение. Мисс Марпл – дело о марблс.

– Я не намекаю, будто Микки Флэнаган украл их, – намекнула я. – Может быть, папа их как-то потерял.

– Чего не хватает? – с искренней тревогой спросила она. Разводилась она с недоумком, но тому приятному мужчине в реабилитационном центре никто не смеет причинять ущерб.

– Часть коллекции шариков.

– Он лишился шариков? – Мама хохочет, но я в этом не участвую. Потом, отдышавшись, она говорит: – Знаешь, дорогая, твой папа едва ли когда-нибудь мог иметь дело с шариками, наверное, это ошибка, они не папины или Микки вовсе отдал не те коробки. Давай я ему позвоню?

– Нет, – отвечаю я в полном недоумении. Смотрю на пол, вижу страницы, исписанные отцовским почерком, полный каталог этих шариков, а мама, похоже, действительно ничего о них не знает.

– Шарик точно его, и пропали самые ценные.

– По его собственным прикидкам, разумеется.

– Не знаю, кто проводил оценку, но здесь есть и сертификаты. Шарик подлинный. На пропавшие шарик сертификатов нет. Если верить каталогу, один из этих предметов стоит до двенадцати тысяч долларов.

– Что? – задохнулась она. – Двенадцать тысяч за шарик?

– За коробочку шариков, – усмехнулась я.

– Неудивительно, что он разорился. А при разводе они не были включены в состав подлежащего разделу имущества.

– Может быть, тогда он еще не начал их собирать, – заметила я

негромко.

Но мама продолжала свое, будто я ничего и не говорила, в ее голове уже сложилась целая теория заговора, но один вопрос так и остается без ответа. Я не упаковывала эти шарики в коробки, и она про них ничего не знала, но каким-то образом они соединились с остальным папиным имуществом.

Я взяла у нее телефон Микки и на том закончила наш разговор.

Шарики полностью покрывают пол комнаты. Они прекрасны, сверкают на ковре, словно полумночные звезды.

В доме тихо, только голова моя гудит. Я подняла с пола тот набор шариков, который значился в каталоге первым. Та коробочка кровяников, которую я показала папе, – в каталоге они называются «камрады».

Я до блеска натерла их, словно извиняясь за то, что никогда прежде о них не слышала.

Я умею помнить о людях то, что они сами забыли, и теперь я знаю о папе кое-что важное, что он сам забыл. Есть вещи, которые мы хотим забыть, есть, которые забыть не можем, вещи, о которых мы не помним, что забыли, пока не вспомним. Но вот новая категория. Есть вещи, которые мы бы ни в каком случае не хотели забыть, – и каждому нужен кто-то, кто будет на всякий случай помнить за него.

«Загони лису»

Мне велено было присматривать за Бобби. Именно так мама сказала уходя, обычным своим грозным тоном: «Смотри за ним в оба, понял? Глаз. С него. Не. Спускай». И на каждом слове она тыкала меня в грудь сухим, потрескавшимся пальцем.

Я пообещал. Честно-пречестно. Когда мама вот так на тебя смотрит, ты изо всех сил стараешься сделать то, что она велит.

Но потом я отвлекся.

Почему-то мама доверяла мне смотреть за Бобби. Может быть, из-за того разговора про Викторину, который был у нас, только у нас двоих, пока все остальные сидели в школе, и потом мы еще сыграли вместе в марблс. Мне кажется, с тех пор мама стала обращаться со мной иначе. Может, и нет, может, это все мое воображение или это я стал смотреть на нее по-другому. Никогда раньше не видел, чтобы она так играла – с малышами иногда, но чтобы вот так, на полу, задрав юбку, упираясь коленями в ковер. Мне кажется, Хэмиш тоже заметил перемену. Хэмиш все подмечает, и не потому ли он теперь немного меня зауважал, ведь мама стала гораздо больше мне поручать, затрещин мне достается куда меньше обычного. Или она стала такой, потому что скорбит. «Скорбит» – так выражается священник. Может быть, со мной тоже это было, когда умер папа, но я ничего не помню. Или это бывает только у взрослых.

Мама теперь ненавидит священника. После того, что он сказал ей, когда умерла Виктория и Мэтти с Хэмишем вытолкали его из дома. Но она все равно ходит к мессе, говорит, не ходить грешно. Она таскает нас в церковь на Гардинер-стрит к десяти часам каждое воскресенье и обязательно наряжает. Она приглаживает мне волосы, смачивая их слюной, я чувствую запах ее плевок у себя на лбу. Воскресное утро пахнет слюнями и ладаном. Мы всегда садимся в третьем ряду, семьи обычно занимают каждый раз одни и те же места. Мама говорит, месса – единственное время, когда ее оставляют в покое, так что нам всем лучше заткнуться. Даже Мэтти ходит к мессе, хотя и воняет вчерашней выпивкой и качается на сиденье, словно все еще пьян. На мессе мы всегда молчим, еще бы: в первое запомнившееся мне посещение церкви мама ткнула пальцем в сторону Иисуса, висевшего на кресте, – кровь течет по лбу,

из рук и ступней торчат гвозди – и сказала: «Только пикни, только осрами меня тут, и с тобой будет то же самое». Я ей поверил. Мы все ей верим. Даже Бобби сидит тихо. Сидит и сжимает в руках молочную бутылочку, а священник знай себе талдычит, голос его отражается от высоченного свода. Бобби смотрит на все эти изображения кругом по стенам, где почти нагого человека терзают четырнадцать разными пытками, и прекрасно понимает, что тут не забалуешь.

Мама ушла в школу к Энгюсу. У него неприятности: попался на том, что сожрал все облатки, остававшиеся после мессы, – он служит в алтаре, и он съел их подчистую, несколько сот штук. Когда его спросили, не хочет ли он что-нибудь сказать по этому поводу, он попросил пить, потому что целая куча облаток прилипла у него к нёбу. «Во рту было сухо, как в аду», – шепнул он нам ночью в постели, и мы так хохотали, чуть не уписались. Энгюсу нравится прислуживать в алтаре, ему за это платят, особенно на похоронах, он сидит в классе, а священник проходит за окном и показывает ему, куда он требуется: большой палец вверх или вниз. Если вверх, то на похороны, и там платят больше. А на свадьбе меньше. Никто не хочет прислуживать священнику на свадьбе.

Дункан помогает в мясной лавке у Мэтти, ощипывает кур и индеек – наказан за то, что смошенничал на экзаменах. Говорит, что хочет бросить школу, как Хэмиш, но мама не разрешает. Она говорит, он не такой умный, как Хэмиш, хотя в чем тут смысл? Я-то думал, кто умнее, тот учится лучше, а тупым заканчивать школу не стоит.

Томми играл во дворе в футбол, так что смотреть за Бобби выпало мне. Вот только я плохо смотрел за ним. Но даже Господь Бог не сумел бы углядеть за Томми – это какой-то ураган, никогда не останавливается.

Пока он играл на полу с поездом, я достал новую игру «Загони лису», которую мне подарили на одиннадцатилетие. Игра от компании Cairo Novelty, лиса – матовый шарик, а гончие – черно-белые завитки. Я не заметил, как Бобби схватил лису, но он вдруг замер и краешком глаза стал коситься на меня. Я обернулся и увидел, что он уже подносит ко рту матовый шарик. Тащит его в рот, а сам смотрит на меня искоса, нахально, голубые глаза блестят, что угодно готов сделать, лишь бы меня достать, даже задохнуться насмерть.

– Бобби, стой! – заорал я.

Он улыбнулся, очень довольный, что я так разволновался. И поднял руку еще ближе ко рту.

– Нет! – Я прыгнул к нему, и он пустился бежать, быстрый маленький засранец, не утонишься – вроде бы пухлячок, мускулов нет, а несется

со скоростью сто миль в час, лавирует между стульями, ныряет под них, выскакивает. Наконец я загнал его в угол и остановился. Шарик уже прямо у его губ.

Он хихикнул.

– Бобби, послушай, – отдыхиваюсь я. – Если сунешь его в рот, подавишься и умрешь, понял? Бобби не будет. Бобби сдохнет, на хрен!

Он все смеется. Рад моему страху. Рад, что взял надо мной верх.

– Бобби... – грозно повторяю я и медленно придвигаюсь, готовый сразу же прыгнуть. – Отдай мне шарик...

Он сунул его в рот, и я набросился на него, сжал круглые щеки, пытаюсь вытолкнуть шарик наружу. Иногда он просто держит за щекой то, что подобрал – камешки, улиток, гвозди, всякую грязь, сует в рот на хранение, а потом выплевывает. Но шарик не прощупывается, щеки скользкие, кожа, слюна, сопли подтекают из носа. Он начинает давиться, и я силой раскрываю ему рот – там пусто. Маленькие молочные зубки и податливый красный язык – больше ничего.

– Черт! – шепчу я.

– Селт! – повторяет он.

– ХЭМИШ! – ору я во всю глотку. Хэмиш должен был пойти в город работать или искать работу или чем там Хэмиш занимается теперь, когда больше не учится в школе, но я слышал, как он вернулся домой, хлопнул дверью и протопал наверх, в нашу общую комнату. – ХЭЭЭМИШ! – завываю я. – Он съел лису! Бобби проглотил лису!

Бобби таращится на меня, испуганный моим криком, мой страх передается ему, того гляди, заревет. Но это меня сейчас меньше всего беспокоит.

Ботинки Хэмиша громко простучали по лестнице, он ворвался к нам:

– Что стряслось?

– Бобби проглотил лису.

Сначала Хэмиш удивился, но потом увидел на столе игру и сообразил. Он двинулся к Бобби, и тот совсем уж надумал зареветь. Дернулся удрать, но я его перехватил, и Бобби завизжал свиньей.

– Когда?

– Только что.

Хэмиш подхватил Бобби и перевернул его вверх ногами, потряс, словно вытряхивая монеты из его карманов, – я видел, как он это проделывал с малышкой. Бобби засмеялся.

Хэмиш снова поставил его на ноги и раскрыл ему рот, засунул пальцы поглубже. Бобби широко распахнул глаза, и его вырвало противно

воняющей кашей.

– Он тут? – спросил Хэмиш, и я не сразу понял, о чем он, пока он сам не опустился на колени и не порылся в блевотине в поисках шарика.

Прежде чем Бобби успел разрыдаться, Хэмиш снова его схватил и стал щекотать и трясти, тыкать пальцем ему в ребра и живот. Бобби опять захихикал, хотя от него все еще воняло рвотой, попытался вывернуться из-под руки: думал, это такая игра, а мы с Хэмишем с ума сходили.

– Ты уверен, что он проглотил?

Я кивнул и подумал: сейчас он и меня вверх ногами перевернет.

– Мама меня убьет, – сказал я, слыша, как стучит мое сердце.

– Не убьет, – сказал он не слишком убедительно, ему-то что.

– Она мне говорила не играть в шарики, если Бобби тут крутится: он вечно их тянет в рот.

– А! Ну тогда, наверное, и вправду убьет.

Мне представляется Иисус на кресте, руки пробиты гвоздями. Неужели никто никогда не интересовался, не Мария ли его пригвоздила? Быть может, главное чудо не в том, что Мария ухитрилась забеременеть, не выдавши мужика, а в том, что она прибила сына к кресту и осталась вроде как ни при чем. Если меня в конце концов распнут на кресте, все первым делом заподозрят маму. И она меня через четырнадцать стояний крестного пути прогонять не станет, сразу перейдет к делу.

– С виду он в порядке, – сказал Хэмиш. Бобби надоело, что мы его со всех сторон изучаем, и он снова уселся играть с поездом.

– Да, но придется ей сказать, – ответил я, сердце так и стучало, меня пробирала дрожь. Терновый венец на голове, ладони пробиты гвоздями, пах кое-как закутан тряпкой, соски наружу. И ведь она сделает это напоказ, как Иисуса распяли на горе, чтобы все видели, – может быть, в школьном дворе или на стене за прилавком в мясной лавке. Подвесит меня на огромный крюк, на котором коровьи туши вешают, и каждый, кто зайдет в воскресенье купить отбивную, увидит: *вот он, мальчишка, недосмотревший за братиком. Две свиньи, пожалуйста.*

– Необязательно говорить ей, – преспокойно заявил Хэмиш и принес с кухни тряпку. – Вот, убери его дерьмо.

Я вытер.

– А если лиса застрянет у него внутри? И он перестанет дышать?

Хэмиш обдумал мой вопрос. Мы оба смотрели, как Бобби играет. Светловолосый, белокожий пухлячок снова и снова устраивал аварию, сталкивая поезд с ножкой стола, и что-то приговаривал по-своему – язык не помещался у него во рту, и слова он выговаривал нечетко.

– Слушай, ей говорить нельзя, – постановил наконец Хэмиш. Тон у него совсем взрослый, уверенный. – После того как вышло с Викторией, она... – Ему нет надобности уточнять, как мама поступит, мы с ним оба не раз видали, на что мама способна, так что догадываемся.

– Что же мне делать? – спрашиваю я.

Наверное, дело в том, как я спросил. Я сам слышал жалобные младенческие нотки в своем голосе, обычно Хэмиш злится и норовит выбить из меня нытье, но тут он смягчился:

– Не переживай, я все улажу.

– Как?

– Ну, раз шарик в него попал, выйти он может только одним путем. Будем проверять его подгузник.

Я в ужасе уставился на него, а Хэмиш засмеялся: смех у него густой из-за курения, почти как у Мэтти, хотя ему всего шестнадцать, а Мэтти старая развалина.

– Как же заставить его выйти? – спросил я, следуя по пятам за братом, словно собачонка.

Он открыл холодильник, просмотрел содержимое и закрыл, ничего не найдя. Побарабанил пальцами по кухонному столу, оглядел тесную кухню, видно было, как он думает, как работает на полную его мозг. Я чуть не уснул, но Хэмиш в своей стихии. Он обожает проблемы, он настолько их любит, что и мою проблему готов сделать своей. Ему нравится искать выход, нравится, что отсчет уже пошел и, если ничего не придумать, очень скоро наша жизнь превратится в ад. Чаще всего ему не удается найти решение: пытаюсь как-то вывернуться, он только еще хуже все запутывает. Но таков Хэмиш, и больше мне сейчас никто не поможет. От меня толку, что быку от титек, так он мне и сказал.

Взгляд Хэмиша остановился на только что испеченном ржаном каравае: мама положила его остывать на подносе, накрыв клетчатой красно-белой скатеркой. Только этим утром испекла, дом весь пропитан вкусным ароматом.

– Мама не велела его трогать.

– А еще она сказала глаз не спускать с Бобби.

Это правда. Снова нервная дрожь в желудке, видение тернового венца на голове и как я несусь по длинной улице крест – хотя мама, наверное, предпочтет нагрузить меня ворохом грязного белья. Это ее крест, твердит она постоянно. Стирка и шесть пацанов.

– На случай если хлеб не подействует, – добавил Хэмиш и вытащил из шкафчика бутылку касторового масла, приготовил ложку. – Давай,

Бобби, – пропел он, вертя караваем у Бобби перед носом. Глаза у Бобби загорелись.

Прошел час, я дважды переменял подгузник – в жизни не видал такого жидкого дерьма, – а лисы нет как нет.

– Тебе-таки удалось загнать лису в ловушку, да, малыш? – обращается Хэмиш к Бобби и хохочет истерически.

Он сунул Бобби еще кусок хлеба и ложку касторки. Бобби говорит: «Нет». И он прав, я его за это винить не стану. Я даже, пожалуй, рад, я уже по локоть в закаканых махровых тряпках, буквально. Не знаю, как мама их стирает, я-то вскипятил воду и долго их вымачивал, как только мог, руки обжег, и еще тер одним концом о другой, чтобы пятна отошли, но ничего не получилось. И все равно мне полегче, чем Хэмишу, который сначала разгребает все дерьмо ножом, прежде чем вручить мне подгузник. Не будь я в таком ужасе, что мама придет и увидит – хлеб истребили, а в кишках ее драгоценного малютки застрял мраморный шарик, – я бы тоже смеялся вместе с Хэмишем.

Хэмиш проверял третий грязный подгузник, и тут в двери заскрежетал ключ. Мама вернулась, мне конец. Сердце глухо забилося, глотку перехватило так, словно и впрямь смерть пришла.

– Скорее! – шепнул я, и Хэмиш быстрее заработал ножом.

Входная дверь распахнулась. Хэмиш удрал через заднюю дверь, а мама с Энгюсом уставились на Бобби, голого ниже пояса, который кувыркался на полу, сшибая жирными ножками все, что подвернется.

– Все в порядке? – спросила мама, входя.

Энгюс шел за ней по пятам, притихший, одна щека красная, должно быть, от пощечины, руки в карманах, плечи поникли, сразу видно, здорово она ему влепила. Братец покосился на меня с подозрением. Хэмиш на заднем дворе проверял очередную порцию дерьма – по крайней мере, я надеялся, что он там, хотя отчасти подозревал, что он уже несется через калитку в проулок, предоставив мне самому разбираться с этим дерьмом.

На лице Энгюса расплывается ухмылка: он догадался, что у меня рыльце в пушку, наверное, вид у меня виноватый. Он счастлив будет, если и я на чем-нибудь попадусь. Пусть и мне влетит, а от него мама хоть на время отстанет. Он ухмыляется все шире.

– Что натворил, Клоп?

– Что с ним? – спрашивает мама, глядя на Бобби, который никак не перестанет кувыркаться. Потом она замечает пустое блюдо из-под хлеба, крошки повсюду, а за окном я вижу Хэмиша – рука торжествующе взметнулась вверх, между изгвазданными пальцами зажат белый шарик,

на лице счастливая улыбка. И я тоже счастлив, но теперь придется отвечать за хлеб.

– Бобби лишнего съел, прости, пожалуйста, – поспешно говорю я. Слишком поспешно. Мама догадывается: за этим скрывается что-то еще.

– Мой каравай! – восклицает она. – Я к чаю пекла! Я тебе говорила не трогать! – вопит она.

Возле меня откуда ни возьмись появляется Хэмиш. Роняет мне в руки грязную махрушку, сует шарик мне в карман, у самого руки уже чистые.

– Извини, ма, это я виноват, – вступается он. – Я отпустил ненадолго Фергюса, обещал присмотреть за Бобби и не уследил – он хлеб слопал. Ты же знаешь, как он быстро все в рот сует.

И, пока мама, отвернувшись от нас, горестно созерцает обглоданный каравай, Хэмиш весело мне подмигивает.

Мама во весь голос ругает Хэмиша, а я все порываюсь перебить ее, признаться, но так и не решаюсь. Не могу. Зайчишка-трусишка.

Потом мама заметила подгузник у меня в руках и котел с другими махрушками, и ее лицо изменилось – что это значило, я не мог понять.

– Сколько подгузников ты ему поменял?

– Три, – испуганно ответил я.

К моему удивлению, она рассмеялась.

– Ох, Фергюс! – еле выговорила она, хохоча, взъерошила мне волосы и поцеловала в макушку. Потом она пошла в туалет сливать какашки и все смеялась, а Хэмиш грустно глядел ей вслед.

Потом, когда все уже спали, я спросил его, почему он сделал это за меня, помог, а потом еще и взял на себя вину.

– Я не для тебя это сделал, а для нее. Пусть хоть в тебе не разочаруется, как разочаровалась во мне.

И насчет того, как Хэмиш умен, мама тоже права: он смерил меня оценивающим взглядом и сказал: «Теперь ты мой должник». Я понимал, он с меня свое получит. Не знаю, спланировал ли он заранее то, что собирался проделать вместе со мной, и не потому ли взял на себя вину за съеденный каравай, чтобы я уже не мог отвертеться и вынужден был выполнить его просьбу, или же это он сообразил задним числом. Но так или иначе, начались наши приключения с шариками – вернее, злоключения, – и я бы все равно пошел с ним хоть на край света, даже не будь этой истории с ржаным караваем.

Таким был мой брат Хэмиш: готов хоть по уши в дерьмо влезть, лишь бы спасти мою задницу.

Три часа ночи, мы с Хэмишем куда-то идем. Он и раньше нередко будил меня по ночам, но теперь все иначе: он не толкает меня, не пинает, не зажимает рукой мне рот, чтобы я не вскрикнул в испуге, как бывало, когда он поднимал меня среди ночи. Теперь он бросает камешки в окно, пока я не услышу. Он уже несколько месяцев не живет с нами, мама его прогнала. Узнала, что он работает на Цирюльника, но прогнала она его не за это. Он с Мэтти здорово подрался; пока они лупили друг друга, весь дом разнесли. Хэмиш стукнул Мэтти головой о наш лучший буфет, осколки разлетелись во все стороны, Мэтти потом швы накладывали. Томми описался со страху, пусть он и говорит, что ничего подобного.

Итак, Хэмиш дома больше не живет. Ему уже двадцать один, говорит мама, в любом случае пора жить отдельно, обзавестись семьей и работой. Но, хотя он дома не живет, мы с ним часто видимся. Обманывать игроков, притворяясь новичком в марблс, я больше не могу, мне уже пятнадцать – и всем известно, что я лучший игрок в наших местах ну или один из двух лучших – тут новенький появился, Питер Лэкки. На нас специально приходят посмотреть, когда мы играем друг против друга. Цирюльник устраивает матчи по ночам, у себя в парикмахерской. Он любит развлекать своих – у него позади парикмахерского зала, в его офисе, часто бывают собрания, и, пока там что-то обсуждают, он обеспечивает и выпивку, и курево, и карты, и марблс, и женщин – что хотите. Хэмиш говорит, Цирюльник и на гонки улиток монету поставил бы. За спиной у него говорит, разумеется. Никто не ссорится с Цирюльником, а то поссоришься, придешь постричься-побриться и целым не уйдешь.

Цирюльник платит мне за каждый матч несколько шиллингов, почти все деньги забирает Хэмиш. Как с теми леденцами, когда мне было десять, – я бы и тогда согласился играть даром, и сейчас могу. Зрители делают на нас ставки, Хэмиш за букмекера. Вряд ли кто рискнет не расплатиться, Хэмиша все уважают, ведь он у Цирюльника правая рука, а кто не заплатит, тому не поздоровится.

Но сегодня я проснулся сам. Вылез в проулок позади дома и застал Хэмиша как раз в тот момент, когда он, согнувшись, подбирал мелкую гальку. Я подкрался и пнул его в зад – он подпрыгнул так, словно

Цирюльник приставил ему к горлу раскаленный нож.

Я чуть не уделался от смеха.

– Куда это ты собрался? – спросил он. Пытался сделать вид, будто не испугался, но зрачки расширились так, что глаза чернотой залило.

– Не твое дело.

– Вон оно как! – ухмыльнулся Хэмиш. – Я слышал, у тебя с одной из девочек Салливан далеко зашло – с Сарой вроде?

– Может быть, и так.

Удивительное дело, как Хэмиш всегда все про всех знает. Я никому о Саре не рассказывал, держал все при себе, не то чтоб было что особенно скрывать, она бережет себя до свадьбы, так мне и сказала. Очень милая, но сегодня я был не с ней. Я встречался с ее сестрой Энни, совсем не такой милой. Она на два года старше, и она дала мне то, в чем младшая сестричка отказывала. Ноги у меня после свидания еще подгибались, но я чувствовал себя как никогда сильным, как настоящий мужчина, все могу. И это небезопасное состояние, если по пути тебе встречается Хэмиш.

Жестом он велит мне следовать за ним, а куда и зачем – не объясняет. Наверное, организовал где-нибудь игру в марблс с тотализатором, обычно в этом дело. Но нет, на этот раз предстоит нанести визит ребятишкам, которые тянут с долгами. Мы подошли к школе, перебрались сзади через стену и таким образом без проблем оказались возле общежития. Дорогу Хэмиш знал, но, протискиваясь в окно, я нечаянно столкнул банку с шариками, они с грохотом раскатились во все стороны. Я думал, Хэмиш мне врежет, а он чуть не уписался от смеха. К счастью, никто из отцов не проснулся: одно дело – расшуметься днем в школе и совсем другое – ночью, когда тебя тут и быть не должно. Хэмиш все хохочет, поскальзываясь на шариках, и вдруг я замечаю, что от него тянет выпивкой, и мне становится малость не по себе.

Двое сонных мальчишек сидят в постели, трут глаза. Им по пятнадцать лет, как и мне, но я выгляжу моложе.

– Поднимайтесь, придурки! – говорит им Хэмиш, и каждый получает затрещину. Шнурками, школьными галстуками, всем, что попало на глаза, он связывает им руки за спиной, приматывает щиколотки и голени к ножкам стульев и сулит им «позабавиться от души».

Пока он возился с пленниками, я собрал шарики с пола и осмотрел их. Никакой ценности не представляют, куча матовых шариков, кошачий глаз, завитки и патчи, все побитое, ничего годного для коллекции. Это странно, ведь один из мальчиков – богатенький, его отец врач, ездит на роскошной машине. Мог бы обзавестись шариками получше. Я еще порылся в банке –

и вот оно, сокровище. Двухцветный патч от Peltier, его сразу узнаешь, потому что края «заплатки» не прямые, а скругленные, и это мой счастливый день, потому что у него их целых три, с комиксами, то есть с черными фигурками трех из двенадцати персонажей, которые компания придумала для своих марблс. Такие мне никогда прежде не попадались. Парень исподлобья следит за тем, как я кручу их в руках. Еще бы ему не волноваться. У него целых три – Смитти, Энди и – только подумайте! – Энни. Энни – белый с красным патчем и черным рисунком. Это прямо-таки судьба. Я кладу Энни к себе в карман. Я не такой уж подлый: возьму только один шарик.

Поиграем в «Яйца в кустах», говорит мальчикам Хэмиш. Это угадка, для нее особого умения не требуется. Такими играми мы развлекаемся в долгих семейных поездках, которые, правда, случаются все реже. Слишком дорого обходится, к тому же мы, по словам мамы, кошмар и ужас и с нами на люди не покажешься. Обычно она распределяет нас по разным своим родственникам, на недельку. Я уже два года подряд отправляюсь к тете Шейле, у нее две дочери, и живет она в двух шагах от нас. Спать приходится на полу, и последние каникулы были бы самыми жуткими в моей жизни, если бы не то, что кузина Мэри дружит с Сарой и так-то я с ней и познакомился. Иногда выгодно бывает прикинуться на недельку славным, добрым и воспитанным кузеном.

Так вот, игра заключается в том, что ведущий зажимает в руке несколько шариков и предлагает остальным угадать сколько. Если угадают верно, получают шарики, ошибутся – отдадут ведущему разницу между названным числом и правильным. Только Хэмиш играет на свой лад: когда мальчики ошибаются, он отсчитывает им удары – и по лицу, и по телу. Это уже вовсе не похоже на веселую потеху. Мы не первый раз выходим с ним вместе собирать дань, запугиваем должников, обычно парням достаточно увидеть Хэмиша в своей комнате посреди ночи, тем паче все знают, что он правая рука Цирюльника, бить никогда не приходилось, уж во всяком случае не так. Хэмиш на взводе. Он бьет их слишком долго, слишком больно, они рыдают, дергаются, привязанные к стульям, кровь течет.

Я пытаюсь остановить его, мол, достаточно, и тогда он бросается на меня – дернул за волосы с такой силой, что я думал, у него в руках скальп останется. Запах спиртного становится сильнее, глаза Хэмиша налились кровью, как будто хмель только сейчас сказался по-настоящему. Когда в проулке мне показалось, будто он сперва испугался, а потом обрадовался при виде меня, это было на самом деле что-то другое.

Он продолжает терзать мальчишек, и один из них начинает вопить довольно громко, зовет на помощь, нос разбит, глаза заплыли. Мне это вовсе не нравится, это сущие дети, да и не так уж много они задолжали. Хэмиш отыскал их сбережения и забрал до последней монетки, и мы ушли. Домой мы возвращались молча, Хэмиш видел, что я его поведение не одобряю, а это ему невтерпёж. Он разыгрывает из себя крутого, а в глубине души только того и хочет, чтобы все его любили, да вот не знает, как этого добиться. До самого дома он меня провожать не стал, остановился у входа в проулок. Я думал, он так и уйдет, ни словом не обмолвившись, но, оказывается, у него было для меня еще одно указание:

– Значит, Цирюльник велел тебе передать, чтоб ты завтра не выигрывал.

– Что?

– Ты меня слышал. Проиграй.

– Почему вдруг?

– Как ты думаешь почему? Значит, он с кем-то побился об заклад. Ты проиграешь, а он выиграет. Что-то и тебе перепадет.

– С кем я буду играть?

– С Питером.

– Нет уж, Питеру я проигрывать не стану ни за что.

– Слышь, ты должен проиграть.

– Никому я ничего не должен. Я на Цирюльника не работаю в отличие от тебя. И я не стану поддаваться ни ради кого.

Он схватил меня за воротник и с силой толкнул к стене, но мне было не страшно, только грустно. Мой брат был когда-то моим героем, а превратился в вышибалу.

– Завтра явишься к одиннадцати вечера, ясно? А то знаешь что!

– Что? Ты забудешь, что ты мой брат, Хэмиш? – Вдруг во мне поднялся гнев – гнев на то, как он избил мальчишек и меня в это вовлек, и на то, что он все еще думает, будто может мной распоряжаться, а я буду выполнять любые приказы. – Изобьешь меня, как тех ребят? Вряд ли, Хэмиш! Мама тебя и на порог больше не пустит, если ты так со мной поступишь!

Он мнетя, переступает с ноги на ногу. Я-то знаю, больше всего на свете он хотел бы вернуться домой. Он ласковый и домашний, хоть у него это довольно странно проявляется. Если ему приглянется девушка, он ее до смерти задразнит, он будет грубо с тобой обходиться, если надумает стать твоим другом, и вот так же он кружит вокруг родного дома и ведет

себя по-дурацки, хотя на самом деле только и ждет, чтобы его позвали обратно.

– Цирюльник сам за тобой придет, – грозитя он.

– Нет, не придет. Ему есть чем заняться помимо шариков. Марблс для него всего лишь способ отвлечь внимание, пока он обтяпывает свои дела. Для этого ты ему нужен, Хэмиш, для забавы. Тебя хоть раз звали к нему в кабинет? Он и за тобой-то не придет, если ты смоешься, просто найдет себе другого помощника. На тебя ему наплевать. И я не стану поддаваться ни ради него, ни ради тебя. Ни для кого проигрывать не стану, и точка.

Видимо, я нашел правильные слова: до Хэмиша дошло, и он поверил мне сразу, он и сам знает, что для Цирюльника он пустое место, хоть и пытается напустить на себя важность, как он сегодня и проделал. Я вывел его на чистую воду, и от этого он злился. Видел, что ничего со мной поделаться не может, никак меня не уговорит.

Уже возле дома, в конце проулка, меня вдруг кто-то ударил по голове, сзади и сбоку. Я подумал, Цирюльник, то есть кто-то из его подручных, но это была Сара, и она плакала.

– Господи, Сара, что ты делаешь тут так поздно?

– Это правда? – крикнула она. – Ты и Энни... вы с ней?..

А на следующий день мне пришлось забыть про Энни. И про Сару. И в особенности про Хэмиша.

Явилась полиция, искали Хэмиша, но тот уже сделал ноги. Бежал он в первую очередь от ярости нашей ма – это страшнее полиции. Все думали, я знаю, где он, но я не знал. Я так всем и сказал: не знаю и знать не хочу. И это правда. Прошлой ночью он перешел черту, и я не хотел его покрывать. Впервые так вышло, что я не мог. Это очень грустно, но вместе с тем я чувствовал себя крепче, сильнее, как будто я *вправе* считать себя лучше Хэмиша, и это делало меня чуть ли не суперменом. Никогда прежде я не считал себя лучше Хэмиша, и от этой мысли меня целый день распирало чувство, похожее на гордость.

Ночью в постели мы с братьями перешептывались как можно тише, а то мама уже на грани и в любой момент каждому из нас может влететь ни за что. Дункан сказал, знакомый парень из доков видел, как Хэмиш садился на пароход до Ливерпуля.

И теперь я уже не чувствую себя суперменом. Не думал я, что прошлой ночью мы встретились с братом в последний раз. Я надеялся, что у нас еще будет шанс помириться, он попросит прощения, поняв, что и я уже взрослый. Мальчики болтают про то, как Хэмиш будет жить

в Англии, смеются и воображают его в разных ситуациях, а я лежу в темноте и вижу, как он пешком идет через Англию в Шотландию, такой будто из прошлого столетия образ – карабкается по холмам, опираясь на трость, находит папиных родственников и поселяется рядом с ними, на той ферме, название которой я уже не вспомню, обрабатывает землю, как наш папа. Эта мысль помогла мне уснуть, но не избавила ни от тревоги, ни от чувства вины, и суперменство, которое я ощущал всего несколько минут тому назад, уже не вернулось.

Полицейские сделали мне предупреждение: глупый мальчишка, полез куда не надо под влиянием старшего брата. В доказательство своего исправления я вернул папенькиному сыночку, побитому Хэмишем, его шарик с Энни, хоть и больно было мне с ним расставаться. Ничего, через пару недель я выиграл у него и этот шарик, и всю коллекцию с персонажами комиксов. И всякий раз, как взгляну на эти шарики, вспоминаю ту ночь, когда я стал мужчиной благодаря Энни и когда наши с Хэмишем пути разошлись навсегда. И порой, когда мне хочется пойти тем, иным путем, путем Хэмиша, когда жизнь прямо-таки навязывает мне такое решение, я достаю эти шарики, вспоминаю и голос соблазна стихает.

Хэмиша я долго не видел, а когда увидел наконец, то одного этого зрелища хватило мне, чтобы никогда больше не помышлять перейти черту. Впрочем, при виде трупа родного брата кто не протрезвеет?

Запрещается играть в мяч

Вооружившись полученной от мамы информацией, я запрыгнула в машину и помчалась в Вирджинию. Припарковалась на улице возле офиса Микки Флэнагана, который втиснут между закрывшимся прокатом дисков и еще не открывшимся китайским ресторанчиком с едой навынос. Со стороны улицы окна покрыты морозным узором, а имя хозяина выведено черными буквами на центральном стекле. Секретарша Микки с бюджет «Эми» сидит за бронированным стеклом, в стекле через равные интервалы по кругу проделаны дырочки – то ли чтоб она не задохнулась, то ли чтобы мы все-таки друг друга слышали. Только начав говорить, я заметила, что опять удерживаю дыхание. Наверное, так толком и не дышала всю дорогу до Вирджинии: теперь грудь ноет.

– Привет, я Сабрина Боггс. – О встрече с Микки я договорилась, как только закончила разговор с мамой. Для меня милостиво согласились «найти время», хотя, оглядывая пустую приемную, я сомневаюсь, так ли уж трудно было это время «найти».

– Здравствуйте, – любезно улыбается секретарша. – Садитесь, пожалуйста, как только он освободится, сразу позовет.

Место для ожидания отведено под окном с морозным узором, где стоит кулер и растение в горшке, листья словно восковые. Включено радио, чтобы рассеять обычную для приемных неловкую тишину, опять говорят о полном солнечном затмении, о котором всю неделю только и было речи и в новостях, и в ток-шоу: что и где можно увидеть, как нельзя смотреть на солнце, куда поехать, чтобы посмотреть на солнце. Меня это затмение уже затмило напрочь. Эйдан взял отгул на полдня, заберет мальчиков из школы и поедет за город, в одно из мест, специально отведенных для наблюдения. Брат Эйдана тоже берет детей и едет с ними. У него бизнес: накопил очков, чтобы без вреда для глаз наблюдать за затмением, и несколько недель продавал их по спекулятивной цене. Мои мальчишки тоже всю неделю только об этом и говорили, очки носили не снимая, играли в солнечное затмение, изображали его с помощью пачки из-под хлопьев, пенопласта и клубков веревки, детскую украсили светящимися в темноте лунами. Хорошо, что затмение выпало на пятницу, да еще в мае, погода прекрасная, небо чистое, все смогут как следует

разглядеть. Я бы и сама полюбовалась, но кемпинг не для меня, зато ночь я наконец-то проведу в одиночестве.

– Кемпинг – это не для меня, – сказала я Эйдану, когда он на прошлой неделе излагал мне свой план.

– То есть там ты себя не чувствуешь счастливой, – уточнил он, присматриваясь ко мне. Он все время присматривается, но я притворилась, будто этого не замечаю, и продолжала паковать мальчикам школьные завтраки. Фраза мужа меня задела, но я не хотела это обнаруживать. Посчитала мысленно до пяти – масло, ветчина, сыр, хлеб, бутерброд. Следующий. Он все еще следил за мной в тот момент, когда я запихивала в коробки последние изюминки.

– Это естественный феномен, – сказал по радио какой-то ученый. – В ряде древних и даже в некоторых современных культурах солнечное затмение приписывается сверхъестественным причинам или считается дурным предзнаменованием. Оно пугало людей, не знали, как объяснить с астрономической точки зрения, почему солнце вдруг исчезает среди дня и небо стремительно темнеет.

– Я в это верю, – внезапно донесся из-за бронированного стекла голос Эми. – У меня был дружок, который совсем ума лишился в полнолуние. – Она покрутила пальцем у виска. – Запирал меня в шкаф, туфли выбрасывал в туалет. Обвинял меня, будто я то сказала и это, когда я даже рта не раскрывала. Или что я куда-то спрятала вещи, про которые даже не знала, что у него такие есть. Типа: «Ми, куда ты дела мои шахматы?» А я: «Какие еще шахматы?» И я терпеть не могла, как он называл меня вместо «Эми» «Ми», а еще «Мы», как будто не хотел признавать меня отдельно от себя. Жуть, да? Останься я с ним, он бы убил меня, как ту крысу. – Она поглядела на меня и пояснила: – Он ее три дня в подвале пытал.

Я представила себе, как крысу пытаются водой.

– Такие дни меня здорово пугают. С людьми общаться – жуть. Вы себе не представляете, кто только нам не звонит. Фрики. А слово «лунатики» – оно же от луны происходит, вы в курсе?

Я кивнула, но ее это не остановило:

– Луна. Лунатики. Все самое плохое в человеке просыпается – насилие, придурь, что хотите. У меня подруга на «скорой» работает, она говорит, в полнолуние у нее больше всего дел. Люди просто с катушек съезжают. Все дело в приливной волне, наши тела тоже состоят из воды, – пояснила она, призадумалась на миг и добавила: – Но все-таки, думаю, Джордж был не совсем нормальный. Он-то бесился и в другие дни, даже

когда луны вовсе не было.

Мне припомнилось, как я раскокала кружку о стену. Сказать бы Эрику: «Это все из-за луны». Вроде бы нелепо, но со мной что-то такое и правда бывает: в полнолуние да и в новолуние мне трудно уснуть. И даже не мигрень мешает, а натиск мыслей, слишком много мыслей, все сразу, быстро сменяют друг друга, словно луна – сигнальная башня, на которую настроен мой мозг. Все наплывает одновременно, не задерживаясь и не фильтруясь. Вот я и заявила в адвокатскую контору в поисках отцовских шариков – не безумие ли? «Это все из-за луны». Впрочем, наплевать, что именно меня побудило. Главное, я делаю это, и если для этого требуется стимул в виде луны, отлично, пусть стимулирует.

Потом я подумала, в каком восторге будут мальчики, если небо действительно померкнет. Если на идеально ясное небо не набегут тучи и не лишат всех шанса полюбоваться затмением. Любопытно, где я окажусь в тот момент, что буду делать во время затмения – вот бы в тот самый момент и найти папины марблс. Великий сыщик Скуби-Ду под покровом тьмы пробирается в дом Микки Флэнагана и крадет свою добычу из сейфа, спрятанного за картиной в отделанной ореховыми панелями стене.

– Сегодня новолуние, – гнет свое Эми. – Его еще называют черной луной, потому что виден только черный круг. Если люди с ума сходят в полнолуние, что же с ними творится в черное полнолуние? Я к тому, что нам бы лучше сегодня сидеть дома и запереться на все замки. Кто знает, что может произойти?

И она смолкла, предоставив мне поразмыслить.

Зазвонил телефон, мы обе подпрыгнули, потом рассмеялись.

– Он вас ждет.

Я вошла в кабинет Микки Флэнагана, так и не решив, как себя вести, а встретил меня короткий и лысый мужичок, вылитый Шалтай-Болтай, с приветливым лицом. Мы с ним виделись после того, как отец слег, обсуждали, как уладить его дела, но с тех пор общались разве что изредка по электронной почте. Всякий раз, когда от Микки приходит письмо, я паникую: наверное, деньги кончаются, больше не сможем платить за папину реабилитацию. И я уклонялась от личной встречи именно потому, что боялась такого разговора. Микки поднялся, с трудом оторвав брюхо от края стола, и двинулся мне навстречу. Тепло пожал мне руку и забрался обратно в свое кресло.

Я нервничала. Вытащила из сумки папку с папиным каталогом и приготовилась вести допрос. Если он присвоил шарики, он же так сразу не признается, может быть, вообще не признается никогда, но я надеялась,

что с моим появлением в нем хотя бы зашевелится совесть. Я продумала самые разные сценарии разговора, воображала его ответы: «Мне пришлось продать эти шарики, он очень давно мне не платит, не работать же мне даром?» Или: «Разумеется, я их продал, у нас с ним была договоренность, вот контракт, в такой форме он оплачивает мои услуги». Я продумала все варианты, но на каждый из них я мысленно отвечала одно: «Верните их!»

– Рад вас видеть, Сабрина, как отец поживает? – озабоченно спросил он.

– Как он поживает? – переспросила я, чувствуя, как ноги дрожат, все тело дрожит, даже язык.

Губы задергались, меня это сердило, и оттого еще больше усилились гнев и досада. Мне требовалось как можно скорее и без помех выговорить то, зачем я пришла. Нужно было избавиться от эмоций, но они закипали внутри так стремительно, что элементарный вопрос «Как он поживает?» послужил спусковым механизмом, и чувства затмили разум. Мне припомнились кошмары, в которых я пытаюсь кому-то (всякий раз другому человеку) что-то объяснить, но во рту у меня ком жевательной резинки, и чем больше я усердствую, пытаюсь ее вытащить, тем больше ее становится и слова уже совсем не слышны.

Я откашлялась.

– Иногда забывает даже вчерашний день. А потом вдруг расскажет историю из своего детства во всех подробностях, так ясно и живо, что будто переносишься с ним в то время. Например, сегодня с утра он рассказывал мне о том, как мальчиком побывал на финале чемпионата Ирландии, когда Дублин побил Голуэй. Он припомнил каждую мелочь, так подробно все рассказал, что я словно смотрела матч вместе с ним.

– Ну да, такие дни не забываются, – добродушно и вежливо согласился он.

– А что-то, что было когда-то для него очень важно, он не может припомнить. – Я снова откашлялась. Вперед, Сабрина! – Например, марблс. До сегодняшнего дня я понятия не имела, что он собирал марблс. А у него их сотни. Может быть, даже тысячи, я еще не сосчитала. Некоторые из них очень ценные, но дороги ему все, независимо от цены, иначе бы он не потратил столько времени на это. – Дрожащими руками я протянула ему каталог. Он медленно перелистал его, то и дело поднимая глаза от страницы на меня и снова возвращаясь к чтению.

– Микки! – сказала я. – Я не знаю, как это вежливо сформулировать. До вчерашнего дня марблс хранились у вас. Часть коллекции пропала. Можете ли вы сказать, что случилось с папиными шариками?

Он изумлен, так и застыл с каталогом в руках:

– Господи, нет!

– Микки, я должна это выяснить. Я не обвиняю вас в краже, то есть, разумеется, у вас, наверное, была договоренность или папа сам подписал, разрешил вам их забрать. Мне все равно, как это вышло. Но я хочу найти их, вернуть, чтобы коллекция оставалась полной.

– Нет-нет, я их не брал и никаких соглашений ни с кем у меня не было, и с вашим отцом не было контракта. – Он выпрямился и заговорил тверже: – Как вам известно, коробки были доставлены мне *после* его инсульта, и, как вы сами сказали, он даже не помнит о них, так что он никоим образом не мог дать мне указаний, как распорядиться ими, а я бы до них и пальцем не дотронулся. – Он говорит искренне, он явно расстроен тем, что я посмела его заподозрить, и он, безусловно, держится как профессионал. – Вы понимаете, Сабрина?

– Кто-нибудь имел к ним доступ у вас дома? Может быть, в дом залезли? – поспешила я смягчить обвинение в адрес его семьи. – Из всех марблс пропали самые дорогие, как будто кто-то сверился с каталогом и выбрал их.

Чтобы не обижать меня, он сделал вид, будто поразмыслил над такой возможностью.

– Могу вас заверить, что ни я, ни другие люди в моем доме не могут быть причастны к пропаже марблс. Я никогда не открывал эти коробки. Они были сразу запечатаны и так запечатанными и покинули мой дом. Весь прошлый год они хранились в гараже, не на виду, никто к ним доступа не имел.

Я поверила ему. Но где же мне теперь искать пропавшие шарики?

Микки вернул мне каталог, и я тупо уставилась на открытую страницу, на красивый, с петлями и завитушками почерк отца. Виделось мне совсем другое: «Сабрина завтра пропустит уроки в связи с посещением врача». Видела я написанные от руки поздравительные открытки. Записки, порой попадавшие дома.

Я облизнула губы, щеки все еще полыхали от пережитого волнения, от того, что я, пусть как угодно вежливо, дерзнула обвинить этого человека в краже.

– Тогда еще один вопрос. Чтобы найти их, хорошо бы выяснить, кто их вам передал. Мы с мамой запаковали все, что хранилось в квартире, и эти коробки не попадались нам на глаза.

Он нахмурился, озадаченный.

– Вы все делали вдвоем? Никто не помогал? Родственники,

профессиональные перевозчики?

Я покачала головой.

– Только мы вдвоем.

Он снова призадумался.

– Возможно, вы не знаете, каким образом вещи вашего отца попали ко мне на хранение.

– Мама сказала, что вы любезно предложили... Мне их положить негде, а она – у нее конечно же своя жизнь.

– Дело в том, что я не предлагал любезно, – возразил он вежливо, но в голубых глазах, сиявших на круглом лунообразном лице, мелькнула искорка. – Ваша мама немножко с вами хитрит, но я буду говорить прямо, тем более что вы явились сюда с этими... вопросами, и вполне справедливо, ведь коробки целый год пролежали у меня.

Я заерзала на стуле, окончательно смущенная, куда подевалась прежняя решительность.

– Ваши дядя, братья Фергюса, были недовольны тем, что его вещи хранятся у Джины. Они считали, что Джине их доверять нельзя, учитывая ее отношения с бывшим мужем. Но и Джина возражала: с какой стати отдавать вещи им, они, по ее мнению, вовсе не были близки с Фергюсом. В итоге мы сошлись на том, что коробки будут храниться у меня. Это устраивало обе стороны: я человек нейтральный и ко мне они относились без подозрения. Обычно я не берусь хранить чужое имущество, но к Фергюсу я привязан и потому согласился. К сожалению, семейные обстоятельства изменились и я больше не могу держать их у себя.

Я торопливо кивала, стараясь побороть смущение, и соображала, как это мама ни о чем меня не предупредила. Думала, что и Микки промолчит? Я-то, пока устраивала отца в больницу, не замечала разворачивавшегося вокруг семейного конфликта. Меня одно интересовало в ту пору: чтобы папе стало лучше. Я моталась из больницы в его квартиру, оттуда на работу, еще ведь дети, я полностью выматывалась, превратилась в зомби. Сфотографировала отцовскую мебель и продала через интернет, развозила кушетки по всему городу, встречалась с покупателями на Джордж-стрит ровно в пять, чтобы передать кофейный столик. Сколько дней ушло на то, чтобы отделать предназначенное на продажу от того, что решили сохранить. Я все больше узнавала о жизни отца, о его глубоко частной жизни, такой простой и обычной, если не считать тревожного количества шоколадных батончиков и малоприятное собрание дисков – никому не хочется знать, что папочка смотрит такие фильмы. Но никаких тайн не раскрывалось. Ни следа присутствия кого-то еще в этой квартире,

помимо отца.

Я прочесывала все комнаты, каждый шкаф, каждый ящик, я продала все шкафчики, кроме встроенных в стену и намертво прибитых к полу. Я упаковала множество коробок и ни разу не наткнулась на шарики. Кто-то другой упаковал их и отправил Микки, не я и не мама, так кто же?

– Не знаю, чем я еще сумею помочь, Сабрина.

И я не знала.

– Единственная гипотеза – их не было в коробках в тот момент, когда вы отправляли их мне. Но если никто не участвовал в сборах, кроме тебя и мамы, то я не знаю, что и думать.

Но что он думал, было до боли очевидно. Он умел выражаться любезно, но если шарики прикарманила не я, выходит, это сделала мама, которая успела уже солгать мне о том, как и почему коробки вообще оказались у Микки.

Столько секретов, столько всего я не знала. Что еще от меня скрывали?

Хэмиша я увидел вновь, когда мне было уже девятнадцать. Не думал я, что, когда впервые сяду на самолет и впервые покину Ирландию с тех пор, как меня пятилетним ребенком привезли сюда на корабле, то случится это по такой причине.

К маме явился полицейский, которому позвонили из нашего посольства в Англии и сказали, что Фергюс Боггс найден в Лондоне мертвым и пусть кто-нибудь из родных приедет опознать тело.

– В Лондоне? Но Фергюс здесь!

Мама так раскричалась, что все сбежались к ней, а кто не прибежал к ней, те побежали искать меня. Я сидел в баре, выпивал и играл в расшибалочку, хотя полагалось мне торчать в мясной лавке у Мэтти. Я там был новичком, и на меня спихивали самую противную работу, промывать кишки, и в первое время с бодуна я только успевал добежать до туалета, чтобы проблеяться. К тому времени я уже не чувствовал дурноты, только скуку и убедился, что две-три кружки посреди дня помогают продержаться до вечера. Меня больше интересовало, какие сорта мяса Мэтти закупает, в эти вопросы я рад был бы вникнуть, поискал бы мясо получше, все собирался поговорить об этом с отчимом, но понимал, что он и слушать не станет, пока я не отбуду хотя бы год в задней части магазина среди этой вонищи.

Энгюс отыскал меня в пабе, сгреб, велел молчать, слушать ничего не желал, потащил домой, и я думал, неужто мне влетит за то, что отлучился в перерыв пропустить кружку, а должен был жрать бутерброды прямо возле лавки на заднем дворе. На крыльце нас встретил Дункан, дверь была широко распахнута. Мама заседала в гостиной в окружении взволнованных соседок, чайник кипел, на столе горячие лепешки. Трехлетний Джо пристроился у нее на колене, скакал вверх-вниз и пялил глаза, напуганный маминой истерикой. Все расступились передо мной, словно я – чудесное дитя, появления которого она всю жизнь ждала. Она смотрела на меня так, словно к ней приближался ангел во плоти, никогда я не видал в ней столько любви и нежности. Я чуть не усрался, все думал, что за хренотень тут творится.

Мама спустила Джо на пол и поднялась мне навстречу. Малыш

цеплялся за ее ноги. Мама обеими руками обхватила мое лицо, руки у нее были горячие от многих литров чая, кожа огрубела после стольких лет мытья и стирки. Но ее лицо было как никогда ласковым, глаза – пронзительно голубые. Думаю, такой взгляд я подмечал у нее изредка, когда сам еще был маленьким, когда она смотрела на своих младенцев – думая, что ее никто не видит, – когда подносила ребенка к груди и они соединялись неразрывно, словно вели между собой безмолвный разговор. Не помню, чтобы она так смотрела на меня.

– Сыночек, – заговорила она нежно, с облегчением. – Ты живой.

И я фыркнул в ответ, я же понятия не имел, с чего это она вдруг, только и знал, что меня вытащили из паба ради этого бессмысленного, на мой взгляд, спектакля. Миссис Линч неодобрительно причмокнула, и я чуть ее не стукнул, потому что она конечно же спровоцировала маму.

Счастье мигом исчезло с маминого лица, и она влепила мне пощечину. Видимо, раскаяние на моем лице проступило недостаточно убедительно – и она врезала мне еще раз.

– Хватит, ма, – сказал Энгюс, оттаскивая меня в сторону. – Он же не знал. Он не знал.

– Чего я не знал?

– Приходил полицейский...

Маму усаживали обратно на ее место: горюющая пчелиная матка.

– Он сказал, что Фергюс Боггс найден в Лондоне мертвым, – продолжал Энгюс. Он сильно стукнул меня по плечу, потом сжал его. – Но ты ж не мертвый, с тобой все в порядке, да?

Я не мог ни слова произнести в ответ, сердце громко застучало. Я сразу понял, я знал, и все тут: это Хэмиш. Никто другой не назвался бы моим именем, а он мог назваться только моим и ничьим больше. Всегда были мы. Он и я. Я и он. Даже если мы сами этого не понимали, я понял это в тот момент, когда догадался, что он мертв. Почувствовал утрату гораздо горшую, чем тогда, когда он внезапно взял и уехал.

– Повеселее, а? – сказал Дункан нашим гостям, и женщины размякли, увидели наконец во всем случившемся смешную сторону, заулыбались.

Только мама не смеялась. И я не смеялся. Мы заглянули друг другу в глаза. Мы оба знали.

И так я впервые отправился на самолете в другую страну. Было ветрено, нас трясло, я и думать забыл о Хэмише, быть бы живу, и как странно, прикидывал я, вот будет судьба, если я разобьюсь насмерть, отправившись проверить, что за покойник вздумал называться моим именем.

Шеймус, сын миссис Смит, жил в Лондоне, и с ним договорились, что он пустит меня пожить несколько дней. Уж не знаю, что он рассказывал о себе своей мамочке, но вряд ли правду: жить в сыром викторианском особняке всемером в одной комнате – вряд ли это так уж круто. И я сразу же отправился на ночь погулять, не было охоты укладываться спать у них на полу. В ирландский бар, куда мне все советовали пойти, я не пошел, чтобы не вляпаться в историю, а вместо этого стал расспрашивать с английским акцентом, где тут играют в марблс, и отыскал «Бриклейер армз». До того я часами шатался по улицам, понимая, что каждая минута приближает меня к встрече с Хэмишем, – и то молился, чтобы время замедлилось, то начинал его торопить.

Я сыграл в шарики с местными, в самую простую игру – расшибалочку, я играл в нее в пабе во время обеда. Поверить не могу: день все длится, а я уже в другой стране, мне предстоит опознать тело того, кто называл себя мной, я сам словно успел стать другим человеком.

Игроков может быть от двух до четырех, мы играли втроем, пока третий не проблевался и не рухнул спать в углу, струйка мочи потекла по его ноге. Остались мы вдвоем с парнем по имени Джордж, который упорно именовал меня Падди, будто не знал, что это обидно. Но черт с ним, зато я обыграл его в пух и прах. Тут особого умения не требуется: шарики нужно бросать, а не пулять ими. Шарики среднего размера – вышибалы, первый игрок бросает свой шарик, второй пытается попасть по нему и так далее. Даже это Джорджу дается с трудом, слишком много он выпил. Если противник попадает по вышибале, игрок отдает ему шарик, но другой, не вышибалу. Вышибалу так получить нельзя, в том-то и загвоздка: единственный шарик Джорджа, который мне нужен, – вышибала. А вышибалам все сходит с рук, даже убийство, как говорится.

Его вышибала – чешская пулелейка^[1] с морозным узором, Джордж что-то такое пояснил про кислотную ванну. Я спросил, не продаст ли он мне вышибалу, и он сказал – нет, он мне так его даст. Я рассказал ему, зачем приехал и кого, как я думаю, мне предстоит опознать. Он посочувствовал, сказал, ему довелось однажды видеть порубленный на куски труп, а я призадумался, пришлось ли ему тоже кого-то опознавать или это как-то связано с его образом жизни – да уж не сам ли он и порубил человека на куски. Этот рассказ меня, как ни странно, не отпугнул, а получив в подарок пулелейку, я несколько приободрился. Сунул шарик в карман и, проплутав почти два часа по лондонским улицам, наконец ввалился в четыре утра к конуру Шеймуса Смита, добрался до своего места, переступая через спящих. Один из парней, думая,

что никто не слышит, так и дрожил все время.

Четыре часа спустя в море: мертвое нагое тело Хэмиша распростерто передо мной на прозекторском столе. Коронер показал мне только его лицо, но я спустил простыню намного ниже: у Хэмиша возле пупка родинка в форме Австралии, вообще-то не так уж похоже на Австралию, но зачем портить славную шутку. «Двинемся к югу?» – говаривал Хэмиш девчонкам, и сейчас я слышал его слова так отчетливо, будто и губы его пошевелились. Я улыбнулся, вспоминая брата, все, что было связано с ним хорошего, а коронер зыркнул сердито: наверное, решил, что я рад его смерти.

– Мне припомнилась одна его шуточка, – пояснил я.

Тогда он напустил на себя выражение – вроде как ему все равно, он тут по службе, а чужие переживания его не касаются.

Я нащупал в кармане чешскую пулелейку.

– Его застрелили? – спросил я. Я и раньше думал, если Хэмишу суждено уйти раньше срока, он бы предпочел пулю, словно ковбой, – он вестерны любил.

– Нет. Или вы нашли пулевое отверстие? – спросил он таким тоном, словно оборонялся, словно я упрекал его в недосмотре.

– Нет.

– Значит, нет.

– Что же с ним случилось?

– Узнаете у полицейских. – Он снова накрыл ему лицо. Мы не виделись четыре года, но я не сумел бы сказать, сильно ли Хэмиш за это время изменился: лицо его раздулось и было все в синяках, я едва узнал его. То есть я понимал, что это и есть он, но не мог сказать, как выглядел при жизни этот ставший на четыре года старше Хэмиш. Говорили, он пробыл в воде два дня, а то и дольше, поскольку тело само всплыло и уже начало разлагаться. Полицейский офицер, который разговаривал со мной после опознания, сказал, что кожа со стопы сошла целиком, будто носок, но тут я отключил звук. Яснее всего я запомнил вот что: никто не сообщил об исчезновении, никто не искал его.

«Фергюс Боггс» был пьян. Выпил чересчур много субботним вечером и задирали вышибал при ночном клубе «Орбит». Они попытались его отогнать, и он, по их словам, сделался агрессивен. У меня нет причин не верить этому, все мы, и Боггсы, и наши сводные братья, таковы, даже крошка Джо, стоит ему что-то запретить, падает и колотит ногами об пол, где бы мы ни находились. Поскольку он самый младший, мама редко ему перечит. Один из двух вышибал, которому наскучило спорить с «Фергюсом», предложил открыть ему заднюю дверь, чтобы хозяин

не видел, что он впустил пьяного, да еще и бесплатно. Завел его под этим предлогом в проулок и вздул. Со сломанным носом, сломанным ребром – что-то из этого могло быть последствием падения, а могло произойти и раньше, но власти сочли это последствием падения, – «Фергюс Боггс» побрел, шатаясь, прочь, споткнулся, упал в реку и утонул. Ему было двадцать пять лет.

Шеймус Смит ждал меня у двери морга. Он курил, дергался, прятал руки в маленькие карманы кожаной куртки.

– Это он?

– Да.

– Черт.

Он достал пачку сигарет, дал мне закурить. Потом, большое ему спасибо, отвел меня в паб, но я наглухо все забыл с того момента, как закурил эту сигарету. На следующий день мы с Хэмишем вновь плыли на пароходе – второй раз в жизни – я вез его домой.

Полиция не стала предъявлять обвинение вышибале, который «слегка ему наподдал», потому что «Фергюс» нарушал порядок, вышибала не имел намерения его убить, а утонул «Фергюс» потому, что был пьян. Вышибалам все сходит с рук, даже убийство.

Открыв коробку с марблс, я словно ящик Пандоры распахнула.

Понимала ли я это, когда глядела на шарики, просматривала каталог, катала шарики на ладони? Если нет, то поняла все в тот момент, когда увидела, как переменялся отец, едва глянув на кровяники. И еще более убедилась, обнаружив, как мои родичи ухитрились все запутать, даже решая вопрос о том, где будет храниться коллекция. Что делать дальше, я не знаю. Новолуние, черное полнолуние, слишком много мыслей, не могу отфильтровать. Дыши же, дыши!

Выйдя от Микки, я сразу же позвонила маме, меня распирало негодование.

– Как поживает мисс Марбл? – Она рассмеялась собственной шутке. – Ты побывала у Микки? – В голосе ее тревога, кажется, она боится, что ее ложь будет разоблачена.

– Кто из братьев отца был против, чтобы ты хранила у себя коробки? – спросила я.

Она вздохнула.

– Микки тебе все сказал. Ох, дорогая. Я надеялась, он промолчит.

– Ценю твою заботу, мам, но, чтобы найти недостающие шарики, мне нужно знать правду.

– Ты в самом деле собираешься искать эти *шарики*? Сабрина, дорогая, у тебя все в порядке? У вас с Эйданом? Вы еще ходите к семейному психологу?

– У нас все в порядке, – ответила я на автопилоте. Зря я проговорила маме про психолога, теперь все, что бы я ни сказала и ни сделала, будет в ее глазах результатом этих визитов, а я и хожу-то лишь ради Эйдана. Всем довольна и прекрасно обошлась бы без этого. Впрочем, последнее время я часто так говорю, не думая. В самом ли деле у нас все в порядке? Лучше вернуться к главной теме: – Объясни мне, что произошло с коробками и причем тут братья отца?

Она вздохнула, видя, что выхода нет, придется отвечать, и на этот раз в ее голосе послышался гнев. Она сердилась не на меня, а на отца, на то, как все обернулось в прошлом году.

– Энгюс позвонил мне, но говорил он от имени всех братьев, в том-то

и проблема. Они узнали, что мы разбираем его квартиру, и не хотели, чтобы я забирала его вещи. Ты – пожалуйста, но я сказала им, что тебе некуда. Что было дальше, ты знаешь.

Я пытаюсь припомнить Энгюса. С родней отца я никогда не была особенно близка, виделись мы редко, потому что отец мало с ними общался. В детстве меня порой брали на какие-то семейные встречи, но мы всегда уходили рано: папа был вечно напряжен, кто-нибудь скажет ему что-то неприятное, и мы тут же поднимаемся. Мама против этого не возражала, она тоже не любила эти сборища, они обязательно заканчивались дракой, какой-нибудь пьяный кузен переворачивал стол с бутылками, сцепившись с подружкой или невесткой, которая так и не научилась сдерживать свой острый язычок. Любое собрание Боггсов и Дойлов оборачивалось драмой, так что мы старались там и не показываться или же забежали на минутку, «показаться», как говаривал отец. Ему только этого и надо было: показаться. Может быть, и нам с мамой он тоже лишь «показывался», ведь теперь проступает совсем другой человек, не тот, которого я знала.

Энгюс – старший из братьев – мясник, значит, не тот, у которого мебельный фургон. Кажется, фургон у Дункана, впрочем, они могли проделать это вместе. Давненько уже я не виделась ни с кем из них. Меня перестали таскать на семейные мероприятия с восемнадцати, и я даже не пригласила дядьев и теток на свадьбу. Мы с Эйданом праздновали в Испании, очень скромно, всего двадцать гостей.

Стоит ли ехать к Энгюсу выяснять, что произошло год назад? Почему он не позволил моей маме хранить вещи бывшего мужа? Хотел ли он хранить их сам и присвоить папину коллекцию? Ничего себе вопросы! И могу ли я упрекать братьев отца за то, что они не хотели доверить его вещи бывшей жене? Они были совершенно правы, сейчас я это вижу вполне ясно. В любой момент мама могла их попросту сжечь – напившись, припомнив, как отец отравил ей жизнь, хотя теперь-то она счастлива во втором браке.

– Ты знала про его коллекцию? – жестко спросила я ее вновь. – Ты складывала ее, когда мы разбирали квартиру?

– Ничего не знала. Я же тебе вчера сказала.

Досада, боль в ее голосе вынуждают меня поверить.

– А если бы и наткнулась, пока мы разбирали квартиру, я бы их прямиком в помойку отправила, – переходит она в наступление. – Чтобы взрослый человек шариками баловался, право!

Я верю и тем более хотела бы знать, что она успела найти в квартире без меня и что сочла недостойным хранения. Может быть, не надо было

звать ее в папину квартиру. И почему я только сейчас спохватилась? Я чувствую себя очень виноватой. Да, я была занята, в стрессе, в страхе, не так надо было все организовать. Наверное, надо было позвать и братьев, спросить, не хотят ли они забрать что-нибудь на память о нем, об их прошлом. Не потому ли они так сердятся на маму, что я вовсе не вспомнила о них? Взяла все в свои руки, думая, что я полностью во всем могу разобраться, что достаточно знаю отца.

– Мама, ты вспомнила, как вы поссорились с папой из-за шарика? – Нет, на этот раз она не ускользнет. Я знаю, она что-то скрывает от меня, а мне сейчас нужно как можно больше информации. Довольно секретов.

– О, теперь я не припомню. – Она смолкла, и я думала, на том разговор и оборвется, но она продолжила: – Это был наш медовый месяц, вот и все, что я могу сказать. Он куда-то ушел бродить, сам по себе, как он всегда потом делал, ничего не объясняя, а вернулся с каким-то идиотским куском стекла, на который потратил наши сбережения за несколько месяцев.

Я вытянула каталог из папки, поскольку я вела машину и нужно было следить за дорогой. Заглянула одним глазом.

– В форме сердца?

– Не помню в форме чего. – Она помолчала и спохватилась: – Вообще-то да. Кажется, сердце. Я чуть с ума не сошла, он потратил все наши деньги. Мы еще три дня провели в Венеции, а есть нам было нечего. Один раз выпили бутылку колы на двоих, больше ни на что не хватало. Вот же идиот неисправимый, – вздохнула она. – Но такой уж у тебя отец. Откуда ты знаешь, что это было сердце?

– Да я просто... догадалась.

Я провела пальцем по отцовской записи: «Сердце – повреждено. Состояние: пригодно для коллекции. Венеция 79».

Значит, не мама паковала шарики, не она и отщипывала что-то от коллекции. Можно считать установленным факт: она бы к ним и не притронулась.

Доступ. Нужно сообразить, кто имел доступ к коробкам. Не Микки, не его близкие. Конечно, я не могла это знать с безусловной точностью, но готова была ему поверить. Обращаться в компанию, перевозившую эти вещи год назад, казалось безнадежным: «Извините, вы в прошлом году не украли кое-что из багажа?» Возможно, Микки ошибался, и шарики все же были в коробке, пока та стояла у него дома. Возможно, их украли только вчера. Это уже не столь безнадежно: разобраться со вчерашним водителем.

– Чем-нибудь могу вам помочь, Сабрина? – мягко спрашивает Эми, когда я возвращаюсь в приемную адвоката.

Я стараюсь взять себя в руки. *Это все из-за луны.*

– Я вчера получила от Микки вещи, их доставили из его дома в больницу, моему отцу, и мне бы надо знать, кто перевозил. Вам это известно?

– Мне? Я выходные целиком в гараже провела, координируя перевозку. Сверхурочно и бесплатно. Не входит в мои обязанности, но с Микки не поспоришь.

Сердце подпрыгнуло, забрезжила надежда.

– Были коробки запечатаны, когда вы их отправляли? – спросила я без нажима, боясь ее обидеть.

– О боже! – простонала она. – Еще как были, и хранились они очень аккуратно. Неужели что-то разбилось и пропало? Быть того не может!

– Ну вообще-то да, кое-чего недостает.

– Ох этот Лупер!

– Прошу прощения?

– Это все Лупер. Тот, кто привез вещи. Послушайте, безусловно, абсолютно, коробки были запечатаны, когда я их осматривала, и мне было настрого запрещено их вскрывать. Микки не хотел, чтобы я шарила в его добре, и не вам одним, кстати говоря, нужно было отправить вещи. Много было всего. Старая мебель, одежда, кое-что пролежало там много лет, все в пыли. Словом, я попросила племянника Микки, Лупера, отвезти коробки. На него кто только не жалуется, но мне пришлось обратиться к нему, вариантов не было: Микки старается чем может выручать родных. Боюсь, вам придется самой с ним разбираться, я в это лезть не могу, только скажу, где он живет.

– Хорошо, спасибо, – ответила я, обрадовавшись, что не все потеряно. Уже куда-то продвигаюсь.

– Знаете дорогу? – спросила она, без особой охоты протягивая мне записку с адресом.

– Нет, но у меня есть навигатор.

Она прикусила губу.

– Навигатор даже не сообразит, куда вы едете, – сказала она. – Это далеко.

– Ничего, у меня есть время, – ответила я, направляясь к выходу. Впервые за очень долгое время я почувствовала возбуждение.

– Поаккуратнее с ним, он людей не любит, особенно в такие дни, как сегодня, – жестом она указала на небо. – Такие дни словно специально

для таких людей, как он, – услышала я, закрывая за собой дверь.

Я поехала в какую-то глушь, Оленье поле, оленей по дороге не видела, а полей сколько угодно, и в них трейлеры. Поглядывая на солнце, я гадала, есть ли смысл в замечании Эми. Может быть, сегодня роковой для нас всех день? Или день, когда я, окончательно рехнувшись, отправилась на поиски шариков, не имея даже безусловного доказательства того, что они когда-то существовали. Только написанный от руки каталог, неизвестно как давно составленный. Еду к человеку по имени Лупер, живущему черт знает где, чтобы обвинить его в воровстве.

Погоняв по закоулкам (навигатор, как и предупреждала Эми, сдался, едва я выехала за черту города), я наконец отыскала то место. Лупер (даже имечко малосимпатичное) жил в маленьком бунгало семидесятых годов, за своим жильем не смотрел, и оно, судя по виду, собиралось вот-вот развалиться. Передний двор был завален деталями автомобилей, шинами, двигателями, капотами, еще какими-то разрозненными железками, земли под ними не видать. У двери стоял белый фургон, а из-под него торчала пара ног в грязных, линялых джинсах и рабочих ботинках. Из стоявшего поблизости радио на полной громкости неслись песни AC/DC. Я притормозила у ворот, дальше проехать не смогла: на воротах был здоровенный засов и надпись «Не входить – охраняется собаками» с изображением двух оскалившихся псов.

Я вылезла из машины и остановилась у ворот, снова себя спрашивая, не сошла ли я с ума.

– Извините, – окликнула я ноги. – Лупер?

Ноги задвигались и выскользнули из-под фургона. Молодой человек распрямился во весь рост. Длинные грязные волосы, несмотря на его молодость, уже далеко отступили ото лба. Белая жилетка заляпана машинным маслом, жиром, потом, мало ли чем еще. Я бы скорее назвала его коренастым, чем мускулистым, но он крупный, здоровенный как вол, прямо-таки персонаж Средиземья.

Он уставился на меня, вытирая инструмент о футболку и неторопливо, по кусочку, изучая меня всю. Посмотрел на машину, потом на меня и медленно двинулся ко мне с гаечным ключом в руках, так, словно времени у него сколько угодно и он с научной точки зрения изучает вопрос, стоит ли прибить меня этим ключом. До самых ворот он не дошел, остановился в нескольких шагах. Змеиный язык высунулся изо рта и облизал губы. Парень еще раз внимательно меня оглядел и причмокнул, точно сожрать решил.

– Вы Лупер? – спросила я.

– Может. А может, и нет. Зависит от того, кто спрашивает.

– Я спрашиваю, – улыбнулась я. Кривовато улыбнулась.

Луперу моя улыбка не понравилась, похоже, он решил, что над ним посмеиваются, это ему не понравилось, не был вполне уверен, что правильно понял, а когда он не уверен, он и вовсе перестает вести себя по-человечески. Набрал слюны и харкнул на землю, явно в мой адрес.

– Вы занимаетесь доставками?

– А кто же еще? Есть для меня работенка? А то у меня для вас есть. –

Он сунул руку в пах и ухмыльнулся.

Отвратительно. Я попятилась от него, но все же спросила:

– Вы племянник Микки?

– А кто спрашивает?

– Да все я же, – ровным голосом ответила я. – Я клиент. Он послал меня сюда. *Он знает, что я здесь. Меня будут искать. Не убивай меня!* – Вы вчера развозили в Дублине вещи по просьбе дяди?

– Я много чего развожу в Дублине.

Вот уж вряд ли.

– В больницу отвозили?

– Вы там проживаете? – ухмыльнулся он, выставляя напоказ немногочисленные зеленоватого оттенка зубы. Снова окинул меня взглядом, словно кошка мышь. Ему охота позабавиться. Глаза у него странные, болотного цвета, ни в них, ни за ними никакой жизни незаметно. От одной мысли, что драгоценные папины марблс попали в эти руки, мне поплохело. Я бы этому парню и гвоздя не доверила. Я стала озираться в надежде на помощь, на свидетеля, который спасет меня, если все обернется совсем скверно, если Лупер попытается осуществить то, что, как мне кажется, у него на уме. Вон сколько пустынной земли вокруг его дома. Сгоревший автомобиль виднеется посреди неводеланного поля.

Лупер глянул туда же, куда и я, на простирившиеся до горизонта поля.

– Заноза в заднице. Картоха только и растет, больше ничего. Папаша был фермер, застройщики ему миллион сулили, но он уперся, он фермер, чего ему еще делать в жизни? А потом взял и помер на хрен, и все это досталось мне. Теперь никто не купит. Без надобности земля.

– Почему вы ее не возделываете?

– Своих дел хватает. Гараж и доставки – мой бизнес.

Этот двор очень мало походил на «бизнес».

– Зайдете? Покажу вам, что тут как.

Я заглянула издали в распахнутую дверь дома – беспорядок, грязь, какие-то завалы – и покачала головой. Нет уж, за эти ворота я ни ногой.

– Вы доставили моему отцу пять коробок от Микки. Несколько вещей недостает. Не могли бы вы мне... помочь?

– За вора меня держите?

– Нет, прошу помочь, – повторила я. – Вы где-нибудь останавливались? Кто-то мог залезть в фургон?

– Я загрузил их в фургон и отвез в Дублин. Вот и все.

– Не открывали коробки? Может быть, что-то выпало?

Усмешка.

– Знаете что, я вам отвечу, если вы меня поцелуете.

Я отшатнулась.

– Ладно, ладно, – рассмеялся он. – Отвечу, если пожмете мне руку.

Тоже скверно, однако я решилась ему подыграть. Пусть только на вопрос ответит.

Лупер шагнул вперед, протягивая мне руку. Гаечный ключ сунул в задний карман и помахал второй рукой, показывая, что безоружен.

– Ну же! Пожмете мне руку – отвечу на все вопросы. Я свое слово держу.

С подозрением косясь на его руку, я протянула свою, а он, завладев моей ладонью, резко дернул меня к себе, свободной рукой ухватил сзади за шею и подтянул мое лицо к своему, чтобы поцеловать. Его губы прижались к моим губам, а я не могла пошелохнуться, только стиснула зубы, чтобы ни частички этого мерзавца в меня не проникло. Попыталась вывернуться, но не получилось, он крепко удерживал мой затылок. Обеими руками я уперлась ему в грудь, но он был очень силен, и я почувствовала, как во мне нарастает паника. Наконец он отодвинулся от меня, облизнул губы и аж взвыл от смеха.

Я принялась яростно обтирать лицо. Больше всего мне хотелось убежать и закрыться в машине. Сердце колотилось. Поблизости никого, кто бы помог, но Лупер больше меня не трогал, стоял себе и хохотал.

– Вы так и не ответили на мой вопрос! – сердито попрекнула я его, все еще вытирая губы. Теперь я ни за что не уеду без ответа, а лучше бы и шарики вернуть. Тогда эта поездка будет не зря.

Лупер покосился на меня с некоторым удивлением, гаечный ключ снова появился у него в руке.

– Я забрал коробки в гараже Микки, остановился на обочине, посмотрел, чего там. Ничего интересного, так что я снова их заклеил и отвез в Дублин. – Он пожал плечами, ничуть не смущаясь. – Бумаги да детские игрушки, мне это ни к чему. Я себе ничего не взял. Поищите в другом месте.

И я ему поверила. Ему бы мозгов не хватило прочесть каталог. Это ведь целая книга, а он, наверное, в жизни не держал в руках книгу. И тем более он бы не сообразил, как увязать этот список и хранившиеся в коробках шарики. Человек, выбравший два самых дорогих предмета из коллекции, потратил немало времени, изучая список и шарики, это не сделаешь за пару минут торопливого обыска на обочине. Взяли самые дорогие – значит, пришлось прочесть весь каталог, ведь список выстроен не по цене, а по видам марблс.

– Дело того стоило? – подмигнул он. Я гневно развернулась и зашагала к машине. – Помог я вам? – крикнул он вслед.

Я включила зажигание и поехала домой. Да, помог.

Шарики присвоил не Лупер. Их не было в коробке, когда он забирал вещи из гаража Микки. Теперь я в этом абсолютно уверена. И их не было уже тогда, когда коробки прибыли к Микки. Значит, нужно копать глубже. Вернуться на год в прошлое. А то и дальше.

– Фергюс, нам пора! – весело говорит нянечка Ли, входя в мою палату с широченной улыбкой во все лицо.

Она всегда улыбается, на щеках у нее две глубокие ямочки, прямо-таки лунки для марблс – обычные шарики туда, пожалуй, не поместятся, но миниатюрные войдут идеально и даже не будут выпирать. Это молодая девушка, деревенская, из Керри. Все поет, а смех ее доносится от сестринского поста до моей палаты в глубине коридора. Я и так всегда в хорошем настроении, но она поднимает настроение еще выше, выше, того гляди, пробью потолок, как Чарли пробил стеклянный свод шоколадной фабрики. После нелегких физиопроцедур – а у меня их множество – она неизменно является с улыбкой на лице, с чашкой исходящего паром кофе и кексом. Она сама печет кексы и всех угощает. Если б она так обихаживала своих дружков, говорю я ей, от них бы отбою не было, а то она все одна и вечно рассказывает мне об очередном неудавшемся свидании.

Симпатичная девочка. Похожа на Сабрину до мальчиков – как пошли дети, она всегда на взводе, еще бы, трое проказников. Ни один разговор у нас с ней не доходит до конца, довольно часто даже фразы обрываются на полуслове. Стала еще более чокнутой, чем прежде, а ведь была умненькая, не хуже Ли. Всегда усталая, к тому же толстеет. Моя мать была крепкой, как старый башмак, самую чуточку размягчалась, выпив больше стаканчика бренди, а такое с ней случалось разве что пару раз в год. Тощая была как палка: гоняясь за нами, семью оглоедами, она после родов быстро избавлялась от живота. Может быть, если бы я знал маму до того, как она родила нас, я бы и в ней заметил перемену: может быть, она была беззаботной девчонкой, а жизненные заботы и тяготы материнства ее этого лишили. Ведь я и сам немало изменился. Теперь я в больнице. Но не могу представить себе маму беззаботной, даже на фотографиях она выглядит напряженной, жесткой. Родители стоят руки по швам, не соприкасаясь, мрачные лица строго анфас – видимо, это считалось наилучшим ракурсом. Но есть одна фотография, которую я всегда держу при себе: мама на пляже, в Шотландии, а сфотографировал ее папа. Она устроилась на полотенце, кругом песок, откинулась назад, опираясь на локти, лицо приподнято

навстречу солнцу, веки сомкнуты. Она смеется. Не сосчитать, сколько раз я всматривался в эту фотографию, гадая, над чем она смеется. Поза сексуальная, провокационная, хотя мама, уверен, ничего такого не имела в виду. Хэмиш, совсем маленький, сидит у ее ног. Наверное, она смеется над какой-нибудь проделкой сына или папа что-то сказал, и потому она вышла такой на этом фото. Конечно, странно держать при себе фото, где родная мать выглядит сексуальной, психотерапевты нашли бы, что сказать по этому поводу, но мне она поднимает настроение.

А когда я представляю себе Сабрину, то вижу нахмуренное, вечно озабоченное лицо.

– Будем смотреть кино в 3D? – спрашиваю я Ли, намекая на ее смешные очки.

– У меня и для вас есть, – отвечает она, вытаскивает из кармана очки и протягивает мне. – Надевайте.

Я надеваю очки, высовываю язык, и она смеется.

– Сегодня солнечное затмение, Фергюс, вы не забыли?

– Не думаю, чтобы я это забыл, поскольку не помню, чтобы мне об этом говорили.

– Идеально чистое небо, ни облачка. Говорят, место для наблюдения у нас не самое лучшее, по радио все время сообщают, куда лучше поехать, чтобы все увидеть, но это же солнце, уж конечно, его видно, откуда ни смотри. Я напекла кексов на всех. Ванильных кексов. Хотела сделать шоколадные, но Фидельма, новая моя соседка, помните, я вам про нее рассказывала, нянечка из Доневола, свинья этакая, слопала все батончики «Кэдбери» из холодильника, – негодует Ли. – Четыре батончика, пребольших. Теперь я по всей квартире наклейки леплю: «Не трогать», «Не есть». Мне на нее смотреть и то противно. А помните про плазменный телевизор, который я забрала у соседа, он его выбросить хотел? Она понятия, на фиг, не имеет, как им пользоваться, все время хватает не тот пульт. Застукала ее, когда она в экран тыкала пультом от газовой плиты.

Мы оба расхохотались. Она любит поворчать, но не зло, а прикольно, с улыбкой, и голос сильный, напевный. Приятно слушать, словно птичка расчирикалась под окном в солнечный майский день. Она продолжает свой рассказ, помогая мне пересест с кресла на коляску. По большей части за мной ухаживает Ли, а в ее свободные дни приходят другие, к ним гораздо труднее привыкнуть. Некоторые тихие, держатся уважительно или думают о чем-то своем, что там у них в жизни происходит, другие слишком властные, командуют мной так, как мама распоряжалась

в детстве. Грубых нет, но нет у них и того умения, что у Ли. Она знает, как заболтать меня, и то, что мы делаем с ней вместе, вроде как и не происходит. Замечательно, когда так поступает женщина, которой приходится подтирать тебе задницу и мыть твои яйца. Другие молчат, и тогда я отчетливо все сознаю. Том, мой сосед, терпеть не может Ли. «Она хоть когда-нибудь умолкает?» – бурчит он, и так громко, что она конечно же слышит, но ей это не мешает. Но Том есть Том, у него главная радость в жизни – на что-нибудь пожаловаться.

Нянечка выкатывает меня на свежий воздух, на маленький лужок, где мы обычно проводим такие солнечные дни. Там уже все собрались и смотрят вверх, нацепив смешные пластиковые очки. Включено радио, первый канал, в прямом эфире нам рассказывают, что предстоит увидеть, целую неделю только об этом и говорят. Какие-то нумбры, пенумбры, а еще толкуют о суевериях, связанных с луной, но некоторые из них я бы не стал оспаривать: маленькая Сабрина нипочем не могла уснуть в полнолуние. Всегда приходила к нам, забиралась в постель, непременно между мной и Джиной, и лежала без сна, громко вздыхая, постукивая пальцами меня по плечу, по лицу, чтобы я поскорее проснулся и составил ей компанию. Однажды я отвел ее на первый этаж, сварил горячий шоколад, и мы сидели в темноте, глядя на луну как будто загипнотизированные, как будто молча с ней общались. В итоге я заснул на стуле, а Джина явилась к нам и принялась орать: три часа ночи, ребенку завтра в школу, о чем я только думаю! Вот так оно.

Теперь я думаю о ней, когда вижу ночью полную луну: не сидит ли она сейчас на кухне с чашкой горячего шоколада, длинные локоны разметались по спине – впрочем, волосы она давно обстригла.

Все суеются, взбудоражены предстоящим зрелищем. Ли смазывает мне руки и лицо кремом от загара и рассказывает о том, как прошло накануне очередное свидание. Она ходила в кино с полицейским из Антрима. Я прищелкнул языком.

– В кино невозможно разговаривать, – напомнил я ей. – Нельзя проводить первое свидание в кино.

– Знаю, знаю, вы мне это сказали, когда он меня пригласил, и были правы, но после фильма мы пошли выпить, и можете мне поверить, я была рада, что в те два часа мы не разговаривали, такой оказался придурок. Только и слышно: «Моя бывшая девушка то, моя бывшая девушка се». Знаешь, приятель, забирай себе свою бывшую, а я пошла.

Я хмыкнул.

– Принесу вам кекс, какой предпочитаете? Есть с желе, есть с зефиром,

были с драже, но Фидельма их тоже слопала, – улыбнулась она.

– Пусть будет сюрприз, – решил я. Она ушла, а я огляделся и понял, что у нас нынче много посетителей. Дети носились по траве, один даже с воздушным змеем, хотя, как бы стремительно он ни разбежался, змей не отрывался от земли – полный штиль. Ни облачка, небо дивного синего цвета, индиго с завитками белизны. Что-то мне этот образ напоминает. Я изо всех сил пытаюсь припомнить, но не получается. Со мной такое иногда бывает. Действует на нервы.

– Вот! – Нянечка вернулась, протягивает мне тарелку с двумя кексами и сладкий напиток.

Я смотрю на них в легком недоумении.

– Не хотите угоститься? – переспрашивает она.

– Нет-нет, не в том дело, – говорю я. – Моя жена скоро приедет?

Она немного напрягается, но придвигает стул и садится рядом.

– Вы Джину имеете в виду?

– Разумеется, Джину. Мою жену Джину. И Сабрина с мальчиками придет?

– Мальчики сегодня поехали за город с отцом, помните? Эйдан повез их в Уиклоу вместе с детьми своего брата.

– А! – Нет, этого я не помню, но они, конечно, будут рады. Алфи будет червяков копать, он это любит. В этом смысле он похож на Бобби, когда тот был маленький, только червей не ест, а дает им имена. Однажды он заставил меня целый день держать в кружке «Филомену».

– А Сабрина? Она где? – Я представил себе это напряженное, вечно сморщенное лицо, словно она пытается решить задачу или вспомнить ответ на забытый вопрос. Да, именно так. У нее все время такой вид, словно она что-то забыла. Если все парни отправились за город, она сегодня одна. Разве что поедет к Джине, но Джина всегда занята со своим новым мужем Робертом. Понятно, потому-то Ли и посмотрела на меня так странно – пора мне отучиться называть Джину своей женой. Но я порой про такое забываю.

– Сабрина приходила сегодня утром, помните? Кажется, у нее были срочные дела, но завтра она конечно же приедет, как обычно.

Я похлопал себя по карманам.

– Что-то ищете, Фергюс?

Ли, как всегда, готова помочь.

– Телефон – наверное, я его в комнате оставил.

– Похоже, затмение вот-вот начнется. Давайте я потом за ним схожу? Обидно будет, если вы пропустите затмение, пока будете звонить.

Я думал о Сабрине: ни в коем случае нельзя, чтобы она оставалась одна. Мне она снова кажется маленькой девочкой, бледное серьезное личико в лучах белого света.

– Лучше сейчас, если можно.

Я словно бы сморгнул, а Ли уже сбегала и вернулась. Какие-то мысли меня поглотили, только я уже не помню, о чем. Ли запыхалась, мне стало неловко: из-за меня она чуть не пропустила затмение. Конечно, ей хочется такое увидеть. Будь у нее отгул, она бы поехала куда-нибудь с очередным парнем посмотреть, как исчезает солнце, но я эгоистично рад, что она осталась тут. Другие бы дождались конца затмения, а потом уж принесли бы мне телефон.

Я набираю номер Сабрины.

– Папа! – отзывается она с первого же гудка. – А я как раз думала о тебе.

Я улыбаюсь.

– Почувствовал твои мысли. Все ли в порядке?

– Да, да, – рассеянно ответила она. – Подожди, дай я отойду в сторону и смогу с тобой поговорить.

– О! Так ты не одна?

– Нет.

– Отлично. Я как раз беспокоился. Слышал, Эйдан с мальчиками уехали за город. – Я до глупости горжусь собой, прикидываясь, будто помню эти подробности, хотя на самом деле только что спохватился. – Где же ты?

– Сажу на капоте автомобиля посреди поля в Каване.

– Что такое?

Она смеется, и смех ее действительно весел.

– Ты там с друзьями?

– Нет. Но вокруг полно людей собралось смотреть затмение. Это одно из официально рекомендованных мест.

Пауза. Что-то еще. О чем-то она умалчивает.

– Я решила немножко покататься, кое-что поискать.

– Ты что-то потеряла?

– Ну да. В каком-то смысле.

– Надеюсь, найдешь.

– Да, – снова как будто издали. – А ты как? Тебе хорошо видно затмение?

– Отлично. Сажу на полянке, все едят кексы, пьют шипучку и смотрят на небо. Вряд ли это рекомендованное место, как ты говоришь, но по

крайней мере все при деле. Я подумал, пока ждал, мне что-то сегодня напомнило о том, что случилось, когда тебе было два года. – Напомнила мне улыбка Ли. Эти ямочки, куда вошли бы миниатюрные марблс. – Мы с тобой, кажется, никогда об этом не говорили.

– Если я что-нибудь натворила, мама бы не раз мне об этом напомнила.

– Нет-нет, она не знала, я ей ничего не сказал.

– О!

– Как-то раз ей понадобилось уйти, то ли к врачу или на похороны, точно не вспомню, а ты осталась со мной. Тебе было два года. И ты добралась до шариков в моем кабинете.

– В самом деле? – Голос у нее такой удивленный, заинтересованный, взволнованный даже, словно в этом-то и заключалась самая интересная часть рассказа. – И что это были за шарики?

– Маленькие. Миниатюрные марблс. У тебя там тоже потемнело, как здесь?

– Да, потемнело. Рассказывай дальше.

– Это собака, что ли, воет?

– Да, животные занервничали. Их это пугает. Рассказывай дальше, папочка, пожалуйста!

– Ну, ты засунула шарик себе в нос. То ли в правую ноздрю, то ли в левую, сейчас уж не соображу.

– Что-что? – смеется она. – Зачем я это сделала?

– Затем, что тебе было два годика. Почему бы не засунуть?

Она смеется.

– Я никак не мог его вытащить. Все перепробовал, но в итоге пришлось тащить тебя в больницу. Там попытались щипцами, уговаривали тебя высморкаться, но ты не смогла, дышала ртом. А потом доктор Пенджаби, индеец, – потом я с ним кое-какие дела имел – применил что-то вроде искусственного дыхания. Он зажал другую ноздрю и стал дышать тебе в рот – хлоп, и выскочил шарик.

Мы оба рассмеялись. Уже совсем стемнело, все вокруг усталились вверх, нацепив очки, вид глуповатый, да и я таков же. Ли глянула на меня и восторженно подняла оба больших пальца.

– В тот вечер, когда мама вернулась домой, ты ей сказала, что тебя поцеловал индус. Я прикинулся, будто понятия не имею, о чем речь, наверное, дескать, мультик или что-то в этом роде.

– Я помню! – выдохнула она. – Наша соседка Мэри Хейес говорила мне, что я ей рассказывала, как меня поцеловал индус. А я понятия не имела, откуда мне это в голову взбрело.

Мы смеемся – вместе.

– Расскажи еще про луники, – просит Сабрина.

Чем-то ее вопрос меня смущает. Чем, сам не пойму. Мне стало не по себе, отчего-то я расстроился. Непонятно и неприятно. Может быть, это как-то связано с тем, что происходит сейчас на небе. Может быть, сейчас все так себя чувствуют. Я собираюсь с мыслями.

– Луники, – произношу я, вызывая перед собой этот образ. – Подходящая история для такого дня, как нынешний, должно быть, потому и вспомнилась. Я искал луники, но стандартного размера не нашел, только миниатюрные. Двести пятьдесят штук, словно бисер, в замечательной стеклянной банке – похожа на банку из-под варенья, только больше. Не знаю, как ты до нее добралась. Наверное, я на минуту отошел или плохо смотрел за тобой.

– А как выглядят луники?

– К чему тебе знать, Сабрина, это же скучно...

– Нисколько не скучно, – настойчиво перебивает она. – Это важно. Мне интересно. Расскажи мне, я слушаю.

Я задумался, прикрыл на мгновение глаза, тело само нашло более удобную позу.

– Луники просвечивают насквозь, и что мне в них нравится: если поднести их к яркой лампе так, чтобы они оказались в тени, то в самом центре шарика загорится огонь. Этим они замечательны: внутренним сиянием.

Да, это необычно, и я думаю о том, как это необычно, думаю в тот самый редкий момент, когда солнце меркнет, скрывается посреди ясного дня за луной, – тут-то я и понимаю, почему всю жизнь храню мамину фотографию. Потому что она была как луник, свет горел в самом ее средоточии, и в каждом, и во всем есть нечто дивное, что нужно увидеть и сохранить, чтобы любоваться, когда нужно поднять настроение или вернуть уверенность и особенно когда в тебе самом потускнеет внутреннее сияние и останется что-то больше похожее на уголь.

– Папа? Папа, с тобой все в порядке? – шепчет она в трубку, и я не понимаю, почему она говорит шепотом.

Тень луны целиком прошла мимо, солнце освободилось, вернулся дневной свет. Вокруг все ликуют.

Я почувствовал влагу на щеке.

Я сижу на капоте своего автомобиля посреди поля, куда свернула, чтобы полюбоваться затмением. Ловкий местный фермер брал два евро лишь за то, чтобы остановиться на его земле и посмотреть затмение с этого места. На каждой машине сидят люди в нелепых очках, а я только что поговорила по телефону с отцом, и в горле засел комок, но я стараюсь не обращать на это внимания, лихорадочно пролистывая каталог. Внезапно останавливаюсь.

Луники.

У него их множество, но я провожу пальцем по списку и нахожу то, что мне нужно.

Миниатюрные луники (250), и стеклянная банка тоже упомянута, в идеальном состоянии. Далее указано: «Лучшие луны мира», компания Christensen Agate, одноструйные марблс». И составленное отцом описание: «Просвечивающий белый молочный марблс с крошечными пузырьками воздуха внутри и слегка синеватым отливом. Спасибо доктору Пенджаби».

Вокруг все ликует, приветствуя вновь выкатившееся во всей полноте солнце. Не знаю, сколько это длилось, несколько минут, наверное, но все обнимаются и хлопают в ладоши, взволнованные этим событием – природное явление вместо наркотика. И у меня глаза влажны. Что-то в папином голосе и напугало меня, и глубоко растрогало. Тон его сильно изменился, будто со мной говорил совсем другой человек. Кто-то другой просвечивал сквозь него, рассказывая историю, тайную историю о нем и обо мне маленькой, но не только в этом дело. Это была еще и история о марблс. За тридцать лет своей жизни я ни разу не слышала из его уст это слово, а теперь, когда я пустилась в этот... квест, в тот самый момент, когда я наблюдала великое природное явление... Я потрясена. Сняв эти смешные очки для затмения, я вытерла глаза и решила прямо сейчас поехать к отцу, поговорить с ним о марблс. Прежде, когда он так явно ничего не мог вспомнить, казалось неправильным обсуждать с ним это, но, кажется, кровяники пробудили в нем сегодня какие-то воспоминания.

Я медленно, тщательно выдыхаю, и мне слышится голос Эйдана, один из наших споров:

– Что не так?

– Все нормально, – огрызаюсь я.
– Ты вздохнула, – говорит он и показывает, как я это сделала: тяжелый, медленный, печальный выдох. – Ты все время так.
– Я не вздыхаю, я просто... выдыхаю.
– Но это же и есть вздох или что?
– Нет, это другое. Я просто... а, ладно, не важно. – И я молча продолжаю собирать школьные завтраки. Масло, ветчина, сыр, хлеб, бутерброд. Следующий!

Он захлопнул холодильник. Решил, что я опять уклоняюсь от разговора.

– Это просто привычка, – говорю я, пытаюсь разговаривать по-настоящему, не огрызаться, не злиться. Следовать советам психолога, иначе на ближайшей встрече с ним опять будут разбирать все мои промахи. Я вообще не хотела ходить к семейному психологу, но Эйдан решил, что это нам поможет. По мне, так молчание и терпение – лучшие способы строить жизнь, даже если терпение на исходе, особенно когда я не понимаю, в чем проблема и есть ли вообще у нас проблема. А они говорят мне, что мое поведение указывает на тот факт, что проблема есть. Мое поведение – это молчание и терпение. Замкнутый круг.

– Я просто задерживаю дыхание, а потом выдыхаю, – пыталась я объяснить Эйдану.

– Почему ты задерживаешь дыхание? – допытывался он.
– Не знаю.

Я думала, он снова обидится, сочтет, что я что-то утаиваю, какую-то великую тайну, которой у меня нет, а он думает, есть. Но он замолчал и принялся обдумывать услышанное.

– Может быть, ты чего-то ждешь, – предположил он. – Что что-то случится.

– Может быть, – согласилась я не задумываясь, подсыпая в коробки для завтрака изюм и радуясь уже тому, что Эйдан больше не дуется. Главное, спор отменяется, пусть даже мне приходится ходить вокруг Эйдана на цыпочках. Или ему вокруг меня?

Но теперь я принялась это обдумывать. Да, пожалуй, я и в самом деле чего-то жду. Может быть, этого никогда не случится. Или я сама должна сделать так, чтобы случилось. Может быть, этим-то я сейчас и занимаюсь.

Зазвонил телефон, номер был незнакомый.

– Алло?

– Сабрина, это Микки Флэнаган. Можем поговорить?

– Да, конечно. Я как раз еду домой. Остановилась посмотреть

затмение.

Знает ли он, что я ездила к его племяннику? Лучше бы не знал. Мало того, что я обвинила его самого в воровстве, так еще и племянника, двойное оскорбление. Хотя коробки племянничек, как выяснилось, все же открывал.

– Замечательно, правда? Я съездил домой посмотреть его с моей лучшей половинкой, Джуди. Мы поговорили насчет вас и марблс. – Он сделал паузу, и я поняла: сейчас я что-то узнаю важное. – Мы говорили о коробках, и Джуди припомнила, что они попали к нам не вместе. Было две разных доставки.

– Вот как? – Я выпрямилась и притормозила.

– Часть коробок привез человек, которого я сам за ними послал, как мы и договорились с вашими родственниками. Но Джуди напомнила мне, что другие коробки прибыли несколько дней спустя. Я совсем упустил это из виду, но Джуди не забыла, потому что я не предупредил ее, что беру чужие вещи на хранение, и она узнала об этом, когда к нашему дому подъехала женщина, которая привезла еще три коробки. Джуди позвонила мне в офис проверить, все ли в порядке, вдруг женщина что-то выдумывает.

– Женщина?

– Вот именно.

– Работающая в доставке?

– Нет, Джуди считает, что это не была официальная доставка, а Джуди в таких делах разбирается. Хотя с тех пор прошел год, она заметила все детали. Отличная память. Женщина приехала в обычном автомобиле, не в фургоне. О самой женщине она ничего сказать не может, та почти ничего не говорила. Джуди подумала, это соседка или коллега.

– И она привезла *три* коробки?

– Да, три.

То есть как раз эти коробки с марблс. Выходит, так? Я снова подумала о причинах, по которым мама предпочитала молчать, даже не хотела, чтобы я наткнулась на эти три коробки.

– Одна маленькая деталь, – поспешно добавил он. Эта маленькая деталь чем-то его смущала. – Джуди сказала, это была блондинка.

Моя мама отнюдь не блондинка. Я прикинула, как выглядят жены моих дядей, но тут же отказалась от этой попытки: я их сто лет не видела, у них теперь могут быть лиловые волосы или в прошлом году светлые, а сейчас вообще никаких. Я бы хотела многое уточнить у Микки, но у него иссякли ответы.

– Удачи, Сабрина, – сказал Микки. – Надеюсь, вы найдете шарики.

В том числе и ради моего спокойствия.

Комми, простецкие, для небогатых мальчишек. Самый древний вид марблс – глиняные, неровные, неидеально круглые, зато дешевые, их полным-полно, в Первую мировую ребята на улицах только их и катали. Потом появились эгги, а еще фарфоровые и стеклянные, самые красивые, среди них не бывает двух одинаковых. Больше всего я люблю стеклянные. Но еще есть металлические, их я тоже собрал несколько штук. Они сделаны из цельного металла, покрытого хромом, словно рыцари в доспехах, лучшие битки, какие только могут быть. Тяжелые, стремительные, мгновенно вышибают все шарики противников из круга. Сегодня и я сам такой биток. Вокруг меня стекло, фарфор и даже глина, а я – сталь. Мне двадцать четыре года, сегодня моя свадьба, я вышиб всех прочих парней из круга Джины.

Торжество происходит в приходской церкви Айоны. В этой местной церкви Джина была крещена, впервые исповедалась и причастилась, маленькая невеста в белом платье, прошла конфирмацию и теперь выходит замуж. Тот же священник, который совершал все первые торжественные обряды, теперь нас венчает и поглядывает на меня все так же, как и при первой нашей с ним встрече.

Он ненавидит меня.

Что за семья выберет себе в ближайшие друзья священника? Вот такая семья у Джины. Он хоронил ее отца, утешал ее мать долгими вечерами, бесплатно попивая ее виски и бесплатно давая ей советы, а теперь смотрит на меня как на ублюдка, что будет до утра трахать его девочку. Еще бы, непременно буду. Он смотрит на меня так, словно я отбираю у него законное место в семье. Я сказал об этом Джине. Сказал, что священник странно поглядывает на меня. Она ответила, это потому, что он знает ее с самого рождения, он заботится о ней, он ей как отец. Я спорить не стал, но, по мне, папашу с таким взглядом следует запереть и вздуть хорошенько.

Джина говорит, у меня паранойя, мне все кажется, будто я не полюбился ее друзьям. Может, и паранойя, но мне кажется, они тоже странно поглядывают на меня. Или это потому, что они такие вежливые, и я не могу вычислить, что у каждого на уме. Они не орут на меня за столом, не прижимают к стене, чтобы высказать свое мнение в лицо, а для меня это

странно и подозрительно. В моей семье вежливость не в чести, обходимся без прикрас. Что дома, что в школе, что на улице. Я всегда знаю, что промеж нас происходит. Вот священник ненавидит меня, и я это знаю – по тому, как он на меня смотрит, когда Джина отвернется. Два мужика, два оленя в гоне, в любой момент готовы сплестись рогами, оторвать сопернику на хрен башку. Я-то радовался, что Джина наполовину сирота, думал, не придется иметь дело с этим тупым дерьмом, мужским собственничеством, нелюбовью к тому, кто дочку «украл», так на тебе, в этой роли у них священник.

А еще семейный врач.

Господи, и он тоже.

Много вы знаете семей со «своим доктором»? Вот такая у Джины семья.

У моей мамы имелись свои средства, чтобы поставить нас на ноги. Обгорели – сода с водой, от кашля помогало масло с сахаром, от запора – кипяток с коричневым сахаром. Помню, как-то у меня появилась шишка на колене, и Мэтти sprysнул ее кипятком и стукнул книгой – раз, и нет шишки. Волдырь у Хэмиша на носу вскрыли ножницами и прижгли жидкостью для бриться. Порезы смазывали йодом. Больное горло полоскали соленой водой. Антибиотики шли в ход очень редко. С врачом мы общались слишком редко, чтобы подружиться, как Джина и ее мать подружились со своим терапевтом. У меня не было семейного врача, тем более такого, который стал бы переживать, на ком я женюсь. Но у Джины семья такая. И что еще хуже – или лучше, не пойму, – я теперь часть этой семьи. Прямо-таки слышу смех Хэмиша. Слышу его, повязывая в туалете галстук и готовясь к приему, который оплачивает дед Джины.

– Лучший день жизни? – насмешливо замечает Энгюс и пристраивается рядом пописать. Сбил меня с мысли.

– Ага.

Я попросил его быть моим шафером. Жаль, что Хэмиша нет, хотя с ним, конечно, было бы в тысячу раз рискованнее, и все эти семейные доктора и попы бегом бы бежали с приема от его дерзких речей. Хотя нет, Хэмиш был человек умный. Он не как все прочие, он умел наблюдать, знал, где стоит надавить, оценивал ситуацию и только потом действовал. Это не значит, что он бы не допустил промаха, но по крайней мере он сперва думал, а не выпаливал первое, что в голову придет, как все прочие. Пять лет прошло, а для меня он все еще жив. Но Энгюс ближе всего после Хэмиша, а если я вообще не приглашу родичей участвовать в свадьбе, они меня убьют, на фиг. Будь у меня возможность выбирать, я бы позвал

в шаферы своего дружка Джимми, но тут все сложно. Жаль, правда, потому что с ним мне приятнее всего поболтать.

Я с ним разговариваю чаще, чем с кем-либо другим. Мы все время что-нибудь обсуждаем, хотя по сути и ничего особенного. Я могу с ним день напролет так болтать. Мы одноклассники, и он тоже без ума от шариков, на этом мы и свели знакомство и теперь играем несколько раз в неделю. Единственный взрослый человек, кого я знаю, чтобы играл в шарики, но он говорит, что знает еще нескольких, и мы шутим: соберем команду, сыграем в международном турнире. Ну, не знаю. Может быть, и правда когда-нибудь.

Странно было не сказать Джимми про сегодняшние планы. Ведь для того и друзья вроде бы. Но у нас с ним по-другому. Он тоже не слишком-то откровенничает про свои дела, кое-что я порой вычисляю, но кое в чем он до жути скрытный. Меня это вполне устраивает. Почему? Этот вопрос я многократно себе задавал. Мне нравится держать свое при себе. Контролировать, кто что про меня будет знать. Сначала мы большой оравой прибыли в Ирландию из Шотландии, предмет для всеобщих разговоров, и целый год спали вповалку на полу, и опять разговоры, переехали к Мэтти после скоропалительной свадьбы, и об этом опять-таки все судачили с полным на то основанием, ведь Томми у мамы родился «рано», а потом мы подросли, дикая банда, а еще позже, когда Хэмиш умер, все принялись обсуждать, чего он натворил и чего не делал. Каждый пытался одной фразой вынести ему приговор или даже одним словом, одним взглядом, как будто кто-нибудь его знал – но никто не знал и знать не мог. Не знали его так, как я. Думаю, даже остальные братья не знали его, как я. И я хотел уйти от всего этого. От слухов и пересудов. Я хотел быть тем, кем захочу, потому что захочу. Без объяснений, без болтовни. Хэмишу это удалось, но он уехал из страны, а я не уверен, что готов на это.

Убраться от них, но не слишком далеко. Они сводят меня с ума, но и без них я не могу. Хочу присматривать за ними хотя бы издали, знать, что все живы-здоровы.

Если бы я вздумал жениться на той девочке, что щупал в четырнадцать лет, я бы остался дома, но я этого не сделал. А в двадцать три года, созрев для женитьбы, самое правильное было покинуть родные места и поискать таких девушек, как Джина. Не то чтобы я особо далеко перебрался. Пятнадцать минут пешком, не более того. Зато другое соседство. Да ведь и мы не вовсе голь. До пяти лет я жил на ферме в Шотландии, потому что там мама познакомилась с папой, приехав в Шотландию работать няней,

а после года на полу у тети Шейлы мы переехали в славный домик, в один из одинаковых коттеджей в Сент-Бенедикт-гарденс, прямо за углом от нашего лежбища на Дорсет-стрит. Семейный дом Мэтти, он унаследовал его, когда родители сыграли в ящик. Мэтти неплохо зарабатывал в мясной лавке, и все мы там подвизались, отдавая маме каждый пенс, покуда не женимся. Но вопрос не в том, где ты рос, а в том, как воспитывался. Мама Джины воспитывала дочку совсем не так, как мама растила нас. Мужчину воспитывать – дело особое, говорила мама миссис Линч, обсуждая ее девочек.

Мне нужен был кто-то лучше, чем я сам. Гораздо позже я понял, что искал невесту лучше себя, потому что сам хотел стать лучше. Как будто ее хорошенькость могла перейти ко мне. Не деньги Джины были мне важны, но ее обходительность, охренительная искренность, с какой она внимала чуши любого придурка. Мы оба рано потеряли отцов, так что не скажешь, чтобы у нее было безмятежное детство, любому ребенку лучше бы без такой утраты, но, с другой стороны, вся ее жизнь уместилась в три квартала вокруг дома. И ее и друзей. Тут и школа, и магазины, и работа. Ее отец заведовал пуговичной фабрикой, они жили в одном из этих больших особняков в Айоне, места хватило бы для дюжины детей, но детьми ее мама не успела толком обзавестись, потому что папа умер от инфаркта. Мама превратила большой дом в пансион, благо Кроукер^[2] рядом, в дни матчей народу полно, и Джина помогала матери. Идеальные хозяйки. Любезные. Приветливые. Где бы мы с ними ни встречались, мне всегда казалось, будто они стоят за стойкой в своей семейной гостинице.

Я знал, что у Джины рано умер отец, и воспользовался этой темой, чтобы ее разговорить. Использовал своего покойного отца, чтобы подобраться к ней, всю эту чушь про то, как я по нему тоскую, чувствую, будто он все еще где-то поблизости или смотрит на меня с небес и так далее. Женщины такое охотно слушают. И мне самому было приятно, что я такой парень, который может вот так разговаривать, хотя никакого присутствия отца я не ощущал, по правде говоря. Никогда. Ни разу. Даже когда он бывал мне нужен. Я на это не обижался, папа умер, умершие умерли, и кто умер, тому, пожалуй, охота уже спокойно полежать в могиле, а не переживать об оставленных на земле. Переживать – это для живых.

Но вот Хэмиш... Не знаю, с ним у меня порой это бывает – как будто он рядом. Когда я собираюсь что-то сделать, чего не стоило бы, я слышу его, этот прокуренный кашель, каким он захлебывался уже в шестнадцать лет, или же слышу, как он остерегает меня, проталкивает мое имя сквозь

плотно стиснутые зубы, даже чувствую, как он тычет меня кулаком в ребра, пытаюсь остановить. Но ведь это всего лишь воспоминания, не более того? Это не он сам вмешивается, хлопочет обо мне, является мне призраком.

Я мог бы рассказать Джине про Хэмиша, но не стал. Предпочел рассказывать о папе. Проще выдумывать. Из этого ведь не следует, что я лжец, плохой человек. Не я первый охмурял девушку, говоря то, что ей хотелось слышать. Энгюс, чтобы заполучить Кэролайн, полтора месяца прикидывался, будто у него нога сломана – когда она наехала на него на своем велосипеде. Она что ни день забегала его навестить, чувствовала себя виноватой, а он каждый раз прибегал из проулка, где гонял в мяч, и только-только успевал плюхнуться на кровать и задрать ногу на подушки. Нам всем пришлось подыгрывать. Маме, похоже, это казалось забавным, хоть она и не улыбалась. Но и не запрещала Энгюсу его забавы. По-моему, ей нравились эти визиты. Она часто болтала с Кэролайн. Наверное, ма нравилось, что в доме появилась девушка. И так Энгюс в конце концов ее заполучил. Или Дункан – он целый год притворялся, будто любит «Абба». Они с Мэри даже станцевали на свадьбе первый танец под их музыку, но в тот же вечер, напившись, он сказал ей, что терпеть эту группу не может и чтоб никогда больше ее при нем не включали. Она убежала рыдать в туалет, и понадобились четыре подружки и куча макияжа, чтобы ее оттуда извлечь.

На первом нашем официальном свидании я повел Джину в итальянский ресторан на Капел-стрит. Решил, что ей понравится экзотическая еда, хотя сам я пасту не очень уважаю. Тогда же я рассказал ей про марблс, а она засмеялась, подумав, что я дурачусь.

– Полно, Фергюс, расскажи, во что ты играешь на самом деле? В футбол?

Так и вышло. Я не стал рассказывать дальше. По нескольким причинам: меня смутил ее смех, в ресторане мне было не по себе, я стеснялся официантов, они следили за мной так, словно я пришел вилки воровать. Цены в меню оказались выше, чем я рассчитывал, а Джина заказала и закуску, и основное блюдо. Надо было срочно что-то выдумать, пока она не добралась до десерта. И когда она засмеялась, я подумал, ну да, может, она права, может, это глупо, может, я скоро перестану играть. А потом подумал, что могу и дальше играть, и ее заполучить, и так оно и пошло, вроде бы ничего особенного, просто разделить эти две жизни и так и держать по отдельности, я же не обманывал ее – то есть кое в чем другом уже обманул, и не раз. Пока я ждал свою девственную невесту, приходилось порой искать облегчения у Фионы Мерфи. Присягнуть готов,

она сразу поняла, до какой черты я дошел, едва меня увидела. Джину в свой квартал я не водил, из-за Фионы Мерфи и из-за всех прочих девочек, с которыми прежде гулял. Фиона держала меня в руках – вполне буквально. Ее отец работал на фабрике чипсов «Тейто», и от нее вечно пахло сыром и луком. Мы с ней никогда не целовались, сколько припомню. И теперь, собираясь жениться, я всему этому решил положить конец. Обет есть обет.

Я ухаживал за Джиной целый год, но с моими родственниками она встречалась очень мало – ровно столько, чтобы никто не был смертельно обижен, но далеко не достаточно. Редкие визиты, короткие визиты. Забежать на полчаса домой, заскочить на вечеринку. Я не хотел знакомить ее со своими, потому что, узнав их, она узнала бы и меня, вернее, подумала бы, что я такой. Я хотел, чтобы она узнала меня от меня самого, когда будет со мной.

– Там одна из подружек невесты сцену закатила, – говорит Энгюс. – Та, с буферами.

Я рассмеялся:

– Мишель?

– Говорит, ее дружок вдруг поднялся и вышел из церкви, она видела, как он выходил перед тем, как она вошла при всем параде.

Я скривился:

– Жестоко.

– Все девчонки в туалете, пытаются привести в порядок ее макияж.

Я снова скривился. Но Энгюса слушал не слишком внимательно, больше перебирал в уме, что собирался сказать. Правильные слова в правильном месте.

– Энгюс, ты речь не забыл?

– Ага, она при мне. – Он вытащил из кармана несколько листков, больше, чем я рад был бы видеть, гордо помахал у меня перед носом. – Все лето сочинял. Поговорил кое с кем из твоих школьных дружков. Помнишь Лэмпи? Он рассказал мне пару историй.

Тут-то я понял, почему Лэмпи после церковной службы вздумал передо мной извиняться.

Энгюс засунул бумаги обратно в карман и похлопал сверху, проверяя, все ли на месте.

– Ну ладно... только учти, что... это... семья Джины и ее друзья... они, ну... они не такие, как мы.

Это были не те слова – я понял сразу, как только они вылетели у меня изо рта. Понял по выражению лица Энгюса. Это и так било в нос, что они не как мы. Это мы весь день могли наблюдать. Вели себя тише, чем мы.

Не перемежали слова бранью. Вообще какими-то другими словами объяснялись.

Я попытался отыграть:

– В смысле, не совсем такие, как мы. Понимаешь? Юмор у них другой. Мы, Боггсы и Дойлы, шутим по-своему. Вот и я хотел тебя попросить: ты со своей речью полегче. Понимаешь меня? Бабушка с дедушкой у Джины уже старенькие. Очень верующие, на хрен, понимаешь?

Он понял. Он смотрел на меня с глубочайшим презрением. В прошлый раз, когда он так на меня глянул, за этим последовал удар головой.

– Разумеется, – преспокойно сказал он. Оглядел меня с ног до головы, будто впервые видел, будто перед ним не родной брат стоит в лужице мочи. – Удачи, Фергюс. – С тем он вышел из туалета, предоставив мне почувствовать себя полным дерьмом.

Речь он произнес наискучнейшую. Самую убийственно скучную речь за всю историю свадеб. Ни одной шуточки, все строго формально. Он так и не сунул руку в карман за той речью, за теми написанными от руки страницами, над которыми, я знаю, корпел не одну неделю и, должно быть, репетировал по ночам. Вместо этого формальная, нудная речь. Без чувств. Без любви. С тем же успехом я мог бы пригласить любого парня с улицы. И это, наверное, Энгюс и хотел мне показать: чужой человек, который меня вовсе не знает, устроил бы меня больше.

Мать Джины, семейный доктор и семейный священник были в полном восторге от этой речи.

Мама надела тот самый наряд, в котором была на свадьбе Энгюса. Что-то другое надевала на свадьбу Дункана несколько месяцев тому назад, а ради меня снова надела то платье – зеленое как горошина, цельнокроеное платье, накидка, туфли на низком каблуке. Яркая заколка в волосах. Нарядная брошь – ее папа подарил, я помню. Брошка из Тары, с зелеными камнями. Она «сделала себе лицо» – пудра, от которой она кажется слишком бледной, красная помада испачкала зубы. Танцевать она не стала. На свадьбе Энгюса она танцевала всю ночь напролет. Они с Мэтти выдали настоящий джайв, впервые в жизни я видел, чтобы они тискались. Со свадьбы Дункана нам ее пришлось нести на руках. А тут она сидит, спина напряжена, нетронутый стаканчик бренди перед ней – хотел бы я знать, что Энгюс ей сказал. Мэтти смотрит, как танцуют молодые женщины, и облизывается, словно выбирая блюдо в меню. Мама с Мэтти одни остались за круглым столом. Братья вместе с женами ушли рано, Энгюс первым. Видимо, он рассказал им, о чем я его попросил. Попросил не быть Боггсом, притвориться другим. Ведь именно это я ему сказал,

это имел в виду, не отвертись.

Ну и ладно. Без них мне спокойнее. Никто не бросится через всю комнату и не сметет со стола посуду оттого лишь, что ему померещился пренебрежительный взгляд или угрожающий тон.

Я подошел к маме, сел рядом с ней, заговорил. И вдруг посреди разговора она с размаху ударила меня по щеке.

– Мама... за что? – Я схватился за горящую щеку, огляделся по сторонам – кто это видел? Слишком много кто.

– Ты не он.

– Что? – Сердце застучало. – О чем ты?

Она снова ударила меня. По той же щеке.

– Ты не он, – повторила она.

И так странно посмотрела на меня.

– Пошли. – Она бросила свою сумочку Мэтти, и он тут же вскочил, отвел глаза от девушек, втянул язык обратно в рот. – Мы уходим.

Вся моя семья ушла еще до полуночи.

– Им далеко добираться, – сказала мне теща из вежливости, чтобы я не огорчился, но не очень помогло.

Я говорил себе: наплевать, зато можно сколько угодно танцевать, можно болтать с людьми, можно расслабиться, когда их тут нет. Я крепкий парень, непобедимый, неразбиваемый стальной биток.

Она никогда в жизни не делала массаж, так что в Венеции, как только мы зарегистрировались в гостинице, она тут же ринулась в спа. Она так и светилась от волнения, я видел: девочка наконец-то почувствовала себя взрослой. Мы поженились накануне и еще не успели переспать, вечеринка продолжалась до трех часов ночи, хотя все Боггсы и Дойлы свалили рано, – и веселье еще продолжалось, когда мы тоже ушли, рухнули на постель, а час спустя поднялись, чтобы успеть на рейс в шесть утра. Не было времени для секса, тем более в первый раз – в первый раз для нее, разумеется, не для меня. Сидя на двуспальной кровати, я подпрыгивал от нетерпения. Я ждал ее целый год, подожду еще часик, пока длится массаж. Джина почему-то думала, что я тоже девственник. Понятия не имею, откуда она это взяла, я никогда ей ничего подобного не говорил, но она выросла среди таких людей – соблюдающих все правила, – вот и вбила себе в голову, что я такой же. А я просто не стал ее разубеждать, мне же легче.

Я знаю, как я хочу проделать с ней это. В самый первый раз. Я уже все продумал. Я буду играть с ней в «сотни». Рисуете маленький круг на полу. Оба игрока бросают шарик в центр. Если оба попадут в центр или оба промахнутся, стреляют по новой. Но если попасть в центр удастся одному игроку, то он получает десять очков всякий раз, когда при следующих бросках шарик угодит в центр. Джина не носит бюстгальтер, он ей ни к чему, зато всегда надевает облегающий топ и брюки клеш. Не красится, на носу у нее веснушки, и на щеках, и на ключицах. Я собираюсь перецеловать их все. Многие из них мне уже довелось целовать. Первый, кто наберет сто очков, становится победителем, а проигравший отдает ему столько шариков, сколько договорились с самого начала, но в нашей игре – а мы будем запивать ее белым вином, потому что мы взрослые и мы супруги, – тот, кто не сумеет забросить шарик в центр, должен будет снять с себя что-то из одежды. Она никогда не играла в шарики, она будет все время проигрывать, но я тоже постараюсь мазать почаще, чтобы ее не спугнуть. К тому времени, как я наберу сотню, она уже будет совсем нагая. Нет, я понимаю, что этому не суждено случиться. Но эта мысль помогла мне продержаться весь год, пока я как джентльмен ждал свадьбы.

Прежде я никогда не смешивал секс и марблс, но, хотя Джина засмеялась, когда я попытался рассказать ей про шарики, я очень хочу сделать это вместе с ней – вместе с моей женой.

Ради Джины стоило подождать. Она прекрасна, любой парень на моем месте поступил бы точно так же. Конечно, она слишком хороша для меня. Не для того меня, какого она знает, но для того, кто ей пока неизвестен. Она знает часть меня, мужчину, которого я создал за этот год. Он добр и обходителен, терпелив, вежлив, ко всему проявляет интерес. Он не считает набитыми дураками всех, с кем невеста его знакомит, он не спешит напиться, лишь бы не вести с ними пустой разговор. Быть таким парнем удобно, он умеет облегчить жизнь и мне, и себе. Но он – не я. Я старался как мог держать ее подальше от моего семейства, меня холодный пот прошибал, когда она болтала с моей мамой. Но мама бы ни о чем не проговорила, она соображает, что к чему, она видела, что я не по себе сук рублю, но ей главное – лишь бы я женился, поставить галочку, еще один ее мальчик пристроен. С Энгюсом Джина только на свадьбе и познакомилась, он теперь живет в Ливерпуле и пусть там и остается, но Дункан, Томми, Бобби и Джо в небольших дозах приемлемы. Просто пусть думает, что мальчики вечно заняты, и все хорошо.

Она знает, что старший из братьев погиб, думает, он утонул. Это в общем-то правда, но она думает, это просто несчастный случай, и опять-таки, пусть думает так и дальше. Какие бы проблемы ни были у Хэмиша при жизни – это его дело, и в свою новую жизнь я их не потащу. Джина нежная, наивная, и она привыкла строго судить о людях. Услышит что-нибудь этакое и станет ко мне хуже относиться. И наверное, будет права, хотя со мной-то все в порядке. Я всегда держусь по правильную сторону закона, и все же я не тот парень, кто стал бы играть с ее дедом в крокет. Слава богу, папаша ее уже умер, да и деду недолго осталось.

Медовый месяц в Венеции – это был мой выбор. Я мечтал попасть сюда с тех пор, как посмотрел документальный фильм о стеклянном заводе в Мурано, целый остров, где изготавливают любые штуки из стекла, – я там поселиться готов, но уж хотя бы побывать там. Денег у нас с собой мало, у нас их, по правде говоря, в обрез, только на пропитание, но я непременно привезу отсюда полные карманы шариков, хоть выпрошу, хоть в долг возьму, хоть украду. Медовый месяц оплачен дедом Джины, которому пришлось вмешаться, когда он услышал, что мы поедем в Коб. «Выбирайте, что хотите, – сказал он, – любое место на земле». Джина нацелилась на неделю в Чехословакии, потому что там провела неделю после свадьбы одна из ее подруг, но я уговорил ее вместо Чехословакии

поехать на три дня в Венецию. Чехословакию мы, пожалуй, могли осилить и сами, но никак не Венецию. Венеция – вот настоящее приключение, словно в другой мир попасть. И она согласилась, потому что я был уж так убедителен. Мне было наплевать, что поездку оплачивает ее дед, что ее дед дает мне деньги. Я бы от кого угодно помощь принял, моей гордости это не в убыток. Чего у меня нет, того нет, и, если мне это дают, я не отказываюсь.

Я шагаю по маленькому номеру – отель не из роскошных, куда там, но я счастлив оттого, что попал сюда. Я где угодно могу переночевать, а больше всего мне хочется поскорее в город, все разведать.

Я думал, после такой ночи меня срубят, но нет, бодряком. И не терпится выйти. Не знаю, как долго может продлиться массаж, но не хочу торчать в этой комнате, когда меня ждет целый мир. Вряд ли Джина станет тратить время, разглядывая шарики, – уж во всяком случае, не столько и не так, как мне надо, – так что я решил воспользоваться моментом и выскользнуть в город. Далеко идти не пришлось, я сразу же наткнулся на самые прекрасные марблс, какие видел в жизни. Это произведение современного искусства конечно же не для игры, только для коллекции. Я так и замер перед витриной, не мог двинуться с места. Продавец сам вышел и буквально втащил меня вовнутрь. Еще бы, желание обладать всем его товаром ясно читалось у меня на лице. Беда в том, что желание-то было, но не деньги. Продавец отвечал на все вопросы, которыми я его засыпал, позволил мне разглядывать самые драгоценные шарики под лупой с десятикратным увеличением, так что я видел все подробности работы художников. Каждый шарик сделан из стекла вручную, внутри спрятаны удивительные сокровища. Один – прозрачный, а глубоко внутри – зеленый клеверный листок с четырьмя лепестками, в другом – золотая рыбка словно плавает в пузырьках, в третьем – белый лебедь и завиток синего моря. Водовороты, вихри лиловых, зеленых, бирюзовых валов, спиралью устремленные к средоточию шарика. Завораживает. А вот глаз. Прозрачный шарик с оливково-зеленым глазом, черным зрачком, красные жилы расходятся по бокам. Прямо следит за мной. А еще один – «Новая Земля», целая планета, каждая страна вылеплена внутри, а во внешнем слое облака. Работа гения. Целая планета в шарике диаметром четыре дюйма. Такой шарик я бы больше всего хотел, но денег мне едва ли хватит даже на один, о всем собрании уж не говоря. Каждый стоит столько, сколько у меня всего денег на три дня в городе.

Вся моя сила воли понадобилась, чтобы сдвинуться с места, но, увидев, что я ухожу, продавец перешел к активным действиям. Лучше всего

торгуется тот, кто в любой момент готов все бросить и уйти, и продавец решил, что я его переиграл, хотя на самом деле я готов был бы продать дом и купить эту коллекцию, вот только дома у меня нет. Нам предстоит жить с матерью Джины еще целый год, пока мы скопим на первый взнос и возьмем ипотеку. Сама мысль купить хотя бы один из этих шариков нелепа, и я это сознаю. Но адреналин бежит по венам, я чувствую себя таким живым. Это единственная моя хорошая сторона, это лучшая моя сторона, а Джина до сих пор с ней незнакома. Глядя на эти шарики, я мысленно даю обет верности: не только не спать с другими, но прежде всего открыть ей свое истинное я. Принести ей этот шарик, показать ей самую главную, лучшую свою сторону.

Я купил прозрачный шарик с красным сердцем внутри. Темно-красные завитки, словно капли крови, заключенные в пузыре. Торговался я жестко, отдал почти вдвое меньше, чем продавец запросил поначалу. Все равно слишком для меня дорого, но это не просто шарик – это для Джины, я приношу ей себя, настоящего. Для меня это значит больше, чем вчерашняя церемония, чем слова, которые я не ощущаю сердцем. Вот это действительно имеет значение. Самый отважный, самый ужасный поступок, на какой я решился в жизни. Я отдам ей это сердце, мое сердце, и расскажу, кто я. За кого она вышла замуж.

Продавец завернул сердце в пузырчатую обертку, затем упаковал в бархатный бордовый мешочек, затянул золотой плетеной нитью со стеклянными бусинами, которой я невольно залюбовался. Все красиво, даже бусины на мешочке. Я засунул его поглубже в карман и пошел в отель.

Вернувшись в номер, я догадался, что новобрачная плакала, но она постаралась скрыть следы слез. Одета она была в купальный халат, туго стянутый на талии.

– Что такое? Что случилось? – Я готов был куда-то бежать, вздуть кого надо.

– О, ничего. – Она сердито утерла глаза рукавом халата, кожа вокруг глаз покраснела.

– Что значит «ничего»? Рассказывай! – Гнев уже охватил меня. Тише, а то она замкнется. Будь терпеливым, понимающим, а не хулиганом, который тут же бежит кого-то бить. Еще не время.

– Просто это вышло так неловко, Фергюс. – Она сидит на кровати и кажется совсем маленькой посреди огромной постели. Ей двадцать один год. Мне двадцать четыре. – Она потрогала мою... – Глаза ее расширились, а меня покинул гнев и разобрал смех.

– Да? Твою что? – Вернулась мечта об игре в «сотни». Вот она передо

мной на кровати, в халате, моя жена.

– Это не смешно! – Она упала ничком, закрыла лицо подушкой.

– Я и не смеюсь, – сказал я, присаживаясь рядом.

– А вид такой, словно собираешься засмеяться. – Голос ее был приглушен подушкой. – Я и не думала, что массаж – это так интимно. Не затем я так долго воздерживалась, чтобы итальянская бабенка четырех футов ростом полапала меня еще до тебя.

И тут уж я рассмеялся.

– Прекрати! – вскричала она, но я уже видел, как под накрывшей лицо подушкой проступает улыбка.

– Тебе понравилось, когда она к тебе прикасалась? – поддразнил я ее, и моя рука поползла вверх к ее бедру.

– Прекрати, Фергюс! – Но она просит лишь не дразниться, а не убрать руку, впервые она не пытается меня остановить. Теперь надо сделать это. Надо показать ей марблс прямо сейчас, чтобы она приняла меня, чтобы она впервые занялась любовью со мной, не с «ним».

Я сам удержал свою руку, она, удивленная, села на кровати, волосы упали ей на лицо.

– Сначала я хочу кое-что тебе отдать.

Она откинула волосы с лица, такая нежная, невинная, что я постарался сохранить этот ее образ в памяти. В тот момент я еще этого не понимал, но потом я буду вспоминать ее лицо именно таким, в минуты, когда мне будет казаться, будто я ее потерял, или когда меня захлестнет такая сильная ненависть, что я вынужден буду отворачиваться от нее.

– Я прошелся по окрестностям. И нашел кое-что замечательное. Для тебя. Для нас. Для меня это очень важно. – Голос мой дрогнул, и я замолчал. Вынул из кармана мешочек, достал из него сердце, пальцы ходили ходуном. Я словно и правда вручал ей самого себя. Никогда прежде не чувствовал такого. – Вчера ты обвенчалась со мной, но сегодня впервые меня узнаешь. Мое имя Фергюс Боггс, моя жизнь – марблс. – Я развернул обертку и на ладони протянул ей сердце. Дождаться ее реакции, потом объяснюсь. Пусть сперва примет его, позволит мне насладиться ее восхищением.

– Что это? – сдержанно спросила она.

Я поглядел на нее в изумлении, сердце билось в горле. Тут же я начал давать задний ход, отступил, чтобы укрыться в своем панцире. Другой я уже приготовился занять мое место.

– Я тебя спрашиваю: сколько это стоило? Мы обещали ничего здесь друг другу не покупать. Мы не можем себе это позволить. Никаких

подарков, ты помнишь? После свадьбы всё. Мы ведь договорились.

Она и не смотрит на сердце, так она недовольна. Да, мы договорились, мы дали друг другу слово, но это же не просто дорогой подарок, он значит для меня больше, чем кольцо, которое она с такой гордостью носит на пальце. Я хотел сказать ей это, но не смог.

– Сколько оно стоит?

Я запинаясь, что-то бормотал, совсем убитый, не мог заставить себя ответить честно. Разрывался между ним и мной и не мог собраться и стать кем-то одним.

Она держала мое сердце слишком грубо, она перебрасывала его с ладонь на ладонь слишком небрежно, того гляди уронит. Я тревожно следил за ней.

– Поверить не могу, чтобы ты выбросил деньги на это! – Она вскочила с кровати. – На... на... – Она присмотрелась внимательнее. – На игрушку? О чем ты только думал, Фергюс, боже мой! – Она снова опустилась на кровать и смахнула слезы. – Мы так долго копили деньги, я только и хочу поскорее уехать от мамы, хочу быть с тобой, и только с тобой. Мы так тщательно спланировали бюджет на эту поездку, с какой же стати ты... – Она снова глянула на зажатый в руке шарик, не зная, как поступить. – То есть это, конечно, очень мило. Спасибо. Я понимаю, ты хотел меня порадовать, но... – Гнев ее начал стихать, но было уже поздно.

Обеими руками она обхватила мое лицо, понимая, что она меня обидела, хотя я и не хотел это признавать. Я отнесу его обратно, пообещал я. Рад был бы отнести, никогда больше его не видеть, напоминание о той минуте, когда я вручил самого себя, настоящего, и был отвергнут. Но отнести сердце обратно я не смог, потому что Джина случайно его уронила и на нем осталась царапина. Сердце никогда уже не будет целым.

Взрывоопасные предметы запрещены

На обратном пути из Кавана в Дублин я все время забывалась, погружаясь в свои мысли. Машину я вела неуклюже, и так часто приходилось извиняться перед другими водителями, что в итоге я опустила окно и заставила себя сесть прямо.

По громкой связи разносился голос Эйдана. Я позвонила ему, чтобы вернуться к реальной жизни. Поговорить с нормальным человеком.

– Значит, теперь ты ищешь пропавшие шарики? – переспросил он, когда я закончила пересказывать события дня, пропустив лишь инцидент с разбитой кружкой. На заднем плане слышались восторженные вопли – мальчишки пуляли из водяных пистолетов.

– Я даже не знаю уже, только ли в шариках дело, – сказала я, внезапно осознав это сама. – Узнать, каким папа был прежде, гораздо важнее, чем найти сами шарики. Началось с них, но появляется все больше вопросов, огромные зияющие пробелы, которые я пытаюсь заполнить. У отца была другая жизнь, которую он скрывал от меня, был совсем другой человек, о котором я хочу знать больше. И не только ради меня – ведь если он все забыл, он никогда больше не встретится с той частью самого себя.

Эйдан долго не отвечает, и я пытаюсь разгадать его молчание. Он думает, я сошла с ума, окончательно съехала, или он скачет в восторге от того, что наконец-то ко мне вернулись силы? Но отвечал он спокойно, сдержанно:

– Тебе виднее, Сабрина. Я тебя отговаривать не стану. Если ты думаешь, что тебе это может помочь...

Этого достаточно. Я понимаю, что он хочет сказать. Если это может помочь мне, то есть, в итоге, нам обоим.

– Думаю, поможет, – отвечаю я.

– Я люблю тебя, – говорит он. – Смотри, чтоб тебя больше никто не целовал.

Я смеюсь.

– Серьезно, Сабина. Будь осторожнее.

– Хорошо.

Дети проверещали в телефон: *я тебя люблю, мамочка, ты где, ху-ху, ииии* – и отключились.

Шарики привезла блондинка. К папе я поеду позже, сначала найду ту светловолосую женщину, которая привезла шарики, женщину, которая знает другую сторону моего отца, человека, мне до сегодняшнего дня неведомого. Мне известна только одна женщина, соответствующая этому описанию, и она сразу же, как только я набрала ее номер, согласилась со мной встретиться.

Она сидела в самом темном углу кафе, вдали от окна, света и шума. Выглядела старше, чем мне помнилось, – да ведь она и стала старше. Почти десять лет прошло с тех пор, как я видела ее в последний раз, почти двадцать с тех пор, как мы познакомились. Все еще светловолосая, но красится и на неделю пропустила срок: у корней волосы темные или седые. Старше меня на десять лет, сейчас ей сорок два. Мне она всегда казалась очень юной и при этом намного меня старше – слишком молодой для моего отца, но все же намного старше его дочери. А теперь мы не слишком-то отличаемся. Вид у нее, пока она меня ждала, был скучающий, но за скукой пряталась тревога, которую я ощутила, едва увидев эту женщину, – она тоже заметила меня, изменила позу, высокомерно вздернула подбородок, и я сразу почувствовала вновь всю ненависть, которую питала к ней издавна. Самодовольная сука, все, чего она хочет, автоматически должно падать ей в руки. Я постаралась сдержаться, не давать воли гневу.

Я увидела их с папой, когда мне было пятнадцать лет. Тогда родители еще не расстались. Не прошло и года, как он нас познакомил. Якобы они только что встретились, у него начинаются замечательные новые отношения, мне следует радоваться за него и его поддерживать, но я-то знала, что он с ней уже давно. Насколько давно, я не знала и обсуждать не собиралась. Он не только маме лгал, он и мне лгал, глядел мне в глаза и говорил то же самое – говорил ложь.

Они были пьяны посреди дня, в обеденный перерыв, и до сих пор всякий раз, проходя мимо того ресторана, я чувствую, как неприятно тянет в животе, и словно опять вижу их перед собой. Люди не понимают, что они делают с другими людьми, когда делают то, чего делать не следовало. У дурных дел есть корни, они прорастают, распространяются, ползут, скрываясь под поверхностью, а потом взламывают жизнь других людей. Одним проступком никогда все не заканчивается, это всегда целая череда событий, и каждое отращивает корни и ветвится в разные стороны. Со временем все эти ошибки и проступки переплетаются, словно ветви старого, искривленного дерева, и сами в себе запутываются, сами себя душат.

Меня отпустили с уроков к дантисту, я бесконечно к нему ходила, потому что разговаривая или за едой прикусывала изнутри щеку, и врач пытался решить эту проблему. Помню, как пульсировала ранка во рту, а я плелась по дороге и чуть не плакала от злости: очередной жестокий мальчишка отпустил на занятиях очередную жестокую шутку, и мне пришлось смеяться, прикидываясь, будто меня это не задевает. И тут-то я увидела папу. В роскошном центральном ресторане, из дорогих, где столики выставляют наружу, я ужасно стеснялась, проходя мимо, – пятнадцать лет, кажется, что со всех сторон только на меня и смотрят, я шла, повесив голову, щеки горели, каждый свой шаг я видела словно со стороны и ничего не могла с собой поделать. Когда изо всех сил стараешься куда-то не смотреть, чтобы удержаться и не глянуть, придется глаза себе выколоть, вот я и встречалась взглядом со всеми этими людьми за столиками, которые, как я опасалась, глядели на меня и смеялись, и наткнулась взглядом на него. Я даже приостановилась, и кто-то налетел на меня сзади. Одно мгновение, и я двинулась дальше, но увидела достаточно. Он и она за столиком у окна, лица пьяные, пьяные глаза, торопливые поцелуи, руки шарят под столом. Маме я ничего не сказала, потому что, потому, ну, они к тому времени уже так ссорились, что я подумала, наверное, она знает, наверное, в этой женщине причина или одна из причин, почему все так плохо. И когда сколько-то месяцев спустя он официально представил меня ей, во время этого постановочного знакомства, когда они делали вид, будто совсем недавно вместе, я опять-таки промолчала. И всегда ненавидела ее.

Регина.

Мысленно я всегда рифмовала ее имя с «вагина». Это она и есть. Всякий раз, когда я слышала это имя, всякий раз, когда мне приходилось его произносить, слышалось мне именно «вагина». Однажды я даже вслух ее так назвала. Она засмеялась, переспросила, но я прикинулась, будто это она ослышалась. И она продолжала хихикать, вот, мол, какие забавные вещи ей слышатся.

А теперь я снова сижу лицом к лицу с Вагиной. Мне придется просить ее о помощи, очень это противно, однако другого выхода нет. Это моя единственная ниточка, единственная женщина, достаточно долго занимавшая место в жизни отца, имевшая доступ к его вещам, к его квартире. Светловолосая женщина, которая привезла Микки Флэнагану марблс. Та, кто может разрешить эту загадку.

Мы не обнялись, не поцеловались, мы же не подружки, не близкие знакомые, даже не враги. Два чужих человека, которых связал случай.

Она работает в парикмахерской рядом с этим кафе, в том самом салоне, которого мы с мамой вот уже двадцать лет избегаем. Я позвонила ей из машины после разговора с Микки: не знаю, на что я рассчитывала, разные представлялись варианты: она с ходу запретит мне звонить и беспокоить ее или будет вежливо тянуть время, назначать встречу и ее переносить, но вот уж чего я не ожидала, так это немедленного приглашения. Она как раз собиралась выпить кофе, можно встретиться через полчаса. К этому я не была готова. Двадцать минут объясняла все Эйдану по телефону, и все же оказалась не готова.

– Большое спасибо, что сразу согласились встретиться, – сказала я, сядя и снимая плащ. Чувствовала я себя снова как неуклюжий пятнадцатилетний подросток, снова все смотрят, как я криво вешаю плащ на спинку стула. – Конечно, я застала вас врасплох.

– Я ждала твоего звонка, – сухо сообщила она. – Вернее, не ждала, но предполагала.

Слишком широкий черный кардиган окутывал ее вместе с руками, словно уберегая от холода, но с чего бы ей мерзнуть, день прекрасный – нервничает, сообразила я.

– Почему предполагали? – спросила я, воображая, как жена Микки Флэнагана обеими руками хватает трубку телефона и приглушенно, торопливо предупреждает подругу: «Регина, Сабрина знает, что ты была здесь, что ты привезла марблс. Сейчас она едет к тебе».

– Не знаю, – вдумчиво отвечает она, присматриваясь ко мне. – Ты всегда была странной девочкой: смотрела на меня так, словно бы у тебя на языке вертится тысяча вопросов, но ни один из них так и не задала вслух. Я все ждала, когда же ты начнешь спрашивать, но ты молчала.

– Если я странно смотрела на вас, то не потому, что хотела о чем-то спросить, – отрезала я, и ее улыбка слегка увяла. – Я знала, что вы с папой уже были вместе прежде, чем они с мамой расстались, я задолго до того видела вас в ресторане. – Я выдержала паузу: что-то она ответит? – Мне было противно слушать вашу ложь. А вы оба получали от этого удовольствие, я видела.

Это ее ошеломило, она дернулась, села прямо. Потом опять улыбнулась:

– Так вот к чему все это? Ты хотела мне сказать, что я не сумела ввести тебя в заблуждение? – Она спрашивает, словно забавляясь, ничуть не считая себя виноватой и не собираясь извиняться. И с какой стати я на это рассчитывала?

– Вообще-то нет. – Я уткнулась взглядом в стол, подсыпала сахара

в капучино, размешала. Сосредоточилась. У меня же к ней дело. – Как вы знаете, папа кое-что забыл.

Она кивнула, искренне опечалилась.

– Поэтому мне приходится обращаться к его близким знакомым, чтобы заполнить пробелы.

– А, – сказала она, уже вовсе без заносчивости. – Помогу чем смогу.

Дыши!

– Вы знали о его коллекции марблс?

– Знала ли я – о чем?

– О коллекции марблс. Он собирал коллекцию. И играл в марблс тоже.

Она покачала головой, на лбу у нее проступила морщина.

– Нет. Я никогда – мы с ним никогда... Марблс? Шарики, в которые дети играют? Нет, никогда.

Сердце екнуло. Я-то думала... Я ведь правда думала...

– Не вы ли доставили три коробки в дом в Вирджинии – год тому назад?

– Год назад? В Вирджинию? Это Каван? Нет, с какой стати? Я... мы с Фергюсом уже почти пять лет не виделись, да и прежде-то виделись от случая к случаю. Это ведь не возвышенный роман какой-нибудь. Мы встречались с ним, когда... ну, ты понимаешь.

Мне совсем не хочется выслушивать резоны, по которым они встречались. Да и надобности нет, все и так ясно. Ужасное разочарование, я готова вскочить, схватить плащ и бежать. Никакой пользы продолжать разговор, да и кофе допивать не хочется.

Наверное, она это почувствовала. Постаралась хоть как-то помочь.

– Знаешь, одна из причин, по которой мы с Фергюсом расстались – потому что...

– Берусь угадать, – прервала я. – Он вас обманывал.

Она не дрогнула, и мне расхотелось пикироваться: в итоге я унижала не ее, а себя.

– Вероятно, обманывал. Но причина была не в этом. Он всегда так секретничал, толком не разберешь, куда он поехал, чем занят. Причем он не уклонялся от вопросов, но отвечал так, что, выслушав, я все равно ничего не понимала. Очень он был изворотлив, не знаю, умышленно или так, а стоило прижать его к стенке – и он смущался, злился, я чувствовала себя доставалой, какой вовсе не хотела быть, а с ним так получалось, потому что он не отвечал прямо, не объяснялся по-настоящему. И не понимал, зачем мне знать о нем «лишнее». Ему казалось, у меня какой-то пунтик. Я подумывала, не изменяет ли он, и само по себе меня

это не так уж беспокоило, не такие у нас были отношения, но меня возмущало отсутствие ответов. И я постаралась его выследить. – Точно рассчитав момент, она прервалась и сделала глоток кофе, а я, не дыша, ждала продолжения. – Очень скоро я поняла, что особых тайн у него нет. Он все время ходил в одно и то же место – или почти все время.

– Куда?

– В паб. – Она изогнула бровь. – Любил выпить. Скукотища, верно? Я надеялась на что-то поинтереснее. Две недели его выслеживала. Один раз, господи, так смешно вышло, он чуть меня не поймал. – Она засмеялась, и я поняла, что Регина весьма настроена поболтать, но у меня на это времени не было.

Я допила капучино.

– Регина, – сказала я (а в голове «вагина»), – в какой паб он ходил?

Она оборвала рассказ, поняв, что у меня нет охоты слушать, как она выслеживала моего отца. Снова сделалась такой, какой я застала ее, войдя в кафе: скучающей. Несчастливой. Разочарованной – ничто в ее жизни не сбылось так, как обещало сбыться. Пока она сидела и ждала, чтобы явился человек из прошлого, обиженный ею, это придавало жизни перчик, возвращало ощущение собственной значимости.

– На Капел-стрит.

– Мой отец не был алкоголиком, – сказала я ей, хотя и в этом не могла быть вполне уверена, но уж такое невозможно было бы скрыть от дочери, верно?

– Да, конечно, – засмеялась она, и я почувствовала себя дурой, щеки вспыхнули. – Мой отец был алкоголик, поверь мне, я бы за две минуты раскусила такого. Но кое-что общее у них было: Фергюс скрытничал, не признавался, где бывает. Навещал ли он свою мать, ходил ли в паб, смотрел матч, встречался по работе, уезжал на выходные – всегда лгал. И не потому, что на самом деле отправлялся в более интересное или запретное место, не потому, что у него была другая женщина. В той жизни, которую он прятал, не было ничего романтического. Он сидел в пабе. Не было причины обманывать меня, я не очень-то на него давила. – Она подалась вперед, сцепив руки, вся такая деловая, но глаза сияли, она явно наслаждалась актом разоблачения. – Сабрина, твой отец лгал *постоянно*. Он лгал, потому что ему так хотелось, ему это нравилось, он от этого кайф ловил. Лгал, потому что сделал себя таким человеком, выбрал для себя такой образ жизни. Вот и все.

– Как называется паб? – спросила я, не желая прислушиваться к ее рассуждениям. Я и сама знала, что папа много лгал, но у него была на то

причина. И я как раз хочу эту причину выяснить.

Судя по выражению лица Регины, она прикидывала, говорить или нет, поиграть ли еще со мной в кошки-мышки напоследок, ведь она понимала, что больше не увидит меня никогда.

– «Мраморный кот», – произнесла она наконец.

– Эйдан, – заговорила я, включив телефон и выезжая с парковки.

– Как дела? – отозвался он.

– Только что встречалась с Региной, – сообщила я, почувствовав, как возвращается ко мне уверенность.

– С Вагиной? Не думал, что ты сможешь через это пройти. Она же тебе в страшных снах снилась.

– С этим покончено, – отвечала я уверенно. – Покончено.

– Куда же теперь? – спросил он.

– В паб на Капел-стрит. Паб «Мраморный кот». Мне кажется, вот-вот что-то прояснится.

Он ответил не сразу:

– Ладно, милая, хорошо. Если ты думаешь, что тебе это поможет.

И таким тоном он это произнес – вовсе не уверен, что поможет, но и обнаружить свои сомнения боится, – что мы оба не выдержали и расхохотались.

«Шарить в капусте»

Я лежу на специальном одеяле для пикника, но сквозь него все равно чувствуются неровности почвы и осколки камней. Потею в костюме. Галстук снял, закатал рукава, ноги словно горят в черных штанинах под жарким летним солнцем. Под рукой бутылка белого вина, уже наполовину пустая, возможно, мы и не станем возвращаться в офис – пятница, босс, как обычно, после обеденного перерыва скроется, якобы на встречу пойдет, а на самом деле в «Голову оленя», будет там глотать «гиннесс» в уверенности, что никто об этом не подозревает.

А я с новой девушкой. Это первая наша совместная коммивояжерская поездка, мы в Лимерике, я помогаю ей освоиться – не прямо сейчас, прямо сейчас она сидит на мне верхом и медленно расстегивает пуговицы шелковой блузы.

Нас никто не увидит, твердит она, и хотя я не очень уверен, но думаю, она уже проделывала такое, если не здесь, то где-то еще. Блузу она целиком не снимает, персиковую, лососевого почти оттенка, но расстегивает лифчик без лямок, и тот падает на одеяло, а с одеяла скатывается в грязь. Штанишки она уже сняла – это я знаю, потому что мои руки сейчас как раз там, где полагается быть белью.

Такой кожи, как у нее, я никогда прежде не видел: молочно-белая, такая белая, что светится, такая бледная, что я дивлюсь, как это она до сих пор не обгорела. Волосы светлые, в рыжину – клубничные, сказал бы я, но, если бы она назвала их персиковыми, я бы не стал спорить. Губы тоже персиковые, и щеки – два персика. Словно куколка, одна из фарфоровых кукол Сабрины. Очень нежная на вид, но не хрупкая, отнюдь не ангелок, уверенная в себе, темные глаза сверкают озорством, и губы она облизывает не без лукавства: девушка знает, чего хочет, девушка берет то, что захотела.

Смешно, мы лежим на капустном поле в пятницу, в тот самый день, когда матушка неизменно кормила нас капустным супом. Назвать это варево супом – комплимент, кипяток со склизкими, гадостными, переваренными листьями капусты, которые вечно приставали ко дну. Соленый кипяток. К пятнице деньги заканчивались, а мама старалась сберечь хоть немного на праздничный воскресный обед. В субботу мы были предоставлены самим себе, добывали пищу как могли. Шли в сад,

залезали на дерево и кормились яблоками, сколько влезет, или досаждали нашей соседке миссис Линч, или пытались своровать что-нибудь на Мур-стрит, но там нас быстро вычислили, так что туда уже нельзя было больше заходить.

А еще забавно, что мы проделываем это на капустном поле, потому что запрещенный прием в игре в марблс, когда игрок пытается подвинуть свой биток ближе к чужому шарик, называется «шарить в капусте». И это не совсем совпадение, потому что, когда мы ехали полями, я ей об этом рассказал – не про то, что сам играю, нет, про это знают лишь мужчины, с которыми я вместе играю, зато они не знают обо мне ничего другого. Но я рассказал ей про это присловье, когда мы проезжали через одно капустное поле за другим, я на пассажирском сиденье, она вела, сама настояла, а я не стал спорить, поскольку зато я могу пить вволю вина из бутылки, а она лишь изредка берет ее у меня и делает глоток. Дикая девица, опасная, того гляди до беды меня доведет. Может быть, того-то я и хочу. Хочу, чтобы меня разоблачили. Мне надоело притворяться, я устал. Может быть, с этого упоминания игрового термина и начнется моя гибель. Она внимательно посмотрела на меня, когда я это сказал, потом вдруг ударила по тормозам, так что у меня вино выплеснулось, развернулась и поехала обратно тем же путем. Остановилась у капустного поля, выключила двигатель, вылезла из машины, прихватив с заднего сиденья подстилку, и пошла в поле. До самых своих бледных бедер задрала юбку, перелезая через ограду, и была такова.

Я выскочил из машины и побежал следом с бутылкой в руках. Застал ее уже на земле, навзничь. Она с довольной усмешкой поглядела на меня.

– Я бы охотно пошарила в капусте. Что скажешь, Фергюс?

Я посмотрел вниз, на нее, отхлебнул глоток из бутылки, глянул в поле – никого вокруг, а из машин нас не будет видно.

– Ты знаешь, что это выражение значит?

– Ты же мне только что объяснил: смошенничать.

– Нет, я имею в виду конкретно: это значит закатить шарик не по правилам.

Она изогнула спину, раскинула ноги и засмеялась:

– Закатывай шарик!

Я рухнул рядом с ней на одеяло. Джина дома, в Дублине, сидит на родительском собрании, но, хотя мысль о жене и промелькнула на минуту, насчет морали я особо не страдал. Эта персиковая, эта электрическая девушка – не первая, кого я отведу после свадьбы.

За исключением того дня, когда малышка Виктория родилась и сразу

умерла, а я обжулил Энгюса в «Завоеватель», прямо у крыльца нашего дома, чтобы присвоить его завиток, я никогда в жизни больше не жулил в марблс. И когда я вошел в нее и она вскрикнула, я отнюдь не нуждался в напоминании о том, что в мире марблс я – человек слова, я в точности соблюдаю все правила, но тот, другой я, который без шариков? Всю свою жизнь я только и делаю, что шарю в капусте.

– Привет, – внезапно обращается ко мне женщина, сидящая в соседнем кресле. До той минуты я не замечал ни ее, ни этого кресла, но вдруг – вот она.

Солнце возвратилось, затмение кончилось, все сняли очки, и я тоже, хотя не помню, когда это сделал. Словно мама в последние годы жизни, когда она стала рассеянной и вечно теряла очки, а раньше-то какая была собранная. Эта особенность старения меня не радует, я всегда гордился своей памятью, не путал ни имена, ни лица, всегда мог сказать, где и как познакомился с тем или иным человеком, в какой связи и о чем говорили, а про женщин я даже помнил, как они были одеты. Иногда и сейчас моя память все это мне подсказывает, но отнюдь не всегда. Я понимаю, что так оно происходит с возрастом, и удар, конечно, тут тоже виноват, но по крайней мере здесь за мной ухаживают, я не на работе, где все время нужно припоминать то и се, а не получается. Со многими такое случается, но мне бы это пришлось не по душе.

– Привет, – вежливо отвечаю я.

– Все в порядке? – спрашивает она. – Мне показалось, вы немного расстроены. Надеюсь, по телефону вам не сообщили плохие новости.

Я глянул на свою руку и убедился, что все еще сжимаю в ней мобильник.

– Нет, вовсе нет.

Но что это был за разговор? С кем? Соображай, Фергюс!

– Я говорил с дочерью. Беспокоился за нее, но она в порядке.

Не могу в точности припомнить, о чем была речь, после этого я ненадолго отключился, но что-то мне подсказывает: все в порядке, она в порядке.

– Почему я показался вам грустным? – спрашиваю я.

– У вас на щеках слезы, – мягко отвечает она. – Я села рядом с вами, потому что хотела помочь. Если хотите, я уйду.

– Нет-нет, – поспешно отвечаю я, совсем не хочется, чтобы она уходила. Я пытаюсь припомнить, что могло меня так расстроить в разговоре с Сабриной. Оглядываюсь на Ли, которая смотрит на меня с тревогой, перевожу взгляд на небо и вспоминаю про луну, потом

про миниатюрные марблс, которые поместились бы в ее ямочках, потом про то, как луник застрял в ноздре у маленькой Сабрины, и рассказываю эту историю женщине в соседнем кресле. Посмеиваясь, я вспоминаю упрямое личико двухлетней Сабрины, ее красные щеки, ее невероятное упорство: что ни скажи ей, на все «нет». Ей бы сейчас пригодилось это слово, когда она пытается укомандовать троих мальчишек.

Глаза моей слушательницы расширились, словно в испуге.

– Не беспокойтесь, шарик вытащили. Все хорошо.

– Просто эта... история о шарике... а вы... – Она почти заикается. – А вы еще истории про марблс знаете?

Я улыбнулся, немного удивленный таким необычным вопросом, но спасибо, что проявила интерес. Роюсь в памяти, нет ли там еще историй про марблс, откуда бы им взяться, но мне хочется угодить новой знакомой, а она, видимо, готова поболтать. Но вот опять – туман, шторы в моем мозгу плотно задвигаются, и мне остается лишь горестно вздохнуть.

– В детстве вы, наверное, играли в шарики? – мягко подсказывает она.

И внезапное воспоминание откуда ни возьмись. Я улыбаюсь.

– Я расскажу вам, что мне вспомнилось. Нас было семеро братьев, и наша мама, женщина суровая, придумала банку для штрафов – шариками. Стоило кому-нибудь из нас ругнуться, и приходилось отдавать шарик, а это для нас было самое ужасное наказание. Все мы от шариков были без ума. – Точно так? Точно. Я засмеялся: – Помню, как мама выстроила нас в ряд и тыкала деревянной шумовкой каждому в лицо: «Если кто из вас ругнется, на хрен, сразу кладет свой долбаный шарик вот сюда. Поняли?» Ну и как удержаться после такой речи? Первым захохотал Хэмиш, потом я, а там и все остальные. Не помню, был ли там и Джо, может, он еще и не родился. Он редко играл с нами, слишком был мал. Ну и вот, через минуту после маминой речи уже шесть шариков лежало в банке. Разумеется, совсем не самые любимые, прозрачники, побитые и поцарапанные, мама все равно в них не разбиралась. И все же нас тревожила эта банка, высоко на полке, где мы видели эти шарики, а взять не могли. Во всяком случае, меня она тревожила.

– А что ваша мама делала с ними? – спросила соседка, глаза ее блестели, словно от непролитых слез.

Я присмотрелся к ней.

– У вас странный акцент.

Она засмеялась:

– Спасибо на добром слове.

– Ничего плохого не имел в виду. Приятный акцент. Какая-то

необычная смесь.

– Германия. И Корк. Переехала в двадцать с хвостиком.

– А!

Я глянул на ее руки – обручального кольца нет, но на другой руке кольцо, похожее на помолвочное, и им она все время поигрывает, полуснимает и надевает обратно.

Она заметила мой взгляд и оставила кольцо в покое.

– Что ваша мама делала с шариками? Она когда-нибудь возвращала их вам?

– Нужно было их заслужить, – усмехнулся я. – Каждый месяц нам предоставлялся шанс вернуть шарики. Их мог выиграть один из нас, тоже своего рода азартная игра, хотя мама, наверное, понимала это иначе. Вполне возможно, мы порой ругались даже нарочно, чтобы повысить ставки в игре. А чтобы заработать шарики, нужно было помогать по дому. Стирать, убирать, и в конце месяца мама решала, кому достанется награда.

– Небезупречное решение, – засмеялась она.

– Вот именно. Ссорились мы из-за этого ужасно. Порой лучше было не выигрывать, а то нападдают тумачков и постараются отобрать каждый свои шарики. С другой стороны, если и это выдержишь – они твои.

– Вы часто выигрывали?

– Всегда.

Она снова смеется. У нее мелодичный смех.

– Первые несколько месяцев я выигрывал постоянно, потому что раз в месяц мама давала мне записку, я шел с ней к аптекарю и приносил от него коричневый бумажный пакет. Я-то не понимал, что внутри, пока братья не просветили: я ношу женские прокладки. Изводили меня, пока я не отказался напрочь хоть в чем-то помогать маме.

– И проиграли свои шарики?

– Свои – нет. Вопрос решался просто: не ругаться при маме.

Мы оба смеемся.

– Мы с вами уже разговаривали прежде! – вдруг сообразил я.

– Да, – ответила она, не сумев скрыть печальную улыбку. – Несколько раз.

– Простите.

– Все нормально.

– Вы тут кого-то навещаете, – сказал я.

– Да.

Мы посидели немного в молчании, но это было уютное молчание. Она скинула туфли, стопы у нее красивые. Ногти покрашены ярким

розовым лаком. Снова принялась играть с кольцом.

– Кого вы навещаете? – продолжал я. Не ворчуна Джо, с ним я ни разу ее не видел. Не Джерри, не Киарана, не Тома. Не Элинора и не Падди. По правде говоря, не припомню, чтобы она разговаривала с кем-то, кроме меня или нянечек. Впрочем, на мою память особо полагаться нельзя. Плоховата она стала.

– Раньше вы ни разу меня об этом не спрашивали. Не спрашивали, к кому я прихожу.

– Виноват.

– Нет, ничего.

– Значит, вы приходите ко мне?

– Да.

Глаза ее сияют, она почти перестала дышать. Очень красивая женщина, я внимательно присматриваюсь к ней, к этим зеленым глазам – что-то у меня в мозгу зашевелилось, потом снова замерло. Я даже имени ее вспомнить не могу, а спросить теперь неловко, с такой любовью она на меня смотрит. И все поигрывает своим кольцом, то и дело опуская взгляд на руки. Глянул на кольцо и я.

Похоже на марблс в золотой оправе. Чистый прозрачный шарик с ленточкой из белых и яркоокрашенных полос на белом фоне. Машинной выработки марблс из Германии. Это я откуда-то знаю. Это знаю твердо, а больше ничего. Неудивительно, что она расспрашивала меня о шариках. Видно, увлечена ими.

– А историю про штрафную банку я уже тоже вам рассказывал? – спросил я.

– Да, – мягко ответила она все с той же широкой, красивой улыбкой.

– Виноват.

– Да не твердите вы все «виноват, виноват». – Она кладет руку поверх моей, ту самую, с кольцом. Кожа у нее теплая, гладкая. Снова шевельнулось воспоминание. – Здесь вы мне эту историю не рассказывали.

Я провел пальцем по ее пальцам, по шарiku. Ее глаза наполнились слезами.

– Простите, – сказала она, быстро промокая глаза.

– Вам не за что извиняться. Ужасно неприятно, когда что-то не можешь вспомнить, но каково же тому, кого не помнят.

– Иногда вы вспоминаете, и это прекрасные дни, – возражает она. Великодушная женщина, она цепляется за любую надежду.

– Иноземный брильянт, – неожиданно для самого себя выговорил я вслух, и она тихо вскрикнула. – Так этот шарик называется.

– Так ты порой называл меня, Фергюс, – шепчет она. – Что это с тобой сегодня? Просто чудо.

И мы оба на миг умолкаем.

– Я тебя любил, да? – спрашиваю я.

Глаза ее вновь наполняются слезами, она кивает.

– Почему я ничего не помню? – Голос сорвался, я разнервничался, места себе не нахожу. Хочется вскочить с инвалидного кресла и бежать, шагать, прыгать, двигаться, и пусть все снова станет как прежде.

Она поворачивает мое лицо к себе, обхватив одной рукой за подбородок, и смотрит на меня с нежностью, а я вспоминаю лицо мамы в тот день, когда меня привели к ней, когда она думала, что я мертв, и я вспоминаю вышибалу, и лондонский паб, и парня по имени Джордж, который подарил мне чешскую пулелейку, и мертвого Хэмиша – все в один миг.

– Фергюс! – зовет она, и ее голос возвращает меня в настоящее, успокаивает. – Меня не пугает, что ты многое забыл. Я не стараюсь о чем-то тебе непременно напомнить. Прошлое в прошлом. Я прихожу к тебе в надежде, что мне посчастливится – и ты снова полюбишь меня, во второй раз, как в первый.

Я улыбнулся ей, и волнение тут же улеглось, потому что это и правда прекрасно. Я ничего не знаю об этой женщине и в то же время знаю о ней все. Я хочу любить ее и хочу, чтобы она меня любила. Я беру ее за руку, за ту руку, на которой кольцо, и держу крепко.

Я вернулся домой после перелета, уставший, но радостно взволнованный, все еще в состоянии кайфа, когда адреналин несется по венам и только и требует: «Еще!» Ночью гуляли, рано утром я помчался в аэропорт, чтобы успеть на день рождения Сабрины, ее тринадцатилетие. Девочка становится тинейджером, и по этому случаю Джина заказала большой шатер и еды на сорок человек, главным образом собственных родственников – из моих, слава богу, ни один не смог явиться. Вернее, так я сказал Джине, маму я приглашал, но Мэтти недавно сделали операцию на сердце, и она сидит при нем. Джина ничего против не имела, мне кажется, она только рада, что никто из моих не придет, и не удивилась – это для нас не новость. Мы с братьями не очень близки, были когда-то, пока я не повстречал Джину, а потом я постарался оградить ее от моих родичей, мне казалось, для них она чересчур хороша. Теперь, четырнадцать лет спустя, я понимал, как это было глупо, и бывали такие случаи, ситуации, когда я хотел бы их видеть. Например, Сабрина что-то скажет или сделает, и мне хочется, чтобы они об этом знали. Или на семейном ужине, когда официант спотыкнется, или когда умные приятели Джины несут свою чушь и нет никого рядом со мной, кто тоже понимал бы, какие это, в сущности, придурки. Братья бы поняли, и было бы здорово, окажись они тут. Шуточки Дункана, внимательный взгляд Энгюса, который старался защищать меня после ухода Хэмиша, словно он что-то знал, знал, что нужно меня беречь. И маленький Бобби, очаровательный, ни одна женщина мимо не пройдет, пока в детстве он жрал червяков, мы звали его «Наживка», а потом переделали в «Наживчика». А Томми все время присматривал за ним и до сих пор старается убрать с пути младшенького всяких слизней и мокриц, и наш Джо, родившийся спустя много времени после того, как мы лишились Виктории, пугливый крошка Джо, меня, Энгюса и Дункана он не считал за родных, мы все съехали из дома прежде, чем он подрос. Наслушавшись от соседей побасенок о Хэмише, он представлял его каким-то чудовищем, букой, который унесет его, если Джо не будет себя хорошо вести; хуже того, если Джо не будет себя хорошо вести, станет как Хэмиш. Этот призрак так и остался жить с нами, спал в нашей постели, ел за нашим столом, в каждой комнате слышались

отголоски его голоса, его энергия впиталась во все здесь, в каждого из нас.

И все же мы никогда о нем так не говорили, и мама тоже не говорила. Хэмиш был веселым, Хэмиш был сильным, Хэмиш был храбрым. Лучший способ стать лучшим – умереть. Мама баловала Джо и немного его изнежила, но от этого он стал не трогательным, как бывают маленькие, а нервным, тревожным, все ему казалось, что о нем мало заботятся. Мама боялась, как бы он не поранился, как бы не потерялся, не заболел, не помер ни с того ни с сего. На улице всегда было слишком темно, слишком влажно, слишком жарко, слишком далеко идти, слишком поздно, слишком рано, лучше оставайся с мамочкой, Джо, и будешь в полном порядке. Вот и вышел парень серьезный, напряженный, сто раз подумает, прежде чем что-то сделать. Главное – безопасность. Обзавелся дружкой и живет с ним в новом доме на набережной, перед нами делает вид, будто ничего такого, взял моду ходить на работу пешком, кейс под мышкой, в руке стаканчик кофе – я порой вижу его, проезжая утром по городу. Джина его одобрила бы, парень хорошо работает, что-то связанное с компьютерами, вот только Джо меня вовсе не любит. Порой мне недостает братьев, причем в самые неожиданные моменты, но сегодня я рад, что их тут не будет.

Сабрина встретила меня на пороге, счастливая, чересчур сильно накрашенная, в чересчур короткой юбке и впервые в жизни на каблуках. Она спустила блузку с плеча, выставляя напоказ ляпочку только что купленного матерью лифчика. По мне, так выглядит ужасно – даже на мой взгляд, а ведь я ее отец, мне ли не считать ее совершенством во всем. Родительская любовь ослепляет, но на этот раз не сработало. Нам предстоит угощаться в шатре, погода не по-летнему скверная, день сумрачный, а Сабрина вырядилась, точно на праздник под небом Испании. Юбочка тонкая, почти прозрачная, сквозь это дешевое подобие шелка я отчетливо различаю мурашки на ее коже.

А потом она улыбнулась мне, и сердце растаяло при виде множества металлических пломб. Моя смешная, неуклюжая, славная дочурка в пижамке с размазанным по лицу кремом, валяющаяся на диване перед телевизором, по которому показывают «Семейное счастье», куда красивее этого... пугала.

– Фигово выглядишь, – сказала она, обнимая меня.

Я замер. Если уж Сабрина это заметила, от Джины тем более не скроешься. Она примется анализировать мое состояние, разбирать по косточкам, задаст тысячу параноидальных вопросов, впустит в меня когти, не отобьешься. Нужно быстренько принять душ, пока я не попался ей на глаза. Голос жены доносится из кухни, перекрывая все прочие голоса.

Шатер полностью накрыл наш крошечный задний двор, прижался к стене, крыша сарая углом воткнулась в него, как бы не проткнула (и чей-нибудь череп заодно). Джина давно одета, готова, красива, как всегда, как прежде, после стольких лет, говорит без умолку и строит всех, словно живет на Голливудских холмах. Но мы не живем в сериале. Не получилось. Я не смог дать ей то, чего она ждала, к чему ее готовили с детства. Теперь, когда Сабрине исполнилось тринадцать, Джина поговаривает, не выйти ли ей на работу, но не думаю, что это всерьез, она блефует, тычет меня носом: «Ты не дал мне того, что мне нужно. Ты мало зарабатываешь».

Ближайшие часы мне предстоит провести в этом шатре с людьми, которые будут спрашивать: «Чем ты сейчас занимаешься, Фергюс?», как будто я меняю работу чаще, чем нижнее белье. Да, я долго на одном месте не засиживаюсь, но как раз сейчас я, кажется, кое-что нашел. Признаюсь, я не очень умело распоряжался деньгами, но я это понял и научился. Я хороший продавец, даже замечательный, все началось еще у Мэтти в мясной лавке, когда я искал способа увильнуть от промывки кишок и другой работы такого рода, за которую никто не брался. Я занялся поисками хорошего мяса и советовал Мэтти, как лучше наладить торговлю, – и это сработало. Очень быстро я выбрался из заднего помещения мясной лавки наверх, в офис, занимался продажами. А потом, женившись на Джине, понял, что настала пора уходить от Мэтти, применить свои навыки в другом месте, и у меня все получалось: мобильные телефоны, ипотека, а теперь друг звал меня в новую компанию. Мне только и требовалось разобраться в этом рынке. Я и вникаю. Если я не всегда правильно распоряжаюсь собственными деньгами, из этого отнюдь не следует, что я не умею зарабатывать их для других. Нужна только бумажка, чтобы мне больше доверяли, – так что я записался на вечерние курсы, занятия два раза в неделю, и скоро стану дипломированным венчурным капиталистом.

– Что это? Мой подарок? – спрашивает Сабрина, тыча пальцем в сумку у меня в руках. Я резко отдернул сумку.

– Извини, – сказала она, став вдруг серьезной, даже немного напугавшись, и отступила на шаг.

– Извини, дорогая, не хотел. Это просто... – Я убираю сумку за спину, надо срочно ее спрятать, пока тот же самый вопрос не задала Джина. Достаточно одну ночь провести не дома, и параноя полностью завладевает ею.

Я ринулся вверх по лестнице в гостевую спальню, которая служит мне кабинетом. Судя по виду этой комнаты, здесь поселили тещу: повсюду

свечи, цветы, шампунь, гель для душа, все, без чего ей не провести ночь вне дома, только шоколадки под подушкой не хватает. Подтащив стул к шкафу, я залез на него – шарики я прячу на верхней полке, глубоко, у самой стенки. Там даже я сам их с трудом достаю. Туда и хочу запихать свою сумку как есть, целиком, вытащу и разберу позже, когда будет время.

На лестнице слышались шаги, и я не успел спрятать сумку. Пихал ее и толкал, но никак не лезла. Сохрани я хоть каплю здравого смысла, я бы вытащил свои преступные предметы и спрятал их по одному, но я поддался панике. Обильно потея, я чувствовал, как подмышки воняют черным кофе, как после ночной попойки из всех пор сочится алкоголь. Она уже близко. Я захлопнул шкаф и прыгнул со стула – сумка так и осталась в руках, стул так и стоит возле шкафа.

Дверь открылась.

Джина уставилась на меня, осмотрела с головы до ног. Я вижу, нутром чую – сильнее, чем во все прошлые разы, а у нас уже не раз подходило к этому вплотную, – что на этот раз момент истины настал.

– Что ты делаешь?

– Хотел кое-что проверить по работе.

Я потею, грудь ходуном ходит с перепугу, я пытаюсь хоть как-то себя контролировать.

– По работе, – без выражения повторила она.

Глаза потемнели, лицо свирепое. Никогда ее такой не видел. Я чувствую, наши отношения рушатся, и это почти облегчение, но в то же время я не хочу этого допустить.

– Где ты вчера ночевал?

– В «Холидей».

– Где это?

– На Кингс-Кросс.

– Это был форум по стратегическим технологиям.

– Ну да.

– Значит, я правильно расслышала, что ты мне говорил. Я туда звонила. Искала тебя. В гостинице никто не останавливался под этим именем. И никакого форума там не проходило. Вообще ничего. Если только ты ездил не на индийскую свадьбу, то тебя там не было, Фергюс.

Ее уже трясет, и голос дрожит, и все тело.

– Со шлюхой туда какой-нибудь ездил?

Ничего себе. Никогда раньше она не бросала мне таких обвинений. Намекала – косвенными вопросами, своей подозрительностью, – но никогда не произносила вслух. Под ее взглядом я самому себе

становлюсь противен – как мог я так ее унижить, превратить в женщину, какой она никогда не была? Все кончено, все кончено, она меня доконала. Сдаться? Или не сдаваться? Я же из тех, кто упорствует в борьбе. Еще одна попытка. Не будем капитулировать так сразу.

– Нет, Джина. Джина, да посмотри же на меня! – Я схватил ее за плечи. – Я ночевал там, а конференция проходила в другой гостинице. Номер не был зарезервирован на мое имя, потому что номера бронировало начальство через турагентство. Не знаю, на кого бронировали, могу выяснить. – Голос мой сделался чересчур пронзительным, ломким, вот-вот оборвется. Голос выдает меня с потрохами. Это в игре в марблс не приходится произносить ни слова, голос не может тебя подвести.

– Убери от меня руки, – тихо и грозно говорит она. – Что в сумке?

Я сглатываю.

– Я не... ничего.

Она смотрит на сумку, и я пугаюсь: сейчас выхватит, откроет, узнает правду.

Она права: я не останавливался в «Холидей». И ездил не по работе. Я был в «Грейхаунд», в Тинсли-Грин, Западный Сассекс, но только не с женщиной. Туда я езжу вот уже пять лет подряд в один и тот же день на всемирный чемпионат по марблс. В сумке – два моих трофея, первый – кубок, выигранный вместе с командой, второй – в индивидуальном зачете. Наша команда, «Электрические бабки», названа в честь прозрачных шариков от Christensen Agate, с матовыми белыми завитками по цветному фону. Их называют «электрическими», потому что они гораздо ярче шариков всех прочих компаний, а самый редкий цвет – персиковый. Я решил так назвать свою команду, потому что именно такой шарик я приобрел после совокупления на капустном поле. Этот шарик был цвета ее кожи, ее персиковых волос и губ, он напоминал мне о тайне, которой было уже пять лет, и о том, что все, связанное с шариками, – моя тайная жизнь, мой вид обмана. Нарекая так команду (а эти шарики не только «бабками», но и «шлюхами» именуют в обиходе), я с гордостью и отвращением признавал себя тем, кто я есть: титулованным лжецом, человеком, желающим и впредь тайком продолжать игру. Товарищам по команде название сразу приглянулось, а второго смысла они в нем не увидели. В мире марблс происходит все то же, что и в человеческой жизни: свое размножение, свои подделки. «Шлюхи» потому и «шлюхи», что изображают резанный вручную камень. Джина для меня – такой обработанный вручную камень, всегда была и всегда будет, а моя любовница с капустного поля – в этом смысле всего лишь «шлюха», и мы

с ней оба это понимали.

У Джинны это слово вырвалось случайно. Она конечно же ни о чем понятия не имела. Мои товарищи по команде – их пятеро – ничего не знали о моей личной жизни, мы только играли вместе и болтали ни о чем, как болтают мужчины, уклоняясь от сколько-нибудь серьезного разговора. Вместе мы пять лет подряд участвовали в мировом чемпионате, и вот наконец Ирландия победила, впервые в истории, а я не могу никому похвастаться. Сегодня в газете была заметка о нашей победе со смазанной фотографией, я вовремя спрятался за чужими спинами. «Электрические бабки» принесли Ирландии победу». И конечно же упомянут лучший игрок в индивидуальном зачете, тот, кто сделал финальный выигрышный бросок, – то есть я.

Мы играли в «ринг-тоу»: сорок девять шариков выложили в круг диаметром шесть футов. Мишень на три дюйма приподнята и посыпана песком. Шарик можно использовать стеклянные или керамические, диаметром в полдюйма. Две команды по шесть игроков стараются выбить из круга шарик и получают за каждый выбитый шарик одно очко. Кто первый выбьет двадцать пять шариков, тот и выиграл. Наши «Электрические бабки» разгромили американскую команду и стали чемпионами мира. Величайший день в моей жизни после рождения Сабрины. Конечно же я никогда его не забуду.

Как мне сказать об этом Джине? Какие найти слова? Четырнадцать лет я скрывал от тебя свое хобби. Это важная часть моей жизни, но ты о ней ничего не знаешь. И это само по себе предательство, хоть и не измена с другими женщинами, это странно, это скверно: ведь если я скрываю от жены хобби, что еще я способен скрыть от нее? Все зашло слишком далеко, уже не объяснишь, не вернешь. Почему мне показалось легче лгать? Потому что я обещал Хэмишу. Когда десятилетним ребенком я выскальзывал вместе с ним в ночь, это была наша тайна. Тайна, которую мы тщательно скрывали от мамы, – что мы играем на деньги; тайна, которую мы скрывали от игроков, – что я умею играть. И теперь, сам не зная почему, я продолжаю хранить обет молчания, словно из верности Хэмишу, словно это какая-то с ним связь. Из всех родных и близких только мы двое знали, только ты и я, Хэмиш. Но мой Хэмиш умер, а Джина со мной, и я не могу продолжать так до конца жизни. Это меня с ума сведет, уже сводит. Никогда еще это так сильно не давило на меня. Я должен ей рассказать. Поначалу будет трудно, она не сможет мне доверять, но она и так уже что-то подозревает. Все расскажу ей. Прямо сейчас.

– Я тебе покажу, – предлагаю я, доставая из-за спины сумку, расстегивая ее, руки, не поверите, так и трясутся. А ведь в заключительные минуты самой главной в моей жизни игры пальцы не дрогнули.

– Нет! – остановила она меня, вдруг испугавшись, даже руки перед собой выставила.

Я пытаюсь ей сказать, что она ошибается, это не то, не знаю, что она подумала, но это не то.

– Нет! Раз ты говоришь, что был там, значит, ты был там. – Она с усилием сглатывает. – Через пятнадцать минут соберутся гости. Будь, пожалуйста, готов. – И с тем она меня оставила, молния на сумке расстегнута, кубок сверкает металлом, я отчетливо различаю его – ей стоило только глянуть.

Позднее тем же вечером, снова нацепив маску, смыв пот, угостившись коктейлем из креветок и куриной котлетой по-киевски, перед тем как отведать торт «Павлова»^[3], я отправился на поиски Сабрины и нашел ее на диване – свернулась комочком и плачет.

– Что стряслось, хорошая моя?

– Джон сказал, я выгляжу как шлюха.

Я обхватил ее обеими руками, слезы уже успели смыть излишки косметики.

– Нет, ничего подобного. Никогда ты такой не будешь. Но все это, – я окинул взглядом ее наряд, – это же не ты, лапочка, правда? Помни, – я протолкнул застрявший в горле ком, – всегда помни: нужно оставаться самой собой.

Не носить уличную обувь

«Мраморный кот» – стильный паб на Капел-стрит, вывеска в черной рамке, по бокам укреплены флаги Килкенни. Снаружи черная доска с заманчивым перечнем дежурных блюд – овощной суп, черный хлеб «Гиннесс», креветки из Дублинского залива. Приветливый бар, не то что некоторые, норовящие попрочнее захлопнуть двери и ставни, отрезав дневной свет. Пятница, четыре часа дня, еще не набились битком под конец рабочего дня усталые труженики, жаждущие расслабиться и снять перед выходными стресс. Внутри паб разделен на пивную и гостиную зону. Я выбрала гостиную, там спокойнее. Трое мужчин сидят у стойки бара, уткнувшись в кружки, между ними оставлены свободные места – не одна компания, хотя время от времени обмениваются парой слов. Еще двое едят суп с хлебом и говорят о работе. Больше пока никого нет.

Молодой бармен, стоя за стойкой, смотрит по телевизору скачки. Я подошла к стойке, и он переключился на меня.

– Привет, – я не повышала голоса, и ему пришлось шагнуть ближе. – Можно ли поговорить с управляющим? Или с кем-нибудь, кто давно здесь работает?

– Хозяин сегодня тут, в пивной. Сейчас позову.

Он скрылся за дверью, ведущей в пивную, и вернулся через минуту в сопровождении неохватного толстяка.

– Ого, Мраморный Кот собственной персоной! – ожил вдруг один из завсегдатаев у стойки.

– Как дела, Картопля? – Толстяк протянул ему руку.

Огромный, шесть футов с лишним, и поперек себя шире. Окинув взглядом помещение, я догадываюсь, кто он: стены сплошь в фотографиях, кубках, футболках, которые заключены в рамки. А еще – газетные статьи о чемпионатах Ирландии и победах. Нет свободного дюйма. Футболки в черно-желтую полоску, кошачьи, теперь я понимаю, откуда взялось название паба. Хоккеисты из Килкенни зовутся «котами», этот зверь считается самым упорным в драке. Представляю себе, как он продирался с клюшкой сквозь заслон противников, в ту пору в хоккей на траве играли без шлемов и защиты, чистый физический напор. Человек – или кот – из мрамора. Он склоняется, опираясь на стойку, чтобы сравняться со мной

ростом, но даже так намного меня выше. Локти раздвинуты на полированной стойке, ноги вросли в землю – разбуди его ночью, он займет эту позицию.

– Мраморный Кот – вас так прозвали? – спрашиваю я.

– Как меня только не прозывали. Хорошо, что прилипло именно это, – усмехается он.

– Знаете, кто это? – вмешивается Картопля. – Шесть кубков Ирландии в семидесятые. Лучший игрок «Килкенни». Никогда прежде такого не было и впредь не будет.

– Зовите меня Билли, – говорит он. – Я хозяин этого паба. Чем могу помочь?

– Я Сабрина Боггс. – Я надеялась увидеть на его лице промельк узнавания, Боггс – фамилия редкая, но ничего не произошло. – У моего папы начались провалы в памяти, а я хотела бы помочь ему восстановить прошлое. Он часто заходил сюда выпить. Был завсегдатаем.

– Значит, вам повезло, потому что я знаю каждого, кто входит в эту дверь, и уж тем более завсегдатаев.

– Он играл в марблс, я думала, за этим он сюда и ходил, но вы, хоть и Мраморный Кот, не интересуетесь мраморными шариками, – улыбнулась я.

– Килкенни – «мраморный город», – снисходительно поясняет он. – Улицы были выложены известняковыми плитами, во время дождя они блестели. Отсюда и название.

Бьюсь об заклад, он сотни раз повторял то же самое американским туристам.

– Темно-серый, почти черный известняк добывали у самой границы города, в Черном карьере. По секрету, – оглянувшись, он прикрыл рот рукой, – я так и собирался назвать паб, но денежные люди решили, что «Мраморный кот» даст больше прибыли.

Я улыбнулась.

– Но одно время, скажу я вам, тут действительно играли в марблс, собиралась небольшая компания. Как отца зовут?

– Фергюс Боггс.

Он нахмурился, покачал головой. Оглянулся на мужчин у стойки.

– Картопля, знаешь такого? Играл тут в шарики Фергюс Боггс?

– Только не здесь, – не раздумывая ответил Картопля, уткнувшись в свою пинту.

– Лет пять назад, – уточняю я. Если Регина не соврала...

Хозяин и рад бы мне помочь:

– Извините, дорогая, у нас тут команда маленькая была – Картопля, Джерри, вот, – он ткнул пальцем в сторону бара. – И еще трое, но никакого Фергюса.

– Покажи ей угол славы, – с гордостью выкрикнул Картопля, а остальные зашикали.

Мраморный Кот улыбнулся и поднял край стойки. Навис надо мной.

– Позвольте, проведу для вас экскурсию. Мои стены славы, наверное, вам показывать не стоит, но вот там, в уголке, у нас все памятки «Электрических бабок».

Разочарованная тем, что тут никто не слышал о моем отце, я поплелась за ним в дальний конец бара. Картопля спрыгнул со стула и присоединился к нам.

На стене была устроена застекленная витрина, внутри два кубка.

– Они стали победителями всемирного чемпионата по марблс в... – Он пошарил в карманах, отыскивая очки.

– В девяносто седьмом, – перебил Картопля. – В апреле.

Мраморный Кот покосился на него и продолжил:

– Второй кубок – лучшего игрока. И это не Картопля, даже без очков скажу, – поддразнил он, продолжая рыться в карманах.

– О нас писали в газете. – Картопля ткнул в обрамленную вырезку, и я наклонилась ближе рассмотреть фотографию.

– Смотрите внимательнее, у Картопли еще можно разглядеть волосы, – посоветовал Мраморный Кот.

Из вежливости я почти ткнулась носом в фотографию, провела взглядом от ближайшего ко мне игрока к следующим, и вдруг сердце пропустило удар.

– Это мой отец, – сказала я, указывая на одного из них.

Мраморный Кот, нашедший в конце концов свои очки, тоже придвинулся ближе к газетной вырезке в рамке.

– Хэмиш О’Нил. Это ваш отец?

– Нет, нет! – рассмеялась я. – Тут ошибка. Его зовут Фергюс Боггс. И это точно он. Боже, только посмотрите, какой он тут молодой.

– Это Хэмиш О’Нил, – повторил Мраморный Кот, тыча толстым пальцем в лицо отца. – Один из моих завсегдатаев. Уж его-то я знаю.

Картопля снова вступил в разговор:

– Это Хэмиш! – И посмотрел на меня, как на лгунью.

Я была ошеломлена. Раскрыла рот, но ни звука из себя не выдавила. Голова плыла, слишком много вопросов, меня все это сбивало с толку. Я внимательнее присмотрелась к фотографии – может быть, я в самом деле

ошибаюсь? Двадцать лет прошло, меня могло обмануть сходство. Но нет, это, без сомнения, он. Или эти немолодые мужчины шутки шутят? Какой-то розыгрыш? Я обернулась к ним: их лица были столь же озадаченными, как мое.

– Она говорит, что Хэмиш – ее отец, – сообщил Мраморный Кот Картопле. Его возбужденный голос пронесся по всему пабу, двое мужчин в костюмах тоже прислушались.

– Я слышал. – Картопля, прищурившись, изучал меня.

Мраморный Кот расхохотался, паб едва вмещал в себя его смех.

– Джерри! – заорал он в раскрытую дверь соседнего помещения. – Иди сюда, ты себе не представляешь, кто у нас тут.

– Очень хорошо знаю, кто тут, и близко к нему не подойду. Пусть сперва извинится! – сердито проорал изнутри мужской голос.

– Долго же тебе там сидеть! – крикнул в ответ Картопля.

– Да оставьте же на минуту ваш дурацкий спор, сколько вы уже, год как поссорились! – перекричал обоих Мраморный Кот. Тремя длинными шагами он вернулся к стойке и крикнул в заднюю дверь, чтобы услышали в гостинной:

– Пришла дочь Хэмиша О’Нила!

Загромыхали ругательства, дружный смех. Затем в бар вышел Джерри с пивом в руках – линялые джинсы, кожаная куртка. За ним шагало еще несколько мужчин, всем вздумалось поглазеть на меня.

– Твой папаша – Хэмиш? – спросил один из них.

– Нет, Фергюс Боггс, – тихо повторила я.

Мраморный Кот заметил наконец мое смятение и попытался уgomонить им же вызванный ажиотаж.

– Ладно, ладно, давайте сядем спокойно и во всем разберемся. – Он подвел меня к ближайшему столику. – Дара! – заорал он, словно перебивая шум стадиона. – Принеси женщине выпить. – Извините, – добавил он, обращаясь ко мне, – как ваше имя?

– Сабрина.

– Сабрине выпить принеси, – проревел он и смягчил голос, обращаясь ко мне: – Что будете пить?

– Воду, будьте добры.

– Надо бы что-то покрепче, судя по вашему виду.

Я и правда чувствовала, что надо бы покрепче, но я за рулем.

– Газированной воды.

Все засмеялись.

– В точности папаша, – сказал, подсаживаясь к нам, Джерри,

а остальные мужчины вновь растаяли в полумраке, из которого явились. – Никогда не пил за игрой. Говорил, мешает целиться.

Они снова засмеялись.

– Джерри, позови Джимми, ему надо это видеть! – заторморшил его Мраморный Кот.

Я пытаюсь спорить, зачем мне еще люди, и так уже голова кружится и плывет, но они все решают сами, перебивая друг друга, словно разыгравшиеся дети, Джерри, Картопля, Мраморный Кот, я уже толком не отличаю одного от другого. Картопля пустился подробно рассказывать о том, как его команда «Электрические бабки» выиграла чемпионат, он чуть ли не каждый бросок воспроизводил, воссоздавал атмосферу, соперничество ирландцев и американцев и как папа сделал решающий бросок. Они перебивают друг друга, спорят, ссорятся, до драки готовы дойти, Джерри и Картопля абсолютно ни в чем не могут друг с другом согласиться, даже в вопросе о том, какая в тот день стояла погода, а я слушаю, ошеломленная, продолжая думать, что все это какая-то ошибка, недоразумение. Они о ком-то другом говорят. С какой стати папа назвался бы Хэмишем О'Нилом?

Явился Джимми, двадцатью годами старше, чем на фотографии, но вполне узнаваемый. Он пожал мне руку и сел. Казался пришибленным, немного, кажется, как и я, ошеломлен – так внезапно притащенный сюда из другой компании.

– Где Чарли? – спросил Картопля.

– Отдыхает со своей хозяйкой, – пояснил Джерри больше для меня, как будто я знаю, кто такой Чарли, – но и в самом деле должна знать, он на той же фотографии, еще один игрок «Электрических бабок».

– Питер в прошлом году умер, – сказал Мраморный Кот.

– Рак печени, – сказал Джерри.

– Помолчи, вовсе кишечника, – уточнил Картопля и толкнул его локтем в ребра, так что Джерри расплескал пиво. Опять они за свое.

– Мальчики, мальчики! – призвал их к порядку Мраморный Кот.

– Мне больше нравилось, когда вы друг с другом не разговаривали, – заметил Джимми.

Я улыбнулась.

– Так вы его дочь? – спросил Джимми. – Рад знакомству.

– Она говорит, его звали Фергюс, – возбужденно докладывает Джерри, словно ничего более удивительного, чем папино имя, в жизни не слышал. – Я же вам говорил, ребята. Всегда говорил. С этим парнем что-то не так, говорил я. Картопля думал, он шпион, будем лишнее спрашивать,

нас пришьют.

Многие засмеялись, но только не Джимми и не Картопля, который серьезно уставился на меня:

– Да, так и я думал. Он был шпионом? Пари готов держать, я угадал.

Остальные попытались заткнуть ему рот, и опять вышел спор, когда он что говорил, а помнишь, как он вот это сказал или вот эдак поступил, но наконец они сами на себя зашикали и уставились на меня.

Я покачала головой.

– Он занимался тем-сем... по большей части продажами. – Попыталась сложить все, что я о нем помнила, доказать, что действительно знаю его. – Начинал с мясной лавки, потом торговал мобильными телефонами, потом ипотека... – Собственный голос доносится словно издалека. Я уже не очень-то верю тому, что произношу. В самом ли деле папа работал там или это все ложь?

– А, да, коммивояжер, где-то я уже это слышал, – перебил Картопля, и его утихомирили, словно разгулявшегося ребенка.

– Последнее место – продажа автомобилей. Мой муж купил у него машину, – сказала я в жалкой попытке доказать себе, что хотя бы *отчасти* отец был тем, за кого себя выдавал.

Джерри расхохотался, похлопал растерянного и разочарованного Картоплю по груди:

– Видел бы ты свое лицо!

– Я бы что хошь поставил на кон – он шпион! – упорствовал Картопля. – Такой всегда настороженный, правая рука не знает, что делает левая.

– Полно, – мягко остановил его Джимми, и тут все спохватились, что я сижу среди них и для меня все это ново и неожиданно, и поутихли.

– Когда вы виделись с ним в последний раз? – спросила я.

Они переглянулись, соображая.

– Несколько месяцев назад, – сказал Джерри.

– Ничего подобного! – фыркнул Картопля. – Не слушайте его, он уже забыл, что кушал на завтрак. Больше года прошло, как мы его в последний раз видели. С той женщиной.

Сердце ускоряет бег.

– По уши влюбился, боооже, – покачал головой Картопля. – За все эти годы ни разу нас ни с кем не знакомил, и вдруг является с женщиной. Блондинкой. Имечко такое – а?

– Немка, – подсказал Джерри.

– Ну да, а звали ее как?

– И немножко ирландка, – гнул свое Джерри. – Акцент необычный. Необычная женщина. – Он обернулся ко мне. – Вы же ее знаете?

– Нет, – сказала я и откашлялась.

– Кэт, – произнес Джимми.

Все закивали.

Кэт? Кошка?

– Наверное, у нее тоже было другое имя, почем знать, – заметил Картопля. – Может, она шпионка. Немецкая.

Все дружно велели ему заткнуться.

– А почему Хэмиш? – Мраморный Кот наклонился к самому моему лицу. – Почему он представлялся как Хэмиш О’Нил, если он Фергюс Боггс?

Я изо всех сил пыталась сообразить, но ничего не шло на ум.

– Понятия не имею. Абсолютно.

Молчание.

– Я только вчера узнала, что он вообще играл в марблс.

– Мать божья! – восклицает Джерри. – Так вы про нас ничего не знали? Про «Электрические бабки»? Он никогда не рассказывал?

Я качаю головой.

Они переглядываются, недоумевая, и я чувствую потребность извиниться за отца. Я прекрасно понимаю, как они это воспринимают: выходит, они ничего в его жизни не значили?

– Выходит, Картопля, ты прав: у него одна рука не ведала, что творит другая.

– Ты сказал, что я прав, Джерри? Боооже! У меня и свидетели есть.

– Так где же он? – спросил Джерри. – Год прошел, никто о нем ничего не слышал. Немножко в обиде на него за это, можно сказать.

– Как он? – тихо спросил Джимми.

Дыши.

– В прошлом году у него был инсульт, у него проблемы с памятью и движениями. С тех пор он в больнице. Мы не думали, что память пострадала настолько сильно, но недавно я узнала об отце кое-какие подробности, о которых раньше понятия не имела, нашла эту коллекцию марблс, но он, я уверена, даже не помнит, что когда-то в них играл. Конечно, я недостаточно о нем знаю, чтобы судить, что он помнит, а что нет, но с этим, по крайней мере, ясно. – Я стараюсь контролировать голос. – У него было – у него много секретов, и трудно понять, где у него тайны, а где провалы в памяти.

Джерри опечалился. Все они погрустнели.

– Не могу себе представить, чтобы Хэм... чтобы твой отец забыл про шарики. В них вся его жизнь была.

Я сглотнула. А где же тогда в этой жизни я?

– Не вся жизнь, – поправил его Джимми. – Про другую часть мы не знаем.

– Ну да, ничего, на хрен, не знаем. Но я-то думал, другая часть хоть про нас знает.

– Вы-то думали! – фыркнула я. Прозвучало слишком резко.

Опять молчание. Уважительное, сочувственное, однако мне стало не по себе. Лучше бы и дальше препирались.

– Расскажите, каким папа был, когда играл в марблс, – попросила я. И тут уж их было не остановить.

– Сабрина, – окликнул меня Джимми уже в дверях.

У меня по лицу текли слезы, мне совсем не хотелось, чтобы он нагнал меня. Мне бы хоть до машины добежать, укрыться, но я не успела. Больше не могла это слушать. Так кто был моим отцом? Кто мой отец? Человек, рядом с которым я росла, в каждом рассказе представал иным. Слова Регины преследовали меня: он был лжец. Вот и все. Словно это ответ на все вопросы. Ответ ли? Нет. Но боль причиняет. Зачем он лгал мне? Родной дочери – зачем? Какой дурой чувствую я себя теперь, я-то впускала его в свою жизнь, все рассказывала, даже про неприятности с мужем, и он всегда такое проявлял участие, но сам, оказывается, ничем со мной не делился. Я обижена, я злюсь, и ведь нет даже возможности ворваться в больничную палату и вывести его на чистую воду – тот пациент, в больнице, ничего не помнит. Удобно устроился! Этот голос, непрерывно возмущающийся в моей голове, похож на мамин. Я пытаюсь взять себя в руки, не думать об этом, пока не останусь наедине с собой.

Джимми подхватил меня под руку и повел куда-то дальше по дороге. Остановился перед магазином с инструментами и скобяными изделиями, вынул связку ключей и открыл дверь. Провел меня в квартиру-студию наверху. Обстановка минималистская, я подумала, что он живет один, но потом заметила корзину с игрушками.

– Это внуков, – пояснил он, перехватив мой взгляд. – Забираю их по пятницам, дочка работает.

Он налил в чайник воды и поставил греться. Присмотрелся ко мне с заботой:

– Несладко вам пришлось.

Я кивнула, вновь постаралась собраться.

– Мне это чувство отчасти знакомо. Однажды твой отец и со мной поступил так. В день своей свадьбы.

Я наострила уши, но Джимми не собирался ничего рассказывать, пока не нальет нам обоим чая, и, как бы ни хотелось мне его поторопить, я понимала, что это будет невежливо. Все в свое время. Вот он еще поставит на стол тарелку с розовыми печенюшками. И наконец:

– Я был приглашен на свадьбу. Первое официальное свидание с девушкой, которая мне приглянулась. Мишель – она была подружкой невесты – позвала меня. Выпивка, угощение, чем плохо? Я и приехал в приходскую церковь на Айона-стрит. Ясно все помню. Большая церковь, нарядная. Ее подруга Джина выходила замуж, жениха звали Фергюс Боггс, вот и все, что мне было известно. Позаимствовал у брата костюм. Явился, сижу. Ни одного знакомого лица. Вернее, так я думал – и вдруг появляется мой добрый друг, я так обрадовался, что тут не один. Нарядный, в бледно-голубом смокинге, штаны-колокольчики. Все мы тогда так наряжались. Идет напрямик к алтарю, там остановился, кого-то ждет. «Это шафер?» – спрашиваю я парня по соседству. – «Кто? – «Он». «Нет, это жених», – говорит этот парень. «Хэмиш О’Нил женится?» – переспрашиваю я. И тот как захохочет: «Ты, верно, свадьбы перепутал. Это Фергюс Боггс». У меня пол из-под ног ушел, честное слово. Словно он меня в живот пнул. Не мог дышать, глотнуть воздуха не мог. Я почувствовал... ну вот то примерно, что ты сейчас, хотя, конечно, для меня это было не так скверно. Он же мне не отец. Но он был моим другом. Мы два года вместе играли. Хэмиш О’Нил. Никак не мог этого понять.

– Вы с ним об этом говорили?

– Никогда.

– Почему?

– Я думал об этом. Какое-то время держался от него подальше. Оно и несложно было, он уехал на медовый месяц, а потом принялся работать сверхурочно, чтобы купить дом. Вот и все, что я о нем знал, но как раз пока его не было, пришел в паб один парень и сказал, что хочет собрать команду для игры в марблс. Чарли, с ним вы сегодня не встретились, он уехал. Он слышал, что нас в «Мраморном коте» двое, кто умеет играть. Я сказал, что готов, а про второго парня не знаю. Не хотел с ним связываться. Но тут Хэмиш... Фергюс вернулся, позвонил мне, предложил встретиться, сыграть, выпить по кружке. Я рассказал ему, что Чарли собирает команду, мы договорились о встрече. Мы встретились в «Мраморном коте». Я представил его Чарли. Я думал – я мог бы поквитаться, мог бы подловить его, показать, что мне все известно.

И все же я сказал: Чарли, это Хэмиш, Хэмиш, это Чарли. И так и пошло.

– Не знаю, как вы смогли. – Я покачала головой. – Если б я такое знала, не смогла бы скрывать.

– Видите ли, святых среди нас нет. Я уж точно не претендую. У каждого свои... сложности. Наверное, у него были на то причины. Вот что я всегда себе говорил. А еще думал, пусть лучше он сам мне скажет, когда придет время, или, может, я пойму, в чем дело. Со временем.

– И как, поняли?

Он улыбнулся. Грустная улыбка:

– Теперь, видимо, я знаю?

– Вы и все остальные! – гневно сказала я.

– Он был хороший человек, это-то понятно. Хэмиш О’Нил, Фергюс Боггс, кто бы он ни был, не так важно. Но он был самим собой. Был веселым, а порой ворчливым, но не думаю, чтобы он как-то подделывался, ни один человек не может сорок лет притворяться не тем, кто он есть. Он был тем же самым, только под другим именем, вот и все. И мне это давно уже стало все равно, как его зовут. Он был хороший человек, верный товарищ. Был рядом, когда мне было нужно. И мне бы хотелось думать, что и я умел ему помочь, когда было надо. Нам не приходилось объяснять друг другу, что случилось, что нужно делать. Мы просто играли в марблс и болтали, и я уверен, не было у нас ни одного разговора, который не был бы настоящим. Все было правдой. Так что ваш отец есть ваш отец, есть тот, кто он был и кто он есть, это тот самый человек, кого вы знали и знаете.

Я старалась принять все это, но пока не могла.

– Вы не пытались найти его, когда он пропал год назад?

– Нет, я же не сыщик, – рассмеялся он. – Мы уже лет десять как не играли в команде. Между собой иногда, но не участвовали в соревнованиях. Стало трудно собираться, а потом Питер заболел.

– Но вы же были друзьями. И вас не волновало, куда он делся?

Он призадумался. Потом спросил:

– Он совсем не вспоминает теперь шарики?

– Сегодня они появились впервые. Я показала ему кровяники, и что-то, мне кажется, произошло, что-то в нем включилось. Но не думаю, чтобы он вспоминал о них прежде.

Он печально кивнул.

– Люди приходят и уходят. Многие мои друзья уже умерли, – сказал он. – Естественно в моем возрасте. Рак. Инфаркты. Все это грустно, конечно. Спрашиваешь о человеке и слышишь, что его уже нет. Думаешь

о ком-то, кого давно не видел, а он умер. Открываешь газету и читаешь некролог знакомого. В моем возрасте это часто случается. Так что я думал, мой приятель Хэмиш О'Нил тоже скончался.

Я почувствовала, как подступают слезы.

– Наверное, он был бы рад снова повидать вас.

– Может быть, – без особой уверенности сказал он. – Мне было бы приятно. Мы не всем делились, но многим.

Я поблагодарила за чай и поднялась уходить. Уже шесть вечера. Некуда спешить, но все же пора. Дело не закончено.

Джимми проводил меня до двери на улицу и прежде, чем открыть ее, обернулся ко мне.

– Иногда он проговаривался, знаете. Ребята, может, забыли, но, уж конечно, они примечали. Между собой мы посмеивались: что это Хэмиш на этот раз затеял? С кем крутит? Обычно когда пропустит рюмочку. Тогда он называл имена, по рассеянности, я думаю. И вроде сам не замечал. Путался, мне кажется, в том, что рассказывал нам, а что нет. Думаю, это его и доконало в итоге.

Я киваю и приклеиваю к губам улыбку: в данный момент никакого сочувствия к отцу я не чувствую.

– Знаете, я только один раз видел его таким счастливым, каким он стал с этой женщиной. Тогда не понял, что случилось, но со временем стал соображать.

– И что же это было?

– Он вошел в паб, приплясывая буквально, всем поставил пиво. «Джимми, – сказал он, обхватив руками мою голову, – сегодня самый счастливый день в моей жизни». И лишь когда в моей жизни случилось то же самое, я понял, что было с ним в тот день. Когда родился мой первый ребенок. Самый счастливый день в моей жизни, я вошел в паб, приплясывая, в точности как твой отец. И тогда я понял, что с ним случилось. Я понял, что в тот день у него родился ребенок. Апрель, примерно тридцать лет назад. Чуть больше тридцати.

Когда я родилась.

– Это правда? – переспросила я, а на губах расцветала уже настоящая улыбка.

– Внуками клянусь! – ответил он, поднимая руку.

И я поверила.

Машину пришлось продать, но зато я познакомился с ней. Груда счетов росла, доходов не было, другого выхода я не видел: на тридцать кусков можно продержаться. Нелегко далось мне это решение – что такое мужчина без машины, но, решившись, я уже не оглядывался. Финансовый консультант без денег, без машины и без клиентов. Меня, понятное дело, уволили первым, но, когда компания рухнула, я нисколько не злорадствовал. Все мы по уши в дерьме. К тому же тем самым прибавилось людей, гоняющихся за той же работой, что и я.

Я продавец, всю жизнь был продавцом, это я умею лучше всего, только это и умею. Сегодня мой первый день в роли продавца машин. Стараюсь настроиться позитивно, однако чувствую себя хреново. Пятьдесят шесть лет, и нет собственной машины, чтобы доехать до места работы – продавать машины. Хозяин пока этого не знает, но быстро догадается, заметив, как я по утрам пыхчу и отдуваюсь, взбираясь на гору от автобусной остановки. Доктор с меня не слезает: высокий холестерин, давление, все плохо, когда же я начну хотя бы делать зарядку. Все плохо – каждый вскрытый конверт несет дурную новость. Я успел стать дедом, и даже маленький Фергюс напоминает мне о том, какой я толстый дедушка, отплясывая на моем рыхлом животе. Хотя бы эти короткие прогулки от остановки и обратно зачтутся мне за упражнение.

Она стояла одиноко у остановки, пытаюсь разобраться в расписании. Я понял, что она пытается прочесть эти мелкие буковки, потому что она надела очки, покусывала губу и вид у нее был растерянный, лицо скривилось. Очень трогательно.

Она вздыхала и что-то бормотала себе под нос.

– Не могу ли я вам помочь?

Она обернулась, удивленная: думала, что тут одна.

– Спасибо. Не могу никак понять. Где тут сегодня? Вот это сегодня? – Она указала розовым лакированным ногтем. – Или это сегодня? Мне нужен номер четырнадцать, но я хотя бы правильную нашла остановку? А вот тут и вовсе не прочтешь, потому что какой-то умник вооружился маркером и сообщил миру, что Декко – педик. То есть против педиков я ничего не имею, знаю среди них немало очень счастливых людей, и этот Декко,

скорее всего, вполне доволен жизнью, но только если он не ищет в понедельник утром автобус номер четырнадцать. Вот тут-то он действительно станет несчастным педиком.

Я рассмеялся, смех вырвался сам собой. Она покорила меня сразу же. Я стал изучать расписание, не потому что надеялся разобраться, но потому, что хотел быть с ней рядом, от нее так хорошо пахло. Наконец она глянула на меня, спустила к кончику носа очки с леопардовыми пятнами, и передо мной оказалась ошеломительная пара глаз – они освещали ее лицо целиком, как будто внутри нее разливалось сияние.

Видимо, эти чувства вполне отчетливо проступили у меня на лице: она улыбнулась, польщенная, понимающая:

– Так что же?

– Ничего не могу понять, – признался я, и она расхохоталась, закинув голову.

– Мне нравится ваша честность, – сказала она, снимая очки, и позволила им упасть вместе с цепочкой на грудь – небывало большая и соблазнительная у нее грудь. – Вы тоже новичок в мире автобусов?

– Пожалуй. Я только что продал свою машину, и все, что мне известно, – сесть на автобус в семь пятьдесят и проехать восемнадцать остановок. Так мне дочка велела. Заботится обо мне.

Она снова рассмеялась:

– Да, я тут тоже из-за машины. Вчера утром она вдруг решила сдохнуть. Пуф – и нету.

– Могу продать вам новую.

– Вы торгуете машинами?

– С нынешнего дня. – и я тоже засмеялся.

– Ну что ж, вы уже нашли клиента, а еще даже до работы не добрались, – вторила она мне.

Вместе мы разобрались, как платить водителю – он не желал брать деньги, но требовал, чтобы мы сунули их в автомат. Она пропустила меня вперед, я занял двухместное сиденье и гадал, сядет ли она рядом или пройдет мимо. Слава богу, она села рядом, и меня обдало теплом.

– Меня зовут Кэт, – сказала она. – Катерина, Кэт.

– Я Фергюс. – Мы пожали друг другу руки, кожа у нее гладкая и теплая, обручального кольца нет.

– Шотландец?

– Папа был. Мы уехали оттуда, когда мне было пять, перебрались в Дублин. А вы? У вас своеобразный акцент.

Она засмеялась:

– Вот спасибо. Я из безымянной деревни в Германии. Дочь честного фермера. Переехала в Корк после университета, в двадцать четыре года.

Она словно наркотик. Мне бы хотелось знать о ней все, я забыл, что работаю первый день, перестал нервничать, расслабился так, что чуть свою остановку не проехал. Я задавал слишком личные вопросы, но она с готовностью отвечала и спрашивала в свою очередь. Я рассказывал о себе слишком откровенно, о долгах, о здоровье, о своих неудачах, но все это не мрачно, а честно и бодро, так что мы вместе продолжали смеяться.

Выходя из автобуса, я чувствовал себя как ребенок, у которого лопнул шарик. Не хватило ни времени, ни куража спросить номер ее телефона. Я и так чуть не проехал, она вовремя нажала кнопку. Автобус остановился, все ждали, пока я протиснусь со своего места в проход, все на меня смотрели. Я не мог попросить ее о свидании, слишком это было бы поспешно, панически. Я вылез из автобуса в ярости.

Первые часы на работе я провел, что понятно, чувствуя себя лишней деталью, которой никак не находится место. Другие работники не в восторге от моего появления – Ларри Бреннан, владелец гаража, мой старый знакомый, один из немногих, к кому я еще могу обратиться за помощью, и больше после пяти месяцев поисков работы никаких шансов у меня не было. Мы выросли вместе, и он не мог отказать мне. Может быть, и хотел, но не смог.

Поскольку я им чужой, то и к клиентам меня не подпускают. Подлетают к покупателю первыми или как-то их отвлекают, уводят. Такой мир: хищники поедают друг друга.

– Нет, мне нужен он, – слышался знакомый голос.

Это было уже во второй половине дня, когда я подумывал вернуться домой и сожрать в одиночку коробку конфет от Кэдбери.

Это была она. Яркая, живая, живет самой жизни – мой иноземный брильянт. В первый день работы я продал первый автомобиль.

В нарушение профессиональной этики я воспользовался номером из договора и позвонил ей. Она была рада слышать меня и вместо свидания пригласила пообедать у нее. Я пришел к ней в пятницу вечером с букетом, бутылкой красного вина и твердым решением: рассказать ей все.

Никаких больше секретов. Моя жизнь не будет больше расколота. Я стал ненавидеть того человека, в которого я превратился. Довольно секретов. Только не с Кэт. Она – мой шанс начать все сначала.

Ее квартира – миленькая гостиная, две спальни, ее и дочери, которую никак не удастся выпихнуть в самостоятельную жизнь. На стенах ее собственные рисунки, на подоконнике сохнут раскрашенные вазы и пресс-

папье, карабкаются вверх лиловые и розовые цветки, пресс-папье в завитках и спиралях. Я рассматриваю их, а из крошечной кухни, где она готовит, доносится чудесный аромат.

– Я только что записалась на курсы рисования. Рисования на стекле, точнее говоря.

– Это отличается от рисования на бумаге? – спросил я.

– Еще бы – и чтобы это выяснить, пришлось выложить семьдесят пять евро.

Я присвистнул.

– У вас есть хобби?

Простой вопрос, такой простой для многих людей. Но я замер. Я колебался, несмотря на твердое решение, которого я держался всю неделю в ожидании этого вечера.

Почувствовав мою нерешительность, она прервала свою работу и перешла к проему, соединяющему кухню со столовой-гостиной. За ее спиной на плите горел огонь. Зеленые глаза смотрели на меня в упор.

Внезапно перехватило дыхание, словно я должен был признаться в чем-то очень важном. Меня даже пот прошиб, я чувствовал капли на лбу. Давай же, Фергюс. Скажи ей.

– Я играю в марблс. Собираю шарики. – Единой фразы не вышло, я даже не был уверен, насколько осмысленны мои слова, но я отчаянно цеплялся за спинку стула, и она, окинув взглядом меня, мою позу, мою тревогу, широко улыбнулась:

– Это чудесно! Когда у вас ближайшая игра?

– Завтра, – прокашлял я.

– Мне бы хотелось прийти посмотреть. Можно?

Совершенно растерянный, я согласился.

– Знаете, я сегодня тоже играла с шариками. – Она засмеялась и продолжала болтать, давая мне время прийти в себя: – Я ветеринар. И какие-то умные люди додумались использовать стеклянные шарики, чтобы предотвращать течку у кобыл. Сегодня я засовывала в матку кобылы шарик диаметром 35 миллиметров. Первый раз – и для меня, и для лошади. И знаете что? Она, похоже, тренировалась играть в пинг-понг – вытолкнула шарик обратно. В ту же секунду и прямо мне в руки. Пришлось все проделывать по второму разу. А эта компания выпускает свои шарики под названием «ло-шарики», само собой.

Я расхохотался, ошарашенный и тем, как легко она приняла мое хобби, и какую смешную рассказала историю.

– Я добуду вам такой шарик, – пообещала она, возвращаясь к плите. –

Небось такого у вас в коллекции нет.

– Нет! – Я смеялся уже чуть ли не истерически. – Такого нет.

– Расскажите же мне о своих шариках, расскажите о коллекции.

И я начал с самого начала, с отца Мерфи, и кладовки, и кровяников, и уже не мог остановиться. Я рассказал ей про Хэмиша и как мы обыгрывали лохов. Рассказал ей о моих братьях, рассказал о международных чемпионатах. Мы пили вино и ели жареную баранину, и я рассказывал ей о своих играх, о команде «Электрические бабки», о том, в каких пабах я играю и как часто. Рассказал ей о Хэмише, все-все рассказал о Хэмише, и о моей коллекции, и как мама штрафовала нас за ругань и складывала шарики в банку. Я рассказал ей о том, как я сжульничал и что Джина и Сабрина до сих пор не знают про шарики, и попытался объяснить – с большим трудом, – как так вышло. Мы выпили еще вина, и мы занимались любовью, и я продолжал рассказывать, когда мы лежали обнаженные в темноте друг подле друга. Я просто не мог остановиться. Я хотел, чтобы эта женщина знала, кто я – без утайки, без лжи.

Я рассказал ей о братьях, о том, как я отдалился от них и никогда себе этого не прощу, и она, растроганная, сказала, что позовет их на обед, а я сказал – нет, это уж слишком, я не могу, они не могут. Но она росла единственным ребенком и всегда мечтала о большой семье. Так что в следующие месяцы у нее побывали Энгюс с Линн, потом Дункан и Мэри, Томми с новой подружкой, Бобби и Лора, Джо и Финн. И каждый раз это было прекрасно, так что потом она проделала все по новой, приглашая своих подруг.

Она спрашивала меня, что в ней такого, что меня сразу поразило, что привлекло к ней в первую же минуту, потому что мы и правда были без ума, словно опьянены друг другом. Я отвечал: ее глаза. Кошачьи глаза. Каламбур. Глаза Кэт. Если совсем точно, «иноземные кошачьи глаза» – по большей части их делают в Мексике и на Дальнем Востоке. Обычно они одноцветные, четырехлопастные, стекло чуть зеленоватое, как бутылочное. Внешний ободок ее радужки такой же бледно-зеленый, как бутылочное стекло, а внутри чуть ли не радиоактивное вещество, так ярко светится.

– Сколько за меня дали бы в идеальном состоянии? – поддразнила она меня как-то утром, еще в постели. – Скажем, в двадцать один год, еще до детей?

– Ты сейчас в идеальном состоянии. – Я лег на нее сверху. – Ты только посмотри. – Я завел руки ей за голову, удерживая. – Ты прекрасна. – Мы поцеловались. – Но для коллекции совершенно не годишься, – добавил

я, и мы оба расхохотались.

Она сказала мне: когда я признался ей, что играю в марблс, она по моему лицу поняла, как трудно мне было даже выговорить это, я выглядел так, словно для меня это вопрос жизни и смерти, она поняла, что я еле выдавил это из себя и, если она сейчас допустит ошибку, скажет что-то не то, я повернусь и уйду, а она не хотела отпускать меня.

Первый ее мне подарок – шарик. Конечно, ею самой и разрисованный.

Единственное, о чем я жалел каждый день, который проводил с Кэт: я еще не связал все концы, моя жизнь еще не вполне совершенна. Совершенство наступит тогда, когда я познакомлю с Кэт Сабрину. Я откладывал их встречу – не потому что боялся, как они поладят, я был уверен, что все получится, но Кэт знала меня настоящего, игрока в марблс, о котором Сабрина и Джина понятия не имели. Признаться в этом Сабрине – все равно что сказать, что я никогда не впускал ни ее, ни ее мать в важнейшую часть моей жизни, что я, по сути дела, лгал двум самым близким мне людям, кому я должен был доверять и стараться, чтобы они доверяли мне. Я никак не мог подобрать слова. Кэт торопила меня, она твердила, что нужно все говорить близким, пока есть такая возможность: ее мама умерла прежде, чем Кэт успела попросить прощения и помириться с ней. Она говорила мне: никто не знает, что может случиться. И я соглашался. Я собирался сказать Сабрине. Скоро. Скоро я ей скажу.

– У папы была своя тайная жизнь, – говорю я и слышу, как мой голос дрожит от возбуждения, захлестывает адреналиновая волна. На заднем плане слышны вопли Алфи, он не хочет печеных бобов, он не будет бобы, только зефир будет или пасту в форме свинки Пеппы. Эйдан пытается утихомирить его и расслышать при этом меня. Я не могу остановиться: – Он жил под другим именем. *Хэмиш О’Нил*, – гневно чеканю каждый звук. – Ты когда-нибудь слышал, чтобы он так себя называл?

– Хэмиш О – как дальше? Нет! Алфи, перестань. Нет, милый, нельзя. Расскажи мне все. Хорошо, на обед будешь есть зефир.

Уже не понимая, какая фраза Эйдана кому адресована, я знай себе продолжала свое:

– Я познакомилась в пабе с мужчинами из его команды, они играли в марблс, он им никогда не рассказывал про меня. Такой был всегда скрытный, что один из них считал его шпионом. – Мой голос сорвался, и я умолкла, всматриваясь в дорогу. Уже два раза свернула не туда, а теперь еще и развернулась против правил, и все вокруг злобно сигналият.

– Сабрина! – встревоженно перебил меня Эйдан. – Может быть, подождешь, пока мы вернемся домой и все это обсудим.

– Нет! – отрезала я. – По мне, так этого и следовало ожидать. Согласен? Ты же так говоришь и обо мне.

Он притих. Потом:

– Сабрина, ты и он – разные люди, и говорю я тебе совсем о другом.

– Я тебе перезвоню. Сейчас мне надо кое с кем увидеться.

– Хорошо. Но если...

– Только не говори *«если тебе это может помочь»*, Эйдан!

Он опять замолчал.

Зато Алфи вдруг проревел в трубку:

– От бобов будешь пукать, маммааааа! – И на том разговор оборвался.

Я никогда не звала Мэтти дедушкой, потому что мой папа не называл его отцом. Может быть, когда-нибудь в детстве я спрашивала, отчего так, но ответа не запомнила, вообще-то не помню и того, чтобы я

интересовалась, почему он не дедушка. Словно всегда знала, что он не отец моего отца. Мне рассказывали, что мой родной дед умер, когда папа был еще маленьким, и Мэтти женился на моей бабушке. Ее я побаивалась, вернее, они оба наводили на меня страх.

Но теперь, в тридцать с лишним лет, мне вдруг показалось странным: как же так, Мэтти с шести лет растил Фергюса, и все же я никогда не считала его своим дедом. Откуда такое неуважение?

Бабушка Молли была жесткой, совсем не такой нежной, как бабушка Мэри, и все время следила за моими манерами, не забывая ли я по тысяче раз в день сказать «пожалуйста» и «спасибо», так что у нее в гостях я все время дергалась и никогда не чувствовала себя в своей тарелке.

Позднее мама рассказывала мне, что бабушка Молли постоянно ей твердила: «Ты даешь этому ребенку слишком много». Еще она грызла маму за то, что она больше не рожает, но у них с папой просто не получалось. Сейчас бы это, наверное, вылечили, а так мама просто старалась и ждала. Наверное, отношения со свекровью в значительной мере испортились из-за этого, но, кроме того, они были очень разные люди и никогда не могли сойтись во мнениях. Мама не желала слушать замечания свекрови, которая всю жизнь посвятила рождению и воспитанию детей – у нее-то другого смысла в жизни не было.

– Я привыкла, что ко мне все хорошо относятся, – как-то призналась мне мама. – И в школе, и когда я работала. А тут все пошло не так: я старалась как могла, но она просто не любила меня, и все. Она даже не хотела меня любить.

Но одно у них было общее: обе любили Фергюса.

Бабушку Молли папа обычно навещал сам, без нас. Заезжал к ней по дороге с работы или по пути в город, иногда брал с собой меня, чаще ехал один. В Рождество мы все неизменно проводили вместе один час утром – и то если папе удавалось вытерпеть час. Я сидела тихо, очень-очень благодарная за очередную подаренную мне пижаму, а взрослые разговаривали между собой. Она умерла, когда мне было четырнадцать, но я словно ее и не знала. Втайне даже почувствовала облегчение оттого, что не придется больше ее навещать – это всегда было для меня неприятной обязанностью. А на похороны собрались мои кузены и кузины, с кем я едва была знакома, и все плакали, всех утешали в этой горестной потере их родители, и мне стало так стыдно, что я одна нисколько не печалюсь, не оплакиваю эту смерть вместе с ними. И тогда я наконец заплакала.

Выходя замуж за Эйдана, я сочла правильным пригласить Мэтти и на

саму свадьбу, и на прием. Мама меня в этом поддержала, папа – не очень. Мог бы и не переживать, Мэтти все равно не пришел.

С тех пор я едва ли хоть раз вспоминала Мэтти. Мои дети не были с ним знакомы. Я никогда у него не бывала. Моя мама тоже избегала общения с неприятным стариком, который сделался еще противнее, утратив жену. Но теперь я чувствую себя виноватой и перед Мэтти тоже. Мне казалось, папа совсем не хотел общаться со своей семьей, все его поведение говорило об этом, и я сочла, будет нормально согласиться с этим, более того, это для всех нас гораздо удобнее и проще, но теперь я сама уже не понимала, почему не задавала вопросы, не настаивала, не добивалась ответов. Теперь, когда обнаружились папины тайны, я хочу ближе узнать его родственников и разобраться, отчего он стал таким.

Мэтти без малого девяносто, он живет один в Айлендбридже, в однокомнатной квартире на первом этаже. Адрес я знаю, поскольку к Рождеству всегда посылаю ему открытку. Каждый год отправляю ему фотографию мальчиков. Но моего визита он не ждал.

– Кто там? – заорал он в домофон.

– Сабрина, – ответила я и на всякий случай уточнила: – Сабрина Боггс.

– Кто? – еще громче заорал он.

Послышался скрежет ключа, и вот мы уже стоим лицом к лицу. Он и мистера Дейли переплюнул, совсем развалина. Прищурившись, присмотревшись, изучив меня с головы до пят, он все-таки нуждался в дополнительных пояснениях.

– Я дочь Фергюса.

Он снова внимательно оглядел меня, затем отступил в сторону и прошаркал к креслу перед телевизором. На нем была рубашка с коротким рукавом, а под ней грязная белая майка – скрюченными пальцами он попытался застегнуть пуговицы. Сильно состарился, но почти такой же, каким я запомнила его с детства: в кресле перед телевизором.

– Извини, что не побывал у тебя на свадьбе, – с ходу заявил он. – Я теперь мало куда выхожу.

Я растерялась. Свадьбу мы праздновали в Испании, я понимала, что туда он не доберется.

– Конечно, Испания далековато, но я хотела, чтобы вы знали: мы были бы рады вас видеть.

– Да уж, порадовался, что пригласили меня вместо Боггсов, – засмеялся он. Зубов явно недоставало.

– Ну да, – покраснела я. – У нас такая большая семья, мы просто не могли пригласить всех.

Под его взглядом мне стало неловко.

– Вы с ними не общаетесь.

– С... с дядьями? Жаль, что так вышло, – призналась я, искренне в тот момент сожалея, хотя раньше об этом не думала. Передо мной сидел человек, вырастивший моего отца, но я ничего о нем не знала. – К сожалению, папа с ними не был близок, и это, видимо, сказалось и на моих с ними отношениях, – попыталась я оправдаться.

– Прежде их водой было не разлить, – заметил он. – Они его Клопом называли. Ты про это знаешь?

«Клоп» он произносит как в два слога, и я, недопоняв, переспрашиваю:

– Они прозвали его Циклопом?

– Нет, просто Клопом. Потому что младший. Самый маленький Боггс.

Мне кажется, семья была расколота на Дойлов и Боггсов. Но я никогда не спрашивала папу, как они уживались. Почему я так и не спросила?

– Но он им не уступал, – продолжает Мэтти. – Он был умнее всех.

Прилив гордости.

– Не то чтобы для этого много было нужно. Все они придурки! – фыркает Мэтти.

– Имя Хэмиш О’Нил что-нибудь вам говорит?

– Хэмиш О’Нил? – переспрашивает он, хмурясь, словно это какая-то проверка, а он ее завалил. – Нет, ничего.

Я стараюсь не выдавать разочарование.

– Но был Хэмиш Боггс. – Мэтти искренне старается помочь. – Старший из мальчиков.

Я киваю, мысли кружатся. Я ведь и не вспоминала старшего брата отца, его имя никогда почти не упоминалось.

– Да, о нем я слышала. Он дружил с папой?

– Хэмиш? – переспрашивает он с удивлением, словно и не думал о пасынке с тех пор, как тот умер. – Фергюс к нему так и лип. Всюду за ним бегал как собачонка. Брось ему Хэмиш палку, Фергюс бы ее в зубах принес. Видишь ли, Хэмиш был пройдоха. Тупой, как все они, но хитер. Он всегда умел выбрать самого умного, кто окажется рядом, и прибрать его к рукам. Как твоего отца. Их мать из-за этого вечно переживала.

Для меня это новость. Я настороженно выпрямилась.

– Самое правильное было – не подпускать Хэмиша к младшим. Я все время Молли это твердил.

– А она?

– Ну, в итоге же он умер, так? – Мэтти свирепо расхохотался, но, когда

я не последовала его примеру, постепенно оборвал смех. – По заслугам получил, вот что я тебе скажу! – И он даже пальцем погрозил для убедительности.

– Как он умер?

– Утонул. В Лондоне. Кто-то его поколотил, он ни хрена не соображал и свалился в реку.

– Ужасно! – задыхнулась я. О его смерти я и раньше знала, но никаких подробностей. Никогда не спрашивала. Почему?

Мэтти посмотрел на меня, удивляясь, что кому-то эта смерть спустя столько лет может показаться трагической. Для него Хэмиш давно уже не живой человек. И он все никак не мог сообразить, зачем я к нему пришла.

– Папа горевал о смерти брата?

Мэтти подумал, слегка пожал плечами.

– Ему пришлось опознавать тело. Слетал в Лондон, один. Энгус тоже хотел, но не мог же я послать сразу всех своих работников в Лондон. – Он слегка возвысил голос, словно и сорок лет спустя продолжая спор, можно ли отправить мальчишку одного. – Ага, ему, конечно, тяжело пришлось там одному. Его мать сильно волновалась. Впервые так далеко, и один, и смотреть на мертвого брата, но ему пришлось, потому что власти решили, будто это он помер.

– Они решили, что погиб мой отец? – Правильно ли я поняла Мэтти?

– Вроде как старина Хэмиш называл себя в Лондоне Фергюсом. Бог его знает зачем, но, если наживешь себе столько врагов, сколько этот парень, придется и по десять раз менять имя. Если б он не помер, наверное, он бы всех братьев имена перебрал.

Сердце застучало: совершенно очевидно, что это как-то связано с «запасным именем», которое придумал себе мой отец.

– Кстати, про Хэмиша О’Нила я кое-что вспомнил, – сказал вдруг Мэтти. – Забавно, что ты про него спросила. Я так и подумал, когда ты заговорила, что чем-то оно мне знакомо. Такая вот история, – оживившись, он заерзал в кресле. – Я слышал, этот парень, Хэмиш О’Нил, играл в марблс в наших местах. Ничего особенного, но Хэмиш – имя редкое, как услышишь, обращаешь внимание, а О’Нил – девичья фамилия Молли, до того как она стала Боггс, а потом уж Дойл. Ничего вроде как не значит, но я сказал об этом Молли. Я был пьян, может, не стоило ей об этом говорить, это было на свадьбе, как раз на свадьбе Фергюса, и не обижайся за свою маму, но уж так там все было церемонно, что я напился, вот язык и развязался. Я сказал ей, а она подозвала к себе твоего папу, а он весь

в шикарном синем костюме и в рубашке с оборками, вылитый педик, заговорила с ним и вдруг как смажет его по лицу. «Ты не он» – вот что она ему сказала.

Он хохотал, захлебывался от смеха, представляя, как мой отец в день собственной свадьбы получил от матери затрещину. У меня на глазах выступили слезы, и я поспешно их сморгнула.

– Поставила его на место, – сказал он, утирая глаза. – Я так и не выяснил, он ли играл под этим именем или кто другой, совпадение, как говорится, но из взрослых мало кто играл, во всяком случае не в наших местах. А он-то с дурачьих лет только и знал, что катать шарики, еле домой к ужину загонишь. На день рождения, на Рождество никогда не просил ничего, кроме чертовых шариков. Все мальчишки одинаковы, но он был хуже всех, потому что был лучшим. Таскался по всяким притонам вместе с Хэмишем, Хэмиш взял его под крыло, типа он агент, зарабатывает денежки на младшем брате. Я говорил твоему отцу, когда он подросток: будешь играть в эти чертовы шарики, никогда не женишься. После смерти Хэмиша он завязал. Хоть какая-то от этого польза.

Я пришла к Мэтти, чтобы заглянуть в жизнь моего отца, что-то о нем узнать, и не была уверена, получила ли я ответ. Но если Хэмиш назывался в Лондоне именем Фергюса, понятно, почему отец назывался его именем, играя в шарики. Из уважения? В знак памяти? Чтобы почтить его? В каком-то смысле – вернуть к жизни? И теперь понятно, почему папа держал игру в секрете, раз все вокруг требовали, чтобы он ее бросил. Но с какой стати он продолжал играть, уже став взрослым?

– Как папа отнесся к тому, что Хэмиш использовал его имя?

– Вот я этого не понимаю, но он это воспринял как комплимент. Горд был до усрачки, что Хэмиш украл у него имя. Типа Хэмиш его особо отметил. Даже на похоронах грудь колесом. Глупый мальчишка, не соображал, сколько неприятностей ему брат причинил, позаимствовав его имя. Сунул бы Фергюс куда не надо, и его бы там убили, приняв за того самого. Типично для Хэмиша. Настоящая пиявка, говорю тебе. Высосет человека досуха и пошел себе дальше.

Долгая пауза.

– Как вы познакомились с бабушкой? – спросила я вдруг, пытаюсь понять, с какой стати она вышла за этого человека после смерти первого мужа.

– В мясной лавке. Она покупала у меня.

Только и всего.

– Настоящая любовь: решиться взять в жены мать четырех детей, –

сказала я, стараясь найти в этой истории что-то хорошее.

– Этих-то четырех щенков? – переспросил он. – Черт побери, ей здорово повезло, что я вообще на ней женился.

Я огляделась. Все просто, чисто, он держал свое жилье в порядке.

– Скоро придет Лора, – сказал он, подметив мой взгляд. – Дочка Томми.

– А, да. Конечно. – Я попыталась сообразить, когда в последний раз видела двоюродную сестру.

– Она приходит по пятницам, Кристина по понедельникам, а в другие дни заглядывают мальчики, проверяют, вдруг я уже перекинулся и черви полезли из глаз. Затем меня сюда и перевезли – Лора живет на той стороне двора, так ей удобнее за мной присматривать, чтоб в беду не попал. – Он опять засмеялся. – «Ты в порядке, дедушка? Дед, ты еще живой?» Хорошие ребята – мои Дойлы, детки Томми и Бобби. Правда, Бобби больше со своей хозяйкой не живет, слыхала?

Я покачала головой.

– Это меня не порадовало, она мне нравилась. Но Бобби по части юбок ненасытен – зато Джо их не любит. Он у нас извращенец, это ты знаешь?

– Да, я знаю, он гей.

– По мне, в этом его мать виновата, все время держала на коротком поводке, туда не ходи, того не делай. Весь остальной выводок ходил куда вздумается и рос на воле.

– Думаю, он бы стал геем, как бы она его ни воспитывала, – сказала я. Я была уже сыта этим стариканом по горло.

Он засмеялся.

– Он тоже так говорит, но почему знать.

Снова молчание. Неловкое молчание. Мы оба исчерпали темы для разговора.

– Как твой отец?

– Все хорошо.

– Все так же ничего толком не помнит?

– Кое-что не помнит.

– Оно бы и не беда, – сказал он грустно, обращаясь больше к самому себе. – Но они бы хотели, чтобы он их вспомнил. Только об этом и думают.

– Кто?

– Мальчики Боггсы. Мальчики Дойлы.

– Конечно же отец их помнит.

– Последние годы он забыл.

– Мне казалось, в последние годы они не были близки, – заметила я.

– Как раз и были! – возмутился он так, словно я упрекнула его во лжи. – В самые последние годы стали снова часто встречаться. Играли в шарики, можешь себе представить? С его новой подружкой. Она им всем понравилась. Ты уж за свою маму не обижайся, но они говорили, эта ему больше подходит. Всех ребят собрала. И он это забыл? – Он поглядел на меня так, словно не в силах был поверить в такой провал памяти.

Я покачала головой, окончательно растерявшись.

– Вы знаете ее имя?

– Кого?

– Его... подружки. Этой женщины.

– А, ее. – Он помахал рукой, словно отбрасывая мой вопрос. – Никогда с ней не встречался. Мальчики знают, они тебе скажут.

С неубедительным «передай маме, что я про нее спрашивал» он запер за мной дверь, и я едва разминулась с кузиной Лорой, которая с пылесосом, ведром и шваброй пересекала двор, направляясь из своей квартиры к деду. Я села в машину, голова гудела от всего, что довелось услышать.

Я поискала в своем телефоне номер дяди Энгюса. Он мой крестный, с ним я общалась больше, чем с другими, – то есть мы обменивались поздравительными эсэмэсками, когда не забывали о дне рождения.

Набрав его номер, я прижала трубку к уху и слушала стук своего сердца. Привет, дядя Энгюс, это Сабрина, я почти год не давала о себе знать, но только что выяснилось, что вы с папой успели снова подружиться до того, как с ним случился инсульт, а еще я только что услышала, что вы были знакомы с его подругой. Не могли бы вы мне сказать, кто она? А то я ничего не знаю. Я у вас единственная – если не считать папу, – кто ничего не знает.

Никто не отвечал. Я выключала телефон, вновь обозлившись и вновь почувствовав себя дурой. Чувствуя, как во мне поднимается гнев, я вставила ключ в зажигание и рванула вперед. Подъезжая к больнице, я все еще слышала голос Мэтти, назвавшего Хэмиша пиявкой.

В тот момент мне показалось, что он слишком жесток. Я могла понять, как папа радовался, гордился тем, что старший брат не забыл его, уехав в Лондон. Конечно, папа всю жизнь смотрел на Хэмиша снизу вверх, превозносил его, для него было честью, что брат взял себе его имя. Но сейчас, когда во мне закипал гнев, я лучше понимала сказанное Мэтти.

Хотел он того или нет, Хэмиш действительно отобрал у брата часть его жизни. Он не только у меня украл того отца, которого я не знала, – хуже, Хэмиш отобрал у Фергюса какую-то часть его самого.

Кэт простилась со мной после обеда – лосось, картофель в чесночном соусе, горох и зеленые бобы, все это приготовила Мел, чудо-повар, она часто угощает нас, используя те овощи, которые удается вырастить на грядках прямо здесь во дворе, и многие пациенты ей помогают, только не ворчливый Макс. Тот ни в чем не желает принимать участия и только жалуется. Напоследок Кэт легонько прикоснулась губами к моему лбу, и мне это понравилось, давно я не получал такой ласки. Когда приходит Джина, понимаю я теперь, она мила и сердечна, но тепла в этом нет. Мальчишки Сабрины осыпают меня поцелуями, обнимаются, прижимаются, карабкаются на меня – это я люблю. И Сабрина обнимает меня – чуть ли не по-матерински, все волнуется за меня. Но Кэт – тут я почувствовал связь с ней, почувствовал близость. Я поглядел на нее, ожидая большего, но это, наверное, было бы уж слишком для «нового первого», как мы шутили, нашего свидания. Больше всего в тот момент, когда Ли увозит меня обратно в палату, я боюсь забыть – и завтра снова не узнать Кэт. Сколько раз это уже происходило со мной за этот год, может быть, это же самое событие и происходило, а я забывал его на следующий день или через несколько дней – или через год?

– Монетку за ваши мысли, Фергюс, – шутит Ли, как всегда, заметившая мою озабоченность.

– Я не знаю.

– Вы не знаете?

Она помогла мне выбраться из коляски и пересест на унитаз. Вышла, чтобы не смущать меня, вернется, когда я закончу.

Хочу ли я, чтобы это делала для меня Кэт? Возможно ли для нас будущее? Станет ли мне лучше? Здесь мне хорошо, живу себе, существую, обо мне заботятся, никаких забот. Но Кэт там, за стенами больницы, и теперь, зная, что там есть жизнь, которая была моей, но о которой я до сегодняшнего дня не вспоминал, я растревожился. Я должен вернуться. Должен выздороветь. Должен научиться сам подтирать себе жопу, черт побери!

– С другой стороны, – словно угадав мои мысли, вмешалась Ли, – ведь здорово, когда есть человек, который ждет вас, старается помочь. Человек,

который вас любит. Неплохая мотивация, а, Фергюс?

Я смутился. Неужели я проговорил свои мысли вслух?

– И еще одно: вы сегодня очень много вспомнили. Гораздо больше обычного. Это большой шаг. Помните, как у вас не получалось шелохнуть правой рукой? А потом вдруг вы сумели? Перевернули стакан воды прямо на меня, но я нисколько не огорчилась. Запрыгала от радости, словно дура, пришлось буфера придерживать. Помните?

Я засмеялся вместе с ней, припоминая этот момент.

– Приятно снова видеть вашу улыбку, Фергюс. Понимаю, вам страшно, любые перемены пугают. Но помните – все хорошо, вы с каждым днем крепчаете.

Я кивнул, очень ей благодарный.

– Сильно устали за день? – спросила она, становясь в ногах моей постели и придерживая меня за пятку, сама того словно не замечая.

– А что?

– К вам еще гости. Я решила подождать и посмотреть, как вы себя чувствуете, прежде чем сказать, заходить им или не стоит. Может быть, на сегодня уже хватит. Не хотелось бы загнать вас до изнеможения.

– Нет-нет, я вовсе не устал, – солгал я. Вообще-то я утомился страшно, где я только сегодня мысленно не побывал, и этот день с Кэт, но любопытство победило. Я глянул на часы. Восемь вечера.

– Кто пришел?

– Ваши братья.

– Все сразу? – удивился я. Конечно, в прошлые годы я виделся с ними, но никогда мы не собирались все вместе.

– Пятеро. Не знаю, это все или есть еще?

Пятеро. Это все? Без Хэмиша. Хэмиша нет уже почти сорок лет, но мне всегда его недостает. Нет. Пятеро – это не все.

– Сказать, чтобы зашли? Если не хотите, так и ответьте, – озабоченно повторяет она.

– Все в порядке. Скажите, что я буду рад их видеть.

– Хорошо. И доктор Лофтус тоже, скорее всего, наведается к вам.

Доктор Лофтус, психолог, который беседует со мной раз в неделю, конечно же уже знает, что сегодня ко мне вернулась память.

– Я отойду, бумаги оформить надо. Грейн под рукой, если вам что-то понадобится.

Грейн. Когда она помогает мне подняться, она ухает так, словно я – мешок с картошкой, побыстрее свалить бы.

– Спасибо, Ли.

– На здоровье, – подмигивает она, уходя.

Я услышал их раньше, чем увидел, и они застали меня уже с улыбкой на лице, они пихались в дверях, толпа подростков, каждый норовил протиснуться первым, все такие же шумные и вечно переругивающиеся друг с другом, но нет, они больше не юнцы, какими я их запомнил.

Энгюсу, старшему, шестьдесят три, он почти совершенно лыс. Дункану шестьдесят один. Мне пятьдесят девять. Томми пятьдесят три, очаровашке Бобби – пятьдесят, а нашему крошке Джо – сорок шесть.

– Сюрприз! – орут они, одновременно просовывая головы в дверь.

Кто-то шикает из коридора, наверное Грейн, и они дружно поливают ругательствами того, кто посмел сделать им замечание, и захлопывают за собой дверь.

– Слыхали, у тебя выдался славный денек, – говорит Энгюс. – Вот мы и решили отпраздновать. – Он достает из кармана бутылку виски. – Знаю, тебе пить нельзя, но нам-то можно, так что помалкивай.

Они хохочут, и каждый ищет, где в тесной палате присесть или хотя бы прислониться.

– Кто вам сказал, что у меня был удачный день?

– Кэт. – Дункан произносит ее имя запросто, но остальные тревожно переглядываются.

– Вы знаете Кэт?

– Кто ж Кэт не знает, на хрен? А да, верно, ты до сегодняшнего дня о ней знать не знал. – Это сказал Томми, и его шуточка разрядила обстановку. Томми подставляет Бобби стул, и тот садится, хотя он младший, но Томми всегда заботился о нем, и старые привычки не меняются.

– Она сказала, ты вспомнил про штрафную банку, – говорит Бобби.

– Точно.

– Когда ты это вспомнил?

– А ты-то когда? – посмеивается Дункан над Бобби. – Ты-то занят был, червяков жрал.

Вновь вспыхивает смех, Бобби протестует:

– Да я один только раз, вы что!

Входит доктор Лофтус.

– Вечеринка? – шутливо спрашивает он с порога, а затем пристально смотрит на меня. В палате едва хватает места для всех, кто сюда набился. Жарко стало, а под его взглядом и того жарче.

– Расскажи-ка, Фергюс, – сказал Энгюс, наливая доктору Лофтусу виски. – Почему ты вдруг вспомнил про штрафную банку?

Я смотрю в окно, высоко на темно-синем небосводе виден пепельный лунный круг, и думаю о Сабрине. Ямочки на щеках Ли и ноздря Сабрины. Вот с чего началось.

– Луна, – говорю я.

– Вудистом заделался? – спрашивает Энгюс.

– А что, я в колдовство верю, – говорит Томми. – Я бы мог вам про это порассказать.

– И я верю, – кивает Дункан.

– Да, в этом что-то есть, – присоединяется к ним доктор Лофтус, потирая щетину на лице. – Интересный выдался день.

– Сабрина не могла уснуть в полнолуние, – говорю я, и все почтительно смолкают. Шумная банда, но умеют сдерживаться, когда надо.

Джо не произнес пока ни слова – устроился в уголке, малютка Джо, наблюдает за нами, настороженный, погруженный в себя. Удивительно вообще, что он пришел, но я ему рад.

– Кто из вас, засранцев, украл штрафную банку? – спросил я вдруг, и они все так и грохнули со смеху, Энгюс чуть не описался, буквально, пустился комически жаловаться на свою простату, а Томми, который все еще чересчур много курит, чуть не помер от кашля. Они продолжали спорить, валить друг на друга, перекрикиваться, тыкать друг в друга пальцами, ругательства носились в воздухе.

Я вспомнил эту историю. В банке скопилось без малого пятьдесят шариков, мы в тот месяц здорово бедокурили. В средней школе я обзавелся новым приятелем, его звали Ларри Бреннан, Лампа, он все время ругался. И неприятности умел наживать, а я его вытаскивал. Любимый мой радужный «волчок» угодил в банку после того, как я обозвал Бобби жирным засранцем, и мне ужас как хотелось вернуть этот шарик. Я уж и в аптеку бегал чуть ли не каждую неделю, и плевать, что там в коричневом пакете, чистил картошку, морковку, мыл унитаз, я в тот месяц был просто пай-мальчиком.

– Наверное, сам ты и украл, а теперь не помнишь, – заявил Энгюс, едва отдышавшись. – Но тебе это с рук не сойдет.

Мы все засмеялись.

– Вряд ли это был я, – сказал я и был в этом уверен: снова почувствовал, как горевал, когда банка пропала.

– Честно говоря, я всегда думал на тебя, – заметил Томми. – Ты все время твердил про свой, как бишь этот шарик, парни?

– Радужный «волчок», – ответили хором все, кроме Джо.

Доктор Лофтус рассмеялся, любуясь ими.

– Ты все просил, нельзя ли его выменять, но она уперлась, – добавил Томми.

– Она была упертая, – покачал головой Энгюс. – Упокой Боже ее душу. И я тоже, чтоб не соврать, на тебя думал.

– Это я, – впервые открыл рот Джо, и все обернулись, уставились на него в изумлении. Он виновато рассмеялся, будто опасаясь, как бы его не прибили.

– Ты-то каким боком? – удивился я. – Тебе сколько было тогда? Два года? От силы три?

– Три, и это первое мое воспоминание: я подтащил стул к кухонной полке и снял банку. Я положил ее в свою тележку, помните, деревянная, с кубиками?

Бобби кивнул.

– Только у вас с Бобби такая и была, нам подобной роскоши не покупали, – поддразнил младших Энгюс, но правда в его словах была: Бобби и Джо всегда доставалось больше игрушек, чем нам, мы-то подрастали, отправлялись зарабатывать и отдавали деньги маме, а она баловала двух последышей, в особенности Джо.

– Я прокатил тележку по проулку за домом и перебросил банку через стену. Она разбилась.

– А мама куда ушла? – спросил я, уж и не зная, что думать. Уж кого-кого, а Джо я не подозревал, да и остальные тоже: мы еще долго бранились из-за пропавшей банки.

– Разговаривала с миссис Линч о чем-то, о чем-то важном, наверное, голова к голове, обе курили, помните, как?

Мы засмеялись, припоминая.

– В какой-то момент она заметила, что я отлучился. Схватила меня в проулке и приволокла вместе с тележкой домой. Так что это был я. Виноват, ребята.

– Господи, Джо, ну ты даешь! Всех вокруг пальца обвел.

Младшенькому удалось привлечь всеобщее внимание, и мы в почтительном молчании обдумываем эту новость.

– А мог и простудиться, – сказал я, припомнив, как мама вечно тряслась над Джо. Братья удивленно оглядываются на меня, а потом снова хохочут.

– Мы тебе кое-что принесли, – говорит Энгюс, когда смех стихает. – Одна партия, и мы пошли – если доктор Лофтус не против?

– Я всецело за.

– Та-дам! – Дункан предъявляет на всеобщее обозрение

«Препириательства».

Когда кто-то из членов большой семьи уезжает или умирает, меняется расстановка сил. Все как бы перемещаются, занимают освободившиеся места, принимают роль, к которой раньше только присматривались, или вынуждены бывают выполнять обязанности, которые вовсе не хотели брать на себя. Это происходит незаметно – все время такие сдвиги.

В ту неделю, когда Хэмиш сбежал из страны, а меня прорабатывали жандармы за то, что я был вместе с братом, когда он издевался над теми школьниками, мама точно обезумела. Она никого из нас не выпускала из дому, никуда не ходи, ничего делать не смей. Энгюсу она запретила даже сходить на школьный бал, и это уже было серьезно, тем более что Шивон обещала ему себя. За окном непрерывный дождь, мы уже поубивать друг друга готовы, тестостерон зашкаливает, все мы в двухспальном доме друг у друга на головах. Мэтти со своей стороны готов вышибить дух из сыновей и пасынков, и потому в сто первый раз за день удирает в паб.

Мне пришла в голову удачная мысль. Я уединился на час в углу нашей комнаты – больше нигде посидеть спокойно – и взялся за работу. Дункан заявил, что я там дрочу, и огреб по башке от Энгюса – странное дело, впервые в жизни он за меня вступился. Кажется, и сам был удивлен, но стоял на своем, и мама – тоже впервые в жизни – не всыпала ему, потому что он сделал, по сути, ее работу, так что вышло – мама с Энгюсом заодно и Энгюс со мной заодно. Семейный расклад меняется, это сбивает с толку.

Я вернулся в гостиную с «Препириательствами» – сам сделал игру по описанию в моей книге. Настольная игра, играть можно даже вшестером, задача – провести все свои шарики от старта до финиша, в «дом». Шарики служат вместо фишек, можно пользоваться любыми шариками, лишь бы игроки отличали свои. Игра называется так потому, что когда шарик одного игрока попадает на поле, где уже находится шарик другого, то они «препираются», и первый шарик должен вернуться на старт. Мы с братьями тоже только и делаем, что препираемся с тех пор, как Хэмиш сделал ноги.

Мы садимся играть. Устраиваемся вокруг стола, мама и Мэтти глазам своим не верят: целый час тишины, мы воюем за настольной игрой. Первую партию выиграл Бобби. В марблс я всегда лучший, но в этой игре мои навыки ни к чему, все зависит от брошенных костей. Очаровашка Бобби всегда был везунчиком.

Мы играли весь день, каждый день неделю напролет, а потом маме надоело, что мы вечно болтаемся у нее под ногами, и она выпустила нас

на волю. Так мы выяснили каждый свое место в доме, нашли «дом» не только в игре, потому что мы все это время были рядом, играли вместе, словно в карантине сидели, и научились жить без Хэмиша.

И теперь, спустя сорок лет, мы снова сели играть в моей палате. Не в самодельную версию, в настоящую, купленную Дунканом в магазине. Бобби и на этот раз выиграл.

– Надо же, счастливчик хренов, – удивился Энгюс. – Каждый божий раз.

Я катал шарики левой рукой, правая сторона тела у меня парализована, ею я владею плохо, не смог бы теперь щелкнуть по шарiku, если бы захотел сыграть. Но приятно ощущать их в руке, туда-сюда перекачивать, мне нравится знакомый звук, с каким они сталкиваются и щелкают друг о друга. Ритмичный, успокаивающий звук.

– Простите меня! – сказал я братьям.

Они перестали препираться и уставились на меня.

– За все эти годы. За то, как я себя вел. Я очень виноват.

– Ой, да перестань, ни в чем ты не виноват, – ответил Энгюс. – Мы все... мы все были каждый своим заняты.

Я заплакал и никак не мог остановиться.

Доктор Лофтус вежливо попросил братьев на выход. Прощаясь, они ласково похлопывали меня по спине, по голове. Энгюс задержался, мой старший брат, ставший моим защитником, когда самый старший, мой покровитель и его недруг, сбежал. Он обнял меня, прижал, покачал в объятиях, он плакал вместе со мной, пока мои слезы не иссякли, и я так и заснул, обессиленный.

Я веду машину, и я не могу дышать. Грудь сдавило, мускулы напряжены, я готова наорать на любого, кто не так на меня взглянет, а если кто-то вздумает маневрировать у меня перед носом, точно огребет. Я несусь в больницу, чтобы лицом к лицу выяснить все с отцом, хоть и понимаю, что зря затеялась. Он же ничего не помнит. И нам всем следует быть с ним ласковыми, не давить, не настаивать агрессивно, чтобы он вспомнил то, чего попросту не может вспомнить, потому что этим мы только его расстроим. Но меня распирает гнев. Выходит, все знали про эту женщину и про шарики – все, кроме мамы и меня. Самых близких. Нам, чтобы узнать это, понадобилась свалившаяся неизвестно откуда коробка с шариками. А чего еще я не знаю – о папе, вообще о своей жизни?

Я припарковалась возле больницы и вышла из машины. Парковка затихла, уже начало десятого, большинство посетителей давно отправились домой – кто гулять перед выходными, кто тихонько отдохнуть.

Я только что не вышибла главную дверь и, уже несясь по коридору, начала притормаживать, чувствуя, как грудь распирают эмоции, которые не следует выпускать на волю. Что я творю? Не могу же я вот так ворваться к отцу, разволновать его, расстроить, загнать в стресс, вероятно, усугубить болезнь. Я даже не уверена, что смогу выстроить разговор. Я замедляюсь еще больше и останавливаюсь. Пахнет хлоркой. Успокоительный запах. Я не вылезала из бассейна с пяти лет. Это моя родная стихия, я погружалась в нее целиком, не надо ни с кем говорить, ничего объяснять, плывешь себе под водой. Мое убежище – и в детстве, и теперь.

Ноги замедлились, но разум все так же несется вскачь. Темнеет, на небе виднеется пепельно-черный лунный диск, поглядывает на меня, как я проведу свой день, этот удивительный день. И тут меня настигает главная мысль: может быть, я и в самом деле такой замкнутый, скрытный человек, потому что таинственным и ускользающим был мой отец? Унаследовала ли я от него свой характер? Никогда раньше я не задумывалась об этом, не воспринимала отца как загадочного, да и себя не считала замкнутой, пока Эйдан не поднял этот вопрос. Наверное, себя самого действительно не узнаешь, пока кто-то другой не узнает тебя по-настоящему. Сегодняшняя моя миссия давно перестала быть поиском

недостающих шариков, она превратилась в поиск того человека, которому они принадлежали. Но я не сразу поняла, что, вглядываясь в отца, я вскоре начну по-иному видеть себя. И то, что я увидела, меня не порадовало. Все открытия пока что были скорее огорчительными. Из-за них мне так трудно дышать.

Я совсем остановилась, развернулась и направилась к бассейну. Сквозь стеклянную дверь видно, что там никого нет, разумеется, никто не купается в такое время, а все процедуры и массажи давно закончились. В длину восемь с половиной метров, синие плитки на дне и по стенам, голубая мозаика создает видимость волн. Я открыла дверь, и запах хлорки ударил в нос.

Кто-то меня окликнул. Конечно, вошла куда не полагается, За спиной чьи-то шаги. Я прибавила ходу. И преследователь ускорился. Еще шаги. Потом меня окликнули по имени. Я не могу дышать. Не могу дышать. Грудь сдавило. Я думаю одновременно об отце и о Хэмише, о мраморных шариках и таинственной женщине, о себе и Эйдане. Сбрасываю туфли. Срываю с себя кардиган. Ныряю. Я спасена. Я могу дышать.

Хотела бы я вообще не возвращаться на сушу. Я держусь у самого дна, чувствуя себе невесомой, свободной, напряжение исчезло. Ни о чем не надо думать, тело расслаблено, сердце замедлило бег. На краю пруда появились чьи-то ноги, они переливаются сквозь слой воды, как мираж, словно я тут единственное реальное существо. В ушах хлупает вода, пахнет хлоркой, как приятно волосы щекочат кожу, волосы словно бархат плывут рядом со мной. Я ныряю, кувыркаюсь на дне, наверное, схожа с выброшенным на берег китом, но чувствую я себя словно балерина, словно само изящество. Не знаю, как долго я продержалась под водой – минуту, две, – но пора вынырнуть на поверхность, глотнуть воздуха наскоро, и опять вниз. Вот за что я люблю бассейны. Здесь я чувствую себя на своей территории. В безопасности.

Послышались хлопки – я оглянулась и увидела, как чья-то рука пошлепывает по воде, будто приманивая дельфина.

Со свистом я вылетаю наверх.

Джерри, добрый привратник, смотрит на меня с тревогой, озабоченный, словно я совсем уж сбрендилась, ума лишилась. Мэтью, охранник, не знает, смеяться или злиться, но Ли улыбается во весь рот.

Целая толпа собралась у бассейна. Хорошо хоть папы тут нет. Я подплываю к ним на спине.

– Вылезай, Сабрина, – зовет Ли, протягивая мне руку.

А не утянуть ли ее под воду.

Это все из-за луны.

Но я не стала. Послушно вылезла, буду теперь обтекать.

– Получше стало? – спросила нянечка, набрасывая на меня полотенце.

– Существенно.

Шарик в бутылке

В последний раз я видел Хэмиша – до того труп в лондонском морге, – когда мы расстались в проулке после того, как он вздул двух задолжавших школьников. Мне было тогда пятнадцать, ему двадцать один.

Тогда я видел его в последний раз.

Но не в последний раз слышал.

В семнадцать я закончил школу – единственный из четверых Боггсов добрался до выпускного. Энгюс и Дункан уже работали у Мэтти, и я знал, что мне это предстоит, ничего другого я не мог придумать, чего бы мне по-настоящему хотелось, но, пока работа не началась, у меня впереди было целое свободное лето. До сентября Мэтти не мог взять меня на работу, потому что вакансия ученика была пока занята. Это не означало, что я буду сидеть на попе ровно – я нашел себе работу при школе, помогать уборщику по прозвищу Ржавые Яйца – он такой старый, что чуть ли не скрипит на ходу, потому мы его так и прозвали. Мне платили за эту работу, но я все до пенни отдавал маме, а она выделяла мне карманные деньги, сколько считала нужным. Так у нас было заведено. Все счета приходили на имя Мэтти, а оплачивала их мама. Это я к тому, что мне почтальон никогда ничего не доставлял.

И вот как-то возвращаюсь я домой на обед, весь в грязи, шипы и сосновые иголки впились в кожу, на руках мозоли, морда расцарапана – вычищал из кустов пивные бутылки и всякий мусор. Бобби и Джо играли на дороге, оба на четвереньках, замурзанные руки и ноги – устроили бега улиток. С тех пор как мы начали работать, мы перестали играть на дороге в марблс. Я бы хотел, но парням вечно лень – или они гуляют с девчонками, или идут с Мэтти в паб. Никто не хочет покатать со мной шарик. Томми уже двенадцать, а толку от него – как от шоколадного чайника. А Бобби и Джо наш вирус не передался. Похоже, он кусает только Боггсов. Кое-кого из парней я знаю, кто еще не забросил шарик, но их мало. Похоже, все переросли это увлечение, кроме меня.

Бобби и Джо предупредили меня, что мама не в настроении, так что я скинул у порога грязную обувь и вообще постарался делать все правильно. При этом я понятия не имел, в чем мог с утра провиниться.

– Это что? – вскинулась она, едва меня завидев.

Она стояла у стола, по-обезьяньи уперлась костяшками пальцев в его пластиковую поверхность.

– Что что?

– Вот это! – Она дернула головой в сторону «этого», будто оно ее подслушивало.

Я глянул – на столе посылка.

– Не знаю.

– Не ври мне, будто не знаешь, все ты знаешь! – раскипятилась она.

Я подошел ближе, присмотрелся. Мое имя было написано печатными буквами черной ручкой на коричневой бумаге – небольшом квадратике, свободном от коричневой клейкой ленты, которой была обмотана посылка.

– Правда, ма, не знаю.

Она видела, что я и сам удивлен. Обезьянья лапа скользнула со стола на бедро.

– От Мэриан? – спросил я. Мамин брат Падди живет в Бостоне; его жена Мэриан – единственный человек, кто мог бы прислать мне подарок. Она моя крестная, видел я ее всего раз в жизни и вряд ли узнаю, но на день рождения и на Рождество она присылает мне открытки с чудотворными медальонами. В них я не верю, но прячу у себя в ящике под бельем, потому что выбросить такой медальон – точно к беде.

Мама покачала головой. Она здорово разволновалась. Только потому и не вскрыла сама посылку, что боялась. Никаких собственных секретов нам не положено иметь, все, что происходит у мамы в доме, касается ее, но на посылку она смотрела, словно на бомбу, которая вот-вот взорвется ей в лицо. Все новое или необычное так на нее действует. То же самое, когда в доме появляются новые люди: она затихает и следит за ними, словно они могут вдруг на нее наброситься, и на всякий случай ведет себя резко, от всего обороняется, потому что по-другому не умеет.

Мне бы хотелось вскрыть посылку без ее пригляда, но как ей это скажешь?

– Принесу тебе нож, – сказала она и вышла в кухню. Я было подумал, нож – чтобы защититься от того, что может выскочить из посылки, потом сообразил – это чтобы ее открыть.

Но едва мама вошла в кухню, с улицы раздался душераздирающий вопль, и она ринулась к своему крошке Джо. Пока Бобби докладывал маме, как Джо пчела укусила, я схватил нож и бегом наверх, к себе в комнату. Посылка была неумело упакована, обмотана столькими слоями коричневой клейкой бумаги, что еле продерешься, но я все же справился, отшвырнул бумагу – дальше куча мятых газет, а совсем внутри – синяя стеклянная

бутылка. Ничего не мог понять, пока не покрутил и не разглядел, что сама бутылка пустая, в горлышке резиновая прокладка, а внутри – шарик. Тут у меня сердце забилося, и я понял, от кого подарок. Конечно, доказательств не было, но я угадал: это от Хэмиша. Прошло полтора года с тех пор, как он исчез и не давал о себе знать, но это, я чувствовал, была весточка. Я порылся в грудке газетных обрывков на полу, нет ли записки, но ничего не нашел. Зато разглядел на фото в газете чью-то грудь. Потом еще. Поспешно развернул все газетные обрывки – бутылка, оказывается, была завернута в третьи страницы «Сан», накопленные за две недели. Сплошные титьки. Я расхохотался – только бы мама не услышала. Потом я быстро сложил газетные листки и сунул под ковер в том месте, где он отставал от пола. И побежал обратно на работу, прихватив с собой бутылку, пока мама не обнаружила ее и не принялась задавать вопросы, на которые у меня не было ответа.

– Что это, не знаете? – спросил я Ржавого.

Ржавый, с вечной сигаретой во рту, присмотрелся к бутылке и улыбнулся. Зафигачил свой окурок в кусты, откуда я все утро грязь выгребал.

– Ты это здесь нашел?

– Нет, это мое.

– Если ты нашел это здесь, то мое.

– Нет. Мне брат прислал из Англии.

– Ты даже не знаешь, что это. – Он протянул руку. – Дай мне.

Я отшатнулся.

Он все равно вырвал у меня бутылку – силища же у старика! – и внимательно ее осмотрел.

– Бутылка Кодда, она же бутылочка с шариком. Давненько таких не видел. У моей мамы такие были, пока черно-коричневые^[4] их все не перебили. Мама держала в них пойло. Вообще-то эти бутылки для пойла не предназначены, потому-то она в них и заливала. В них обычно газированные напитки наливали, шипучку, – пояснил он, видя, что я сбив с толку. – Проблема в том, что если пробка пересохнет, газ ее вышибет. Продавцам приходилось все время проверять бутылки и смачивать пробки, кому ж это надо. И вот этот парень, Кодд, придумал выход – шарик. Бутылку переворачивали вверх дном, заливали шипучку, и под давлением газа шарик выскакивал, попадал в резиновое кольцо и прочно запечатывал бутылку. Вот, видишь, а потом шарик можно протолкнуть внутрь, и он не помешает налить газировку в стакан.

– А как его вытащить? – Только это я и хотел знать.

– Только попробуй, и я у тебя насовсем бутылку отберу. Шарик нельзя вынимать. Некоторые придурки ради этого бутылку разбивают, но ты не вздумай. Некоторые вещи лучше оставить так, как есть.

Шарик самый простой, прозрачного стекла, никаких пометок, по которым можно было бы угадать, какой он фирмы или что это за марка. Ничего в нем особенного нет, кроме того, что он находится в бутылке.

– Такие бутылки – редкость. Склянки с ядом всегда были синие, поэтому умные производители напитков такими бутылками не пользовались. Не думаю, чтоб их много сохранилось.

Он поднес ее совсем близко к глазам в поисках отметин, как я бы разглядывал шарик, и я ревниво следил за ним, потянулся за своей собственностью, но он отвел руку. Ухмыльнулся:

– Что дашь за нее? – и сжал еще крепче.

Я мог обругать его, мог с ним сцепиться, но бутылка бы разбилась. К тому же мне предстояло до конца лета трудиться рядом с ним. Нехотя я полез в карман, вынул и отдал ему сложенную страницу из «Сан». Я-то собирался уединиться с ней в кустах, как представится свободная минутка, – с Беверли, девятнадцати лет, титьки зашибись. Ржавому одного взгляда хватило: тут же отдал мне бутылку и на двадцать минут заперся с картинкой в сарае.

Я же остался сидеть на траве, разглядывая синюю бутылку, гадая, что же она значит. И значит ли вообще? Я точно знал – это от Хэмиша, больше не от кого. И шарик, и девицы с третьей страницы – очень в его духе. Он, вероятно, рассчитывал на то, что мама вскрыет посылку или я вскрою посылку при ней. Я прямо-таки слышал его грудной смех, как он, хохоча, заворачивает и обклеивает свой подарочек и жалеет лишь о том, что не увидит наших лиц при получении. Наш Хэмиш, так привязанный к родным, теперь далеко от нас. Нет ли каких еще подсказок, думал я, вертя бутылку во все стороны. Может быть, Хэмиш работает на стеклянном заводе? Может быть, хочет, чтобы я его отыскал? Или он моет бутылки? Большие шарiki иногда называли бутылочными затычками, и теперь я понял почему – из-за таких вот шариков в горлышке. Обозначает ли большой шарик большого брата? Пытается ли он мне что-то сообщить? Я искал спрятанную в бутылке весть, пока не понял, что весть вовсе не спрятана: в бутылке действительно есть для меня сообщение, но Хэмиш не писал его от руки и не засовывал в бутылку – он разыскал и купил мне бутылку с шариком внутри.

И это была его записка в бутылке.

Громко и ясно говорившая со мной.

Она говорила: «Фергюс, я по-прежнему твой брат. Я не забыл тебя, и я не оставил марблс, как все прочие, я знаю, как ты их любишь. Увидел бутылку – вспомнил про тебя. Всегда помню про тебя. Прости за всю дурь, что с нами приключилась. Будем снова друзьями».

Эта весть в бутылке говорила мне: «Помиримся».

Стеклянная посуда запрещена

Я сижу в кафе вместе с Ли, человеком, который умеет дать тебе понять, будто самые странные штуки, какие ты проделываешь, вполне соответствуют норме, как будто она все время только это и видит, сама так поступает – а может быть, и правда так и есть. От нее просто волнами идет тепло, забота, понятно, почему папа привязался к ней, а на других все время жалуется.

Уже вечер. Кафе закрыто, работают только автоматы с чаем и кофе, рядом с ними мы и пристроились. Папа спит, он уже уснул к той минуте, когда я припарковалась у больницы и вбежала в нее так, словно хотела застать его врасплох. Вот и хорошо. После плавания я пришла в себя, и не надо врываться к отцу с вопросами обо всем, что выплыло нынче наружу.

Ли ничего говорить не надо, она сама обо всем догадывается, так папа говорил. Навык, которого так недостает всем нам, особенно в наших близких. Взять хотя бы Эйдана. Как было бы хорошо, если бы он разбирался в моих чувствах, не задавая вопросов, а то он все время теревит, все ему кажется, будто со мной что-то неладно, что-то с нами неладно, срочно пора исправлять. Мы уже два месяца регулярно ходим к семейному психологу, хотя у нас, по-моему, все в порядке. Но это из-за меня. Я закрытая. Вся в себе. Так он говорит мне, но ведь я всегда была такой – почему он вдруг теперь всполошился?

Впрочем, знаю почему, на прошлой встрече с психологом он сказал: ему кажется, будто мне с ним плохо. Но мне хорошо. Все с ним в порядке.

Ты счастлива?

Да, я счастлива с тобой.

А сама по себе ты счастлива?

Господи, Эйдан, ты уже сам заговорил, словно эти психологи!

Да, понимаю, но все же? Ты счастлива?

Ага. Да. Я люблю свою работу. Я люблю детей, тебя люблю.

Да, но это все не ты.

То есть как – моя работа, мои дети и мой муж – это все не я? – Тут я уже кричу.

Не знаю. Успокойся. Я просто спросил. Ты очень напряжена.

Я напряжена, на хрен, потому, что ты все время задаешь вопросы.

О'кей, ладно, тебе это надо, давай будем разбираться. Счастлива ли я сама по себе? В целом да, но я устаю, я замучена, в семь подъем, завтрак, сборы в школу, отвезти детей в школу и детский сад, работа, забрать детей, обед, занятия с ними, ужин, мытье, укладывание, сон. На завтра все снова. Масло, ветчина, сыр, хлеб, бутерброд. Засыпать изюм. Следующий.

Но тут ведь ничего не изменишь, правда? Детям нужно в школу. Тебе на работу.

Вот именно, так что хватит докапываться.

Может быть, ты бы хотела сменить работу?

Нет, я люблю эту работу.

Точно?

Точно ли? Любила. А сейчас уже нет.

А еще я хотела бы скинуть вес, который набрала после Алфи. Семь фунтов. Грудь стала жирная. Хочу от этого избавиться. Хочу снова делать шпигат на пляже, когда мы поедем, и пусть все смотрят.

Так занимайся.

Времени нет.

Есть – по вечерам. Я побуду с детьми, а ты погуляй. Хотя бы с соседками по району.

Я не собираюсь, на хрен, гулять ни с какими, на хрен, соседками по району, на хрен! Они только и умеют что сплетничать и ссориться, мне это на хрена? Перестань смеяться надо мной, Эйдан!

Прости. Тогда запишись в бассейн. Будешь плавать сама по себе, а то у тебя на это сейчас времени нет.

По вечерам, да? Когда вымотаюсь так, что хочется либо в постель, либо на диван и включить телевизор. Или побыть с тобой, потому что, если я стану уходить по вечерам, когда же мы будем вдвоем?

Ляжешь на час позже.

Да я и так подыхаю, на хрен.

Ладно, ладно, перестань ругаться.

Извини. Просто я не хочу поручать тебе детей ради того, чтобы отправиться в бассейн. Лучше уж я куда-нибудь схожу, с друзьями повидаюсь. А так твое доброе дело пропадет зря.

В этом дело? Ты хотела бы куда-то сходить, бывать в гостях? Ты часто говоришь, что устала и никуда не хочешь.

Я устала. И от этого разговора тоже.

Я просто хочу помочь, Сабрина. Я люблю тебя.

И я тебя люблю. Честное слово, не в тебе дело, и вообще ни в чем,

ты слишком много об этом думаешь.

Ты уверена? Это не из-за...

Нет. Не из-за. Давно прошло. Даже говорить об этом не хочу. Не в этом дело.

Ладно. Ладно, но ты уверена?

Уверена ли я?

Да. Да, уверена.

Хочешь, чтобы я больше помогал? Больше делал по дому?

Нет, ты и так много делаешь, ты замечательный, помнишь, на прошлой встрече с психологом мы составляли список дел, ты замечательный, ты делаешь гораздо больше, чем я замечала, ты замечательный, Эйдан, не в тебе дело.

Тогда в чем?

Эйдан, перестань. Ни в чем. Вообще ни в чем.

Если что-то есть, скажи мне. Потому что с тобой не поймешь, Сабрина. Ты такая скрытная, сама знаешь. Ты все держишь в себе.

Потому что не собираюсь раздувать, потому что все в порядке, потому что ты драматизируешь, а на самом деле все в порядке. Я просто устала, вот и все. Дети когда-нибудь подрастут, и я не буду так уставать.

Ладно. А в пятницу я поеду с ними смотреть затмение, а ты сможешь отдохнуть, весь день после работы твой, ты, главное, ничего не делай, пальчиком не шевели, договорились?

Договорились.

– Расскажите, что вам удалось узнать? – просит доктор Лофтус.

Доктор Сексапил, как называет его Ли, уже уходил с работы, когда я нырнула в бассейн, однако молва разнеслась быстро, и он пришел поговорить со мной. Ценю внимание, но все же надеюсь, что не придется платить за эту беседу с психологом. Я рассказала доктору Лофтусу все, что успела выяснить за сегодня об отце, о его двойной жизни – интересно, много ли из этого было доктору уже известно, ведь он целый год общался с Кэт и с братьями отца. Все всё знали, все, кроме меня. Теперь я понимаю, каково приходится отцу: все вокруг помнят то, что ты забыл, это мучительно. Меня это сбilo с курса. И кажется, больше всего меня огорчает тот факт, что в какой-то версии отцовской жизни я не существую, он предпочел, чтобы это было так. Пришлось мне проглотить ком в горле, прежде чем я смогла продолжить рассказ.

Доктор Лофтус слушал молча.

– Вы об этом знали? – спросила я.

Он не спеша обдумал мой вопрос.

– Они приходили ко мне в разное время и старались помочь в лечении Фергюса, рассказывали мне то, что, по их мнению, мне следовало знать о нем, что сам он уже не знает, так что – да, кое-что из того, о чем вы говорите, мне было известно, однако далеко не все, в особенности для меня неожиданно, что он использовал имя брата. Это новость для меня. – Подумав, он продолжал: – Инсульт часто приводит к потере памяти. Вы это знаете, мы это с вами обсуждали: путаница, проблемы с кратковременной памятью, риск заблудиться или потеряться даже в знакомых местах, трудности при выполнении инструкции, все это в более или менее сильной степени отмечается у Фергюса. Память может со временем улучшиться, спонтанно или в ходе реабилитации, и мы наблюдали признаки и того и другого вида улучшения, используя методы тренировки мозга. Тем не менее, – тут он подвинулся на край стула, уперся локтями в шаткий столик, рукава засучены, усталые глаза человека, работавшего с раннего утра, – тем не менее подавленные воспоминания или диссоциативная амнезия – явление принципиально иной природы. Подавленные воспоминания – это предположительно те воспоминания, которые человек, сам того не сознавая, блокирует, поскольку они связаны с сильным стрессом или травмой. Подавленные воспоминания – весьма сложный вопрос, некоторые специалисты предполагают их у жертв какой-либо травмы, другие это оспаривают. Некоторые надеются восстановить такие воспоминания терапевтическими методами, другие опять-таки сомневаются.

– Вы думаете, папа умышленно подавил воспоминания о марблс?

Он опять взял паузу на размышления. Не готов ответить однозначно, да это и невозможно, такая уж у отца болезнь – это всех нас сбивает с толку и озадачивает. Почему одно он помнит, а другое нет, почему одно и то же может то вспомнить, то забыть? Инсульт повредил его память – вот единственный ответ, каким я располагаю.

– Он узнает вас и вашу мать и помнит прожитые с вами годы, помнит свое детство и отношения с другими членами семьи, но забыл о примирении с братьями незадолго до инсульта, забыл женщину, в которую был влюблен, и ничего не помнит о марблс.

– Но вы сказали, что люди обычно блокируют то, что связано с травмой или стрессом. Шарики он любил и с этой женщиной, и с братьями, судя по всему, был счастлив.

– Да, но вы же сами говорите: ради игры в марблс он разделил свою

жизнь надвое. Ему пришлось стать двумя разными людьми, жить двойной жизнью. Перед insultом он подвергался сильному стрессу из-за денег, из-за потери работы, этот стресс еще более усиливался попытками сохранять двойную жизнь. Конечно, Сабрина, это всего лишь теория, – эти слова он произнес уже разговорным тоном, и я поняла, что официальная часть встречи закончилась, речь не идет о медицинском диагнозе, – и час у нас поздний, я устал, так что я всего лишь предлагаю свои догадки. Но если в какой-то момент он решил, что причина стресса – шарики, то этим можно объяснить, почему он подавляет связанные с ними воспоминания, хотя в прошлом они, безусловно, приносили ему много радости. Изначально шарики означали для него свободу, убежище, но потом превратились в ловушку, из которой он не находил выхода.

– И нашел выход, забыв о них? – Я так на него сердилась, так эгоистически была на него обижена, что не задумывалась, какому он подвергался стрессу, пусть и по собственной вине.

– Подавление происходит бессознательно. Он же не принимал сознательное решение, что ему заблокировать, но ради собственного спасения... – Незаконченная фраза повисла в воздухе.

Я вновь увидела выражение на лице отца, когда я предъявила ему кровяники. Узнавание. Радость. Испуг. Смятение.

– Если бы я показала ему шарики, это было бы для него опасно? Могло бы... снова вызвать insult?

Он покачал головой, не дав мне договорить:

– Никакого insultа, Сабрина. Расстроить, пожалуй, могло бы. Но могло бы и обрадовать, – сказал он, пожимая плечами. Опять нет определенного ответа.

Снова я представляю себе лицо отца, когда сегодня утром он увидел кровяники, как оно менялось от непонимания до растерянности, как боролось в нем два человека – тот, кем он стал сейчас, и тот, кого он вытеснил. Не хочется подвергать его новым испытаниям.

– Такая смешанная реакция наблюдалась и сегодня вечером, когда братья принесли игру в шарики. Он был в восторге, а потом заплакал. Но, мне кажется, сегодня он сумел многое проработать, на уровне подсознания многое уложилось по полочкам.

«То есть он выздоравливает», – сказала себе я.

Ли успела сообщить мне о визите пятерых дядюшек. Я разминулась с ними, когда с порога нырнула в бассейн, а папа тем временем уснул, утомленный столь насыщенным днем.

– Я обнаружила шарики в коробках, которые доставили сегодня

утром, – пустилась я в объяснения. – Несколько недостает, и я пыталась их отыскать. Они дорого стоят. Но когда выяснилось все это...

Он ободряюще кивал мне.

Вдруг я закрыла руками лицо:

– Может быть, это я с ума схожу!

– Нет, – рассмеялся он. – Продолжайте.

– Я подумала, если собрать все шарики и принести ему, они каким-то чудом раскроют все, что у него в памяти заблокировано. Понимаю, так невозможно вылечить человека, но... по крайней мере, я хотела бы попытаться помочь.

Голова гудела от всех открытий этого дня – не только отцовские тайны обрушились на меня, но и сейчас, с наступлением ночи, почувствовав себя в безопасности под покровом тьмы, стали проступать мои собственные тайные желания.

– Сабрина, каждый ваш визит – большая помощь. Вы разговариваете с ним. Никто не знает, что может спровоцировать память – звук, какое-то ощущение или такие вспомогательные методы, как направленная визуализация, бессознательное письмо, работа со снами, физические упражнения, гипноз. И даже непосредственно в моей профессиональной области не все признают существование подавленных воспоминаний и возможность их восстановления. Некоторые коллеги, специалисты в области памяти и когнитивных функций, настроены скептически.

– А вы сами?

– У меня полон кабинет всевозможных книг, я сверяюсь с ними: что сказать Фергюсу, как обращаться с Фергюсом, но по правде говоря, – он раскинул руки, совершенно измотанный, и я почувствовала укол совести – зачем так надолго его задержала, – на самом деле важно лишь одно: что сработает.

Я стараюсь соображать побыстрее, понимая, что в любой момент доктор может уйти, ему пора домой в свою собственную жизнь с ее хлопотами. Для себя я решила, что не стану расстраивать папу, обрушивая на него разом коллекцию, там с каждым шариком связаны свои воспоминания, это будет чересчур много для него. Но хотелось бы, чтобы радость вернулась к нему.

– А если купить ему новые шарики – чтобы появились новые воспоминания, новая радость?

Он улыбнулся:

– По-моему, в этом нет вреда.

– Который час? – я глянула на часы. – Почти десять. Где продают

марблс в десять вечера?

Он рассмеялся:

– Непременно хотите все сделать в один день?

Да, непременно. Объяснить ему это я не могу, но у меня дедлайн. Завершить все сегодня, а то иначе... А то что? Все так навсегда и останется? Да, завтра мне снова белкой вертеться в колесе.

Прощаясь с доктором Лофтусом, я мысленно провожу самоосмотр. Джинсы все еще мокрые после купания, сколько я не пыталась подсунуть ноги под фен в раздевалке, под толстовкой с капюшоном отсутствуют лифчик и футболка, они вместе с трусами сложены в пластиковый пакет. Смириться с реальностью? Признать, что в один день невозможно осуществить миссию по спасению отца? Завтра я проснусь, вернется Эйдан с детьми, они сожрут все мое время, и эта мечта испарится, как уже много других желаний попроще, которым так и не довелось сбыться. Надо ехать домой, поспать, отдохнуть, восстановить силы, ведь затем Эйдан и увез детей, чтобы я отдохнула. Вся идея была в этом. Но тут на пороге возникает Ли:

– Доктор Сексапил ушел?

Я засмеялась.

– Я не подслушивала. То есть ладно, подслушивала, но не задавай лишних вопросов. – Она сунула мне сложенный лист бумаги. – Я зафрендилась в фейсбуке парня, у нас сегодня свидание, первая встреча – то есть ладно, не в фейсбуке, на сайте знакомств, но, если каким-то чудом окажется, что он выглядит хоть отчасти похоже на свой аватар, я завтра же выйду за него замуж. – Нервный смешок. – В общем, он художник. По дереву работает. И у него полно друзей-художников. Вот.

Она сунула мне в руку записку с адресом.

– Что это?

– Твой отец меня просто с ног сшиб. Никогда не видела такое улучшение за один день. Хочу помочь.

Копии, подделки, химеры

Кэт сидит за столом в белом платье, белые цветы в волосах. Она прихлебывает из бокала белое вино и заразительно смеется, запрокинув голову, на ее озорной смех немедленно откликаются все остальные. Так всегда с Кэт: смешит не то, что она скажет, но ее реакция на шутку. Было бы наивно утверждать, будто она всегда в хорошем настроении – конечно, не всегда, особенно когда старшая дочь достает, эта странная молодая женщина с вечными проблемами только и бывает счастлива, если сумеет сделать свою мать несчастной. Но Кэт живет мимо этих трудностей, чуть ли не вопреки им – умеет все забыть и наслаждаться жизнью как она есть или хотя бы наслаждаться другой ее стороной. Не допускает, чтобы одна сторона жизни накладывалась на другую, аккуратно разделяет заботы и проблемы. Не так, как я – я разделил свою жизнь надвое, а от проблем не избавился, из жизни Хэмиша О’Нила они проникали в жизнь Фергюса Боггса, и наоборот. Вот, например, сегодня, в этот прекрасный день, она говорит: «К черту все проблемы, будем наслаждаться этой минутой, тем, что мы делаем сейчас».

Меня эта ее способность и восхищает, и сводит с ума. Как можно игнорировать проблемы? Но она не вовсе их игнорирует, просто отодвигает в сторону, подумает о них, когда ей будет удобно. У меня так не получается. Я все время думаю о них, пока не рассосутся. А как далеки мы нынче от своих проблем? За пять тысяч миль, в центре винодельческого региона Калифорнии, на свадьбе у ближайшей подруги Кэт. Ей пятьдесят, жениху шестьдесят – не юные пташки и оба не в первый раз вступают в брак, но кажутся влюбленными подростками, оторваться не могут друг от друга, как я от Кэт. Похоже, выдалось лето вторых браков, я присутствую уже на третьей свадьбе и всякий раз вспоминаю свою первую, тем более что начались эти свадьбы со свадьбы моей жены. Меня туда не приглашали, но сам факт сильно подействовал на меня. Я и не ожидал приглашения, мы с Джиной за пятнадцать лет со дня развода добрым словом не обменялись, но, хотя после меня у нее появлялись партнеры, я все еще считал ее своей женой. А теперь у нее другой муж, и я заново перебираю все, что сделал не так. Как хорошо все начиналось, как я восхищался ею, почитал ее и хотел одного: угодить. Именно это и погубило наш брак,

погубило меня. Почему я не научился видеть в ней то, что она есть, ведь она любила меня таким, каков я есть? Как бы я ни старался изменить себя, корни оставались те же, и она любила настоящего меня – по крайней мере, какое-то время. Но нежная девушка с веснушками исчезла, осталась недовольная, все время срывающаяся женщина. Это я сделал ее такой? Это все моя вина?

Мы сидим в винограднике на побережье Калифорнии, в самом сердце винодельческого региона. Санта-Барбара, июль, невыносимая жара. Кэт в своей стихии, все гуще становится ее бронзовый загар под палящим солнцем, скинула туфли, шевелит пальчиками с розовым маникюром, глубокое декольте тоже забронзовело. Свет моей жизни, но чем сильнее она пригревает, сияя, тем ощутимее надвигающаяся на меня тень. Время на исходе. Я ушел с солнца, не в силах вынести жару. Белая рубашка насквозь промокла, из-за этого нельзя снять пиджак, в котором мне так жарко. Я прячусь, как могу, в тень, галлонами пью воду, но вес, вес, никогда еще я не набирал столько лишнего веса – на двадцать пять килограммов больше обычного, то-то мне так жарко, так неудобно, яйца потеют, в паху все слиплось, воротник рубашки стискивает шею. Рядом со мной плюхнулся мужчина в белом летнем костюме и белой шляпе, говорит, что торгует предметами искусства, а сам способен болтать только о гольфе, участвует в турнирах по всему свету и каждый описывает так подробно, что хочется попросить его заткнуться на хрен, на хрен, на хрен! Но я сдерживаюсь ради Кэт. Я сам виноват, обронил, что когда-то играл в гольф – играл, сто лет тому назад, больше ради интересов дела, когда был финансовым консультантом и это помогало поддерживать связи. Мне пришлось продать клюшки, отказаться от членства в клубе, поскольку нет ни денег, ни свободного времени для таких досугов. Все мои знакомые поступили точно так же, а на вырученные деньги купили велосипеды и тренировочные костюмы и катаются по воскресеньям. Слушать подробные описания игры, в которой я больше не участвую, – это здорово взбадривает, да уж.

Я не хотел ехать. Когда Кэт сказала мне про это приглашение, я сразу ответил, что ехать не хочу, но на этот раз она уперлась. И все расходы взяла на себя. Что бы я не говорил себе, отправляясь в первый медовый месяц, сейчас я отношусь к жизни иначе и не хочу, чтобы кто-то платил за меня. Я хочу сам за себя платить, но у меня не было денег на билет и тут тоже ни на что нет денег. За все платит Кэт. Каждая мелочь, все, что она для меня делает, мучит меня так, словно мне яйца режут. Да еще и эта компания мне совершенно не нравится. Всем было бы лучше, если бы она позволила мне

остаться дома.

Кэт оглядывается на меня и улыбается, но я вижу в ее глазах тревогу. Натягиваю фальшивую широкую улыбку, клоунски обмахиваюсь, давая понять, почему перебрался в тень. Она снова улыбается и включается в разговор, и я тоже с преувеличенным оживлением пускаюсь беседовать с этим торговцем предметами искусства, пусть Кэт, бросая исподтишка на меня взгляд и думая, будто я этого не замечаю, видит, что у меня все в порядке.

Посреди описания игры в Пиббл-бич, «пар на восьмой лунке», что бы это ни значило, телефон у меня в кармане завибрировал. Я извинился, постаравшись скрыть свою радость, и удрал в дом, где работали кондиционеры. Там, благо меня никто не видел, я снял пиджак и сел. Сообщение, которого я ждал, – от Сони Шиффер, я связался с ней, как только узнал, что мы едем в Санта-Барбару. Общаясь с ней втайне от Кэт, я снова почувствовал то возбуждение, с каким планировал вечер игры или отъезд на матч, придумывая для Джинны очередную ложь. На этот раз к волнению присоединялись угрызения, рядом с Кэт моя совесть пробудилась, но все же не в силах была заглушить настойчивой потребности удрать от всех и встретиться с этой женщиной. Я ломал себе голову, как же это проделать, заготовил заранее план, но теперь пришлось его пересмотреть. Наша гостиница оказалась далеко от того места, где празднуется свадьба, незаметно ускользнуть, как я рассчитывал, не удастся, нужно ехать на автобусе или чтобы кто-нибудь подвез, а если я притворюсь, будто мне дурно, Кэт конечно же поедет со мной. Скоро начнется музыка, она любит танцевать. Она будет танцевать ночь напролет со всеми желающими, как она обычно делает. Танцует она замечательно, я люблю на нее смотреть, но на этот раз это будет подходящий момент, чтобы скрыться. Ее с танцплощадки четверкой лошадей не стащишь. Скажу, что устал после перелета или что с желудком неладно. Устриц переел.

Наша гостиница в двадцати минутах езды отсюда, а тот отель в Санта-Барбаре, где намечена встреча с Соней, – в сорока минутах. Нужно добраться до своей гостиницы, там взять машину и поехать в город. Справлюсь ли я? Встретиться с Соней и вернуться, пока веселье не закончилось и Кэт не отправилась меня искать. Не знаю, получится ли, но чем скорее я отправлюсь, тем выше мои шансы. При виде меня Кэт нахмурилась, встревоженная, – я потер брюхо и сказал ей второпях, что еду в гостиницу, засяду в туалете. Она знает, что я не люблю пользоваться чужими туалетами. Я пообещал не задерживаться, еще вот только рубашку

переменю, мне так неловко, веселись тут пока, я быстро, к танцам вернусь. Конечно, Кэт беспокоится за меня, она заботливая, но она также привыкла сама распоряжаться собой, двадцать лет прожила одна и научилась другим тоже предоставлять свободу – словом, меня отпускают с праздника одного, я быстро принимаю душ, переодеваюсь в чистые штаны и свежую рубашку, хватаю свою сумку и еду в Санта-Барбару.

Встреча назначена в мотеле, я припарковался и поднялся на второй этаж. В конце коридора все номера открыты, как меня и предупреждали: здесь проходит аукцион. Соню я узнал сразу – по фотографии, к тому же вокруг одни мужчины. В свои семьдесят четыре года она опубликовала две книги о марблс, об играх и коллекционировании; это один из самых уважаемых экспертов в нашем мире. Я попросил ее оценить мою коллекцию – вернее, коллекцию Хэмиша О’Нила, – и, посмотрев присланные ей фотографии, она согласилась пообщаться, моя коллекция ее заинтересовала. Она весит полтора центнера, колени изуродованы артритом, вокруг фанатики, сражающиеся за каждый момент ее времени, но едва я вошел, все словно бы исчезли, только я и она – ей, как и мне, не терпелось перейти к делу. В четырех номерах мотеля сравнивают шарики, оценивают, меняются. Я бывал и раньше на таких собраниях – разумеется, как Хэмиш О’Нил – и всегда приходил в экстаз просто оттого, что оказывался среди людей, столь же погруженных в марблс, как я сам. Когда чей-то взгляд загорается при виде «гвинейской кобры» в идеальном состоянии, или «прозрачного полосатика», или «экзотического завитка», или при виде коробки образцов, которая раньше не попадалась этому любителю в руки, я убеждаюсь, что я – не единственный фанатик, очарованный миром марблс. Конечно, среди этих людей есть еще большие, чем я, безумцы, они тратят всю свою жизнь, все сбережения на коллекцию и даже не играют, но на таких встречах я всегда чувствую себя словно в окружении друзей, становлюсь вполне самим собой, хотя и укрываюсь под именем брата.

У меня имелись обе Сонины книги. Одну я купил специально для того, чтобы оценить свою коллекцию, но сразу понял, что могу дать маху или стану жертвой мошенников. Я связался по интернету с Соней и привез шарики ей на экспертизу. Не все, конечно, иначе пришлось бы платить за перевес, да и не мог я упаковать в дорожную сумку слишком много шариков незаметно для Кэт. Я взял те, которые казались мне наиболее ценными. Продавать я их не собирался, о чем заранее предупредил Соню. Я еще не решил, буду ли их продавать, никогда прежде об этом не думал, но такой момент может настать. Банк прижимает меня с ипотекой

за квартиру в Роскоммоне, дурацкая попытка инвестировать средства в жилой дом посреди ничего, – стоила она при покупке слишком дорого, а теперь не стоит ни гроша, а поскольку запланированная инфраструктура – школа, магазин и все прочее – так и не была построена, сдать квартиру тоже не получится, как же мне выплачивать ипотеку?

Нужно оценить хотя бы часть коллекции и понять, чем я располагаю.

Хотя я приехал на машине и мне предстоит возвращаться, Соня настояла: мы должны вместе выпить виски. Я видел, что от моего согласия зависит, возьмется ли она оценить марблс. Она собирается приятно провести ночь, торопить ее нельзя. Ладно, завтра буду переживать из-за этой машины, завтра придумаю, как объяснить все Кэт, пока не знаю как. Изобрету что-нибудь.

– Ну и ну, хорошенькая у вас коллекция, – сказала Соня, усаживаясь за столом в номере. Вокруг вертятся люди, болтают, меняются, играют, кто-то смотрит, как Соня работает, но я никого не замечаю, смотрю только на нее. Огромная, такая толстая, что попа свисает по обе стороны сиденья. Я для нее – Хэмиш О’Нил, победитель мирового чемпионата 1997 года, лучший игрок в индивидуальном зачете в том же году. Для начала она хочет поговорить об этом, и я с радостью воскрешаю дни своей славы, ведь так немного на свете людей, с кем я могу этим поделиться. Я рассказываю все подробности, как мы десять раз подряд выбивали немцев, не давая им и шарика бросить, а потом в баре Бахтер из моей команды подрался с кем-то из германской шестерки, и американцам пришлось их мирить. Мы посмеялись, но я видел, что сумел произвести на нее впечатление, а затем мы занялись шариками.

– Я купил книгу, надеясь, что смогу разобраться в своей коллекции, но понял, что это искусство, причем такое, каким мне не овладеть, – сказал я. – Я и не думал, что существует столько поздних копий.

Она внимательно посмотрела на меня.

– Не стоит так переживать из-за копий, Хэмиш. В мире коллекционеров это обычное дело, брильянты и солнца появились в подражание луковой коже, кошачьи глаза воспроизводили завитки, кирпичи, бабки, «acro» и «карнелион» подражали ручной обработке камня, тем не менее все эти марблс высоко ценятся и по сей день, за исключением, разумеется, кошачьих глаз.

Я усмехнулся, вспомнив, как поддразнивал Кэт: ее кошачьи глаза не годятся в коллекцию, хотя в моей жизни нет ничего дороже ее. Соня наблюдала за мной, сдвинув очки к кончику носа. Наблюдала так, словно оценивала не марблс, а меня самого, хотя каждый шарик брала в руки,

поворачивала так и сяк, рассматривала сквозь зажатую в толстых пальцах лупу с десятикратным увеличением – почти на каждом пальце золотые кольца, окруженные складками жира. Эти кольца ей, конечно, с пальцев не снять.

– Всё и все, как правило, притворяются чем-то другим.

Я вздрогнул: как точно она оценила меня. Словно бы знала, что я не Хэмиш О’Нил, хотя откуда ей знать?

Пока она изучала марблс, я выпил слишком много виски. Наконец она заговорила:

– У вас тут несколько копий – вот и вот, – вот этот шарик чинили, чтобы скрыть трещину, видите крошечные складки и помутнения?

Я кивнул.

– Стекло повторно разогревали. И есть несколько химер, – продолжала она, перемещая шарики. – То, чего никогда не существовало в оригинале. Пластиковые пакеты со старыми названиями, – с отвращением уточнила она. – Но в целом все очень неплохо. У вас зоркий глаз.

– Хотелось бы надеяться. Посмотрим, да?

– Посмотрим. – Она окинула взглядом коллекцию и засмеялась с одышкой. – Надеюсь, вы никуда не спешите: на это уйдет вся ночь.

Только в четыре утра кто-то по прозвищу Медведь закинул меня обратно в гостиницу на пикапе и помчался прочь. Я ничего перед собой не видел, распив на двоих с Соней бутылку виски. Попытался сосредоточиться на тропинке и рухнул вместе с сумкой шариков в кусты. Расхохотался, выбрался оттуда и побрел в номер.

Когда пикап проносился мимо виноградника, я успел заменить, что свадьба уже завершилась и не осталось ни одного гостя, даже моя Кэт не отплясывала. Необычно для ирландской свадьбы, но мы же не в Ирландии, и мне следовало бы предвидеть, что такие консервативные люди разойдутся рано. Я ввалился в гостиницу под сердитым взглядом хозяина, которому пришлось подняться в этот безбожный час, чтобы мне открыть, и по пути к лестнице налетал на все – на косяки и на мебель. Когда я дошел до номера, Кэт, уже каким-то чудом угадав, распахнула дверь, лицо искажено обидой.

– Где ты шатался, черт побери?

И я понял, что опять сделал это. Что бы я о себе ни думал, как ни надеялся измениться, я снова и снова причиняю людям боль. Хэмиш во мне берет верх, но полно валить вину на мертвого. Это я, а не он. Я. Это всегда был я.

Алкогольные напитки запрещены

Я жду Ли в машине, она собирается на вечеринку. Включила обогреватель, чтобы просушить прилипшие к ногам джинсы. Вновь вытащила из сумки и пролистала каталог – воспоминания моего отца, вся его жизнь, записанная красивым почерком. Просматриваю фотографии той статьи со стены «Мраморного кота». Фотографии зернистые, папа прячется за чужими спинами, но это он. И тут я впервые заметила дату в газете.

Позвонила маме, она ответила удивительно быстро для столь позднего часа.

– Привет, мам, надеюсь, не разбудила.

– Вовсе нет, мы тут пьем вино, Роберт напился и пишет твиты НАСА. – она засмеялась, и я отчетливо расслышала крик Роберта: мол, инопланетяне машут ему руками с Луны. – Мы вышли на балкон полюбоваться черным полнолунием. Чудесная ночь. Но ты конечно же не можешь уснуть, ты ж и в детстве не могла уснуть из-за луны, помнишь? Забиралась к нам в постель. Помню, однажды Фергюс унес тебя вниз и сварил горячий шоколад. Я застала вас обоих в темноте за кухонным столом: он уснул, а ты глядела в окно.

Это все из-за луны.

Я улыбнулась воспоминаниям.

– Не очень-то я с тех пор изменилась.

– Мальчики хорошо провели день? – спросила она.

– Замечательно.

Она снова засмеялась:

– Уверена, и ты тоже. Приятно иногда побыть одной. Тебе такая возможность редко выпадает.

Пауза.

– Все в порядке?

– Помнишь мое тринадцатилетие? У нас на заднем дворе был шатер, верно?

– Да, тридцать человек гостей, еда на заказ, столько хлопот.

– Папа был? Я что-то не припомню.

– Да, был.

– Значит, в тот день он никуда не уезжал? – Газетная статья датирована днем моего рождения, а чемпионат закончился накануне.

Она вздохнула.

– Столько лет прошло, Сабрина.

– Понимаю, но, может быть, ты припомнишь?

– Разумеется, он был на празднике, посмотри фотографии, он там повсюду.

Тут и я вспомнила. Я в короткой юбке и на высоких каблуках, словно шлюха, как мама только позволила мне разодеться подобным образом – впрочем, кого я слушала.

– А накануне?

– Что ты узнала, Сабрина? Ну-ка выкладывай! – командует она.

Тон жесткий, мне это неприятно.

– Я так и подозревала, – не дождавшись ответа, продолжает она, – и, вероятно, ты именно этому нашла подтверждение – что он завел интрижку на стороне. Он сказал, что едет в Лондон на конференцию, но я позвонила в гостиницу, а там его имени даже не слышали. Я подозревала неладное, он такое не в первый раз проделывал – скажет, будто едет в одно место, а сам едет в другое. Я это уже знала. Он вернулся утром твоего дня рождения. Я все ему высказала, но он и в тот раз как-то вывернулся, я уже не помню как. Вышло, как всегда, будто это я параноик. Так что? Что ты узнала? Кто это был? Та отвратительная Регина? Один бог ведает, сколько их было еще, но эту связь он всегда отрицал. Но я всегда подозревала, что они были вместе еще до нашего развода.

– Нет, он, кажется, был не с женщиной, мам. У него и впрямь была интрижка, только не такая, как ты подозревала. – Я сделала глубокий вздох. – Он поехал в Англию, на мировой чемпионат по марблс. Его команда из шести человек, «Электрические бабки», выиграла. В день моего рождения в газете появилась статья с фотографией. Он прячется на втором плане, но я его узнала.

– Что? Чемпионат по марблс? О чем ты? – Голос ее звучит нечетко, я соображаю, что не лучший момент выбрала для такого разговора, надо было отложить, но я не могла.

– Я же тебе сказала, мама, он всю жизнь играл в марблс. Участвовал в соревнованиях. И коллекционировал шарики.

Она умолкла. Слишком много информации, наверное.

– На фотографии я его узнала, но он играл под другим именем. Хэмиш О’Нил.

Слышно было, как она резко втянула в себя воздух:

– Господи, Хэмиш – это же его старший брат, он погиб, когда Фергюс был еще очень молод. Он мало рассказывал о нем, но кое-что я постепенно узнала. Фергюс его боготворил. О’Нил – девичья фамилия его матери.

Значит, Мэтти был прав. Это все Хэмиш. Он умер, скрываясь под именем моего отца, и отец в свою очередь принял имя Хэмиша. Не уверена, смогу ли я когда-нибудь до конца понять, почему он так поступил. Не уверена, что мне это следует знать.

– Кубок лучшего игрока в индивидуальном зачете выиграл Хэмиш О’Нил. Я познакомилась с его командой, они помнят папу как Хэмиша.

Мама снова притихла. Ей было над чем подумать. Я ведь и представить себе не могла, какие воспоминания она пытается воскресить, сложить воедино, чтобы вполне понять эту историю.

– Мам?

– Он выиграл кубок накануне твоего дня рождения?

– Да.

– Почему же он ничего не сказал мне?

– Папа никому не говорил, – пояснила я. – Ни семье, ни друзьям.

– Но почему?

– Мне кажется, он пытался воскресить брата. Или почтить его память. Наверное, он думал, что никто не поймет. Сочтут это бредом.

– Это и есть бред! – рявкнула мама, потом вздохнула, помолчала и почти виновато добавила: – Хотя и мило. Почтить память. – Снова молчание. – С кем же я прожила столько лет? – совсем тихо спросила она.

Я не нашлась с ответом, но про себя подумала: не допущу, чтобы мой муж задавался таким же вопросом обо мне.

Ли медленно опустилась на переднее сиденье, на ней бандажное платье телесного цвета, черная кожаная куртка, она пахнет парфюмом, лицо покрыто таким слоем макияжа, что я с трудом узнаю простенькую нянечку, которую вижу чуть ли не каждый день.

– Перестаралась? – с тревогой спрашивает она.

Из-за цвета платья она выглядит чуть ли не голой.

– Нет, – говорю я, включая двигатель. – Итак, куда мы едем?

– Да ты знаешь про это столько же, сколько я.

Я грозно кошусь на нее:

– Ли!

– Что? – Она захихикала. – Мы познакомились в сети. Зовут Дара. Он чудненький. Мы живьем еще не встречались, но, понимаешь... – Она беспомощно пожимает плечами.

– Нет, не понимаю, объясни.

– Ну, мы познакомились на сайте для одиноких. Поболтали пару раз по скайпу. Ты же понимаешь, – повторяет она, словно я что-то об этом знаю.

– Нет, не понимаю. Что?

Она посмотрела на меня в упор, потрясла головой, словно этим движением пыталась пробудить во мне догадку – и действительно пробудила.

– О! – только и сказала я.

– Ага, дошло. – она снова уставилась прямо перед собой. – Так что мы довольно близко знакомы, хотя еще не встречались живьем.

– У вас был секс по скайпу, но ты нервничаешь перед личной встречей? – рассмеялась я.

– У камеры есть фильтр, – поясняет она. – А у меня нет.

– И чем этот таинственный Дара занимается, если он знает, где найти марблс в одиннадцать вечера?

– Он резьбой по дереву занимается. Украшает стулья, столы, мебель. У него сегодня вечеринка, и будет, я запомнила, художник по стеклу.

Не очень-то она меня убедила.

Мы нашли тот дом, где проходит вечеринка в честь черного полнолуния, – адрес ей Дара дал. Посмотрели на это здание с другого берега, молча, впечатление у нас обеих, вероятно, было одинаковое: нас кинули.

По этому адресу расположена многоэтажная парковка, построенная на руинах снесенного торгового центра, вместо которого собирались стоять современный торговый гиперцентр с кинотеатром, но проект на 70 миллионов евро так и не был осуществлен, и теперь парковка высилась одиноко на огромном пустыре вдали от магазинов и предприятий, которым могла бы пригодиться. Над ней нависала пепельная луна с тонким серпом нарождающегося месяца с краю и указывала нам путь, бдительным материнским оком присматривала. Однако мне казалось, сейчас она смеется над недотепами.

Огромное бетонное уродство, но уродство старой школы – приземистое здание цвета красного кирпича, тесное, с низкими потолками, не то что современные просторные и хорошо освещенные парковки. Восемь уровней, и нигде ни одной машины. Однако на полпути между фундаментом и крышей, на четвертом этаже, из-за сетчатой перегородки мерцает огонь.

– Должно быть, он дома. – Ли пытается шутить.

– Чуешь запах дыма? – спрашиваю я.

Она втягивает в себя воздух и кивает.

– Слышишь музыку?

Слабый, но отчетливый звук ползет с четвертого этажа, спокойные ритмичные басы.

Но мы сидим и не двигаемся.

– Похоже, вечеринка все же имеет место, – говорю я. – Но не опасно ли там?

Мы забрались на окраину города, которую собирались застраивать, да так и не освоили, бросили, и пригласил нас человек, умело обращающийся с острыми инструментами, которого Ли знает только по интернету. Не закончилась ли моя полоса везения, гадаю я.

Участок огорожен со всех сторон, мощный деревянный забор – и не перелезешь, и дыры не видно. Мы обошли его со всех сторон и обнаружили открытую секцию, словно специально для нас. Медленно прошли вовнутрь, мимо барьера, у которого призраки машин все еще дожидались парковочного талона, и проникли в темноту восьмизэтажного строения. Первый этаж был сплошь покрыт граффити, каждый дюйм бетонных стен и опорных столбов тщательно поливали из баллончиков. Мне тут задерживаться не хотелось, побыстрее бы мимо. Мы пошли по стрелкам к лестнице, предпочли обойтись без лифта – впрочем, вряд ли он работал, а если и работал, мне в него неохота была забираться.

Все виденные мной в жизни ужастики учили: не ходи одна по ночам на заброшенную парковку, да и средь бела дня лучше не надо, и все же вопреки собственным инстинктам я оказалась здесь. По мере того как мы тихонько поднимались по лестнице – ни звука, чтобы их там не спугнуть, – музыка и смех слышались все отчетливее. Гул разговора и эти ровные басы побуждали нас идти вперед – там нас ждут какие-то признаки цивилизации, это вовсе не похоже на вопли убийц, выстрелы или яростные пляски бандитов. И все же я готова к встрече с бездомными, которые выходят в скайп через ноутбуки, готова отдать им деньги, телефон, что угодно, только бы меня не трогали, возмущившись моим вторжением.

Ли тоже готовится, проверяет свое отражение в карманном зеркальце, накладывает еще более густым слоем помаду – губы словно после инъекций ботокса, – а затем, мотнув гривой, распахивает дверь. В изумлении я озираюсь по сторонам. Повсюду деревья, серый бетон скрыт под великолепным слоем зелени. И посажена вся эта зелень в необыкновенные горшки, испанские, мексиканские, с дивной мозаикой. Гирлянды фонариков натянуты между деревьями, свечи указывают нам

извилистую тропу в этих джунглях. Мы словно попали в таинственный парк, спрятанный внутри бетонной многоэтажной парковки. Тут серый цвет встречается с зеленым, тьма со светом, сделанное человеком с творением природы.

– Привет, девочки, – окликнул нас сбоку молодой человек, и мы обернулись в испуге. – Где пригласительные?

Мы только рты разинули, а ответить не нашли.

– Она – гостя Дары, – выдавила я из себя наконец. Ли явно не могла произнести ни слова.

– А, отлично, – сказал он, вставая. – Покажу вам дорогу. Простите, что спросил приглашение, это все Ивлин, она с прошлого года осторожничает: пришли не те люди, и все пошло наперекосяк.

Мы пошли следом за молодым человеком по петляющей дорожке среди деревьев. Ну точно, я в сказку попала.

– Это вы все тут так обустроили? – спрашиваю я.

– Ага. Клево, правда? Ивлин только что вернулась из Таиланда, там у них каждый месяц справляют лунные праздники. Конечно, это не совсем Тай, но бетонные джунгли – вполне тема.

Тропа завершилась, приведя нас, по-видимому, в гостиную. Огромная люстра из красиво изогнутого стекла низко свисает с бетонного потолка, в ней вертикально торчат большие свечи, воск оплывает по сторонам. На полу – широкий восточный ковер, большое количество коричневых потертых кожаных диванов, и на них, словно на вечеринке, расселись полтора десятка человек, болтают. Музыка играет – не слишком громкая, расслабляющая, та самая, отголоски которой мы слышали с другого берега. Девушка – прямо-таки нимфа в обтягивающем комбинезоне с блестками – танцует сама по себе, закрыв глаза, перебирая пальцами струны невидимой арфы. Кто-то обернулся нам навстречу, большинство просто улыбались – приветливые ребята, присматривались к нам и никуда не спешили. Разновозрастные, явно богема, очень клевые, очень непредсказуемые, куда до них нам с Ли, матери троих детей и нянечке Кардашьян.

– Вот он! – сказала она, быстро ткнув пальцем. Ли юркнула к Даре, они обнялись. Через мгновение, не размыкая объятий, она крикнула мне:

– Марлоу.

Я кивнула. Марлоу. Значит, я пришла сюда, чтобы познакомиться с Марлоу.

– Марлоу! – завопил Дара, потом свистнул и кивком указал на меня.

Потрясающе красивый мужчина обернулся к нам с дивана, где собралась своя компания. В облегающих черных джинсах, угольной

футболке, рабочих ботинках, идеальная форма, руки накачаны, длинные черные волосы с одной стороны заправлены за ухо, с другой падают ему на лицо. Джонни Депп – и на двадцать лет моложе. Прищулив один глаз, он втягивал в себя сигаретный дым, в другой руке держал бутылку пива. Он оглянулся на меня, медленно прошелся взглядом. Под этим пристальным взглядом я поежилась, не зная, куда себя девать. Ли тоже посмотрела на меня и засмеялась.

– Удачи! – Вскинула оба больших пальца и устремилась к бочонку пива, обложенному льдом.

Я с трудом сглотнула. Марлоу улыбнулся, расстался с клевой девочкой-бабочкой, чей брюшной пресс был весь изукрашен пирсингом. Он остановился прямо передо мной, вплотную, слишком близко для совершенно незнакомого человека.

– Привет.

– Привет, – улыбнулся он. Он присел на спинку дивана, теперь глаза у нас на одном уровне. Смотрит так, словно я его забавляю, но не обидно.

– Меня зовут Сабрина.

Оглянувшись, я вижу, как Ли устраивается на диване с большой компанией, пиво в руках, вполне довольна жизнью. Попробую-ка и я расслабиться.

– Я потеряла шарики, – улыбаюсь я в ответ.

– Тогда ты пришла в самое подходящее место, – усмехнулся он. – Пойдем ко мне в студию.

Он поднялся.

Я засмеялась в ответ, и он поначалу был озадачен моей реакцией, но все же двинулся куда-то, и Ли жестом велела мне следовать за ним. Я прошла вслед за ним под деревьями по другую сторону «гостиной», и убедилась, что он говорил по делу: к стене парковки примыкали офисы и студии.

– Что это за место?

– Совет по делам искусства разрешил нам работать здесь. Их осенила прекрасная идея, как использовать это место: на каждом уровне что-то свое, на третьем этаже выставки, на пятом театральные представления. Мы тут уже год.

Он отпер дверь и вошел.

Внутри повсюду сияло стекло.

– Ох, как красиво! – Я оглядывалась по сторонам и не могла остановиться – куда ни повернусь, шедевр из стекла: кружка, стакан, ваза, стеклянная панель, люстры, потрясающие цвета, некоторые были разбиты

и вновь восстановлены из осколков, ошеломляющая красота.

Он уселся на стол, болтая ногами, наблюдая за мной.

– Ты делаешь шарики, – сказала я, заметив в углу витрину, за ней перемигивались маленькие сферы, и сердце у меня вновь сильно забилося.

Я сняла с плеча сумку, достала оттуда каталог, внутри словно огонь разгорался. Я подошла к Марлоу, протянула ему папку.

– Мой отец собирал коллекцию марблс. Я нашла этот каталог в его вещах, тут все его шарики, но двух не хватает. – Я хотела поскорее открыть те страницы, где были описаны пропавшие шарики, но он остановил меня, положил руку мне на руку и так и держал, читал не торопясь отцовские записи.

– Невероятно, – сказал он.

– Я понимаю, – ответила я и гордо, и неуверенно, поглядывая на его руку, которая обвивалась вокруг моей, а он словно бы этого и не замечал, словно ничего естественнее и быть не могло. Он переворачивал страницу за страницей, его пальцы пробегали по моим костяшкам, отчего я нервничала и в то же время чувствовала себя необычайно живой. Я замужняя женщина, не годится мне стоять тут почти в полночь, держась за руки с клевым красавцем-художником, но уходить я не собиралась. Он внимательно изучал каждую страницу, медленно водя пальцами по моей руке.

Это все из-за луны.

– Замечательная коллекция, – сказал он наконец. – Значит, он предпочитал стекло.

– В каком смысле?

– Шарики бывают глиняные, стальные, пластмассовые. Но он собирал только стеклянные.

– А, да, я не обратила внимания.

– Несколько стальных у него есть. Но стеклянные, сделанные вручную, самые красивые, – сказал он с улыбкой. – Впрочем, я, конечно, необъективен. Каких недостает?

Прямо беда, пришлось выпустить его руку, чтобы пролистать страницы и указать:

– Этого. И вот этого.

При виде цены он присвистнул.

– Попробую сделать похожие, но в точности воспроизвести их невозможно, он обнаружит разницу, – сказал он. – Такому коллекционеру одного взгляда будет достаточно.

– Не обнаружит. – Я сглотнула. – Он в последнее время болел. И я

как раз хотела найти для него что-то новое. Создать новые воспоминания.

Не оглядываясь назад, Сабрина, двигайся вперед. Создавай что-то новое.

– Буду рад, – улыбнулся он, глаза его заиграли, мне пришлось отвернуться. – Значит, Сабрина, я вот что заметил: он начинал собирать современное искусство. У него только один такой шарик, поврежденный – сердце. Забавно, правда? Тут я могу помочь. Сделать для тебя такой шарик. Вот посмотри.

Он указал на витрину, и я в изумлении уставилась на это богатство – точно сундук с сокровищами, с драгоценными камнями. Изысканные завитки, невероятные узоры, цвета, да еще и отражаются в зеркальной витрине.

– Можешь потрогать, – предложил он. Я потянулась к шоколадному шарiku, похожему на бильярдный шар, и удивилась его тяжести. Шарик были крупнее, чем папины, чем обычные шарик для игры, и их расцветка и узоры были гораздо ярче и сложнее. Эти пузырь и завитки гипнотизировали, когда я подносила их к свету, они казались бездонными, свет сиял откуда-то из глубины.

– Интересно, почему ты взяла именно этот, – произнес он. – Понравился?

Я кивнула, обхватив пальцами «шоколадку». Прямо-таки чувствовалось, как изнутри поднимается тепло.

– Но я не для себя выбираю. – Я снова присмотрелась к витрине. – Ему бы любой из них пришелся по душе, я уверена.

Не этого я искала, пускаясь в путь поутру, но теперь это казалось правильным, это лучше, чем сходить с ума в поисках недостающих шариков, которые, вероятно, никогда не найдутся.

– Нет-нет. – он осторожно вынул из моих пальцев коричневую сферу и обхватил меня рукой за талию, изучая этот шарик вместе со мной, глядя мне через плечо. – Для тебя я сделаю новый.

– Прямо сейчас?

– Разумеется. Ты же никуда не спешишь?

Я оглянулась в открытую дверь на Ли, та растворилась в глазах Дары, Дара гладил ее по голове. Почти полночь, но дома меня никто не ждет. Нужно завершить эту ночь каким-то итогом. То, что я узнала о папе, было важно, было неожиданно, ошеломляюще, я была страшно этим измотана, и теперь требовалось какое-то лекарство: я раскрыла эту рану и искала то, что помогло бы ее исцелить. Если нет возможности восполнить папину коллекцию, то хотя бы завершить мою личную миссию.

– Сколько на это понадобится времени?

Он небрежно пожал плечами:

– Увидим.

Он не прошел по своей студии – проскользил, вроде бы и шаркая ногами, но бесшумно, такой спокойный и расслабленный, что даже ноги не трудился поднимать. Включил газ, скрылся на миг за деревьями, оставив меня в одиночестве, и вернулся с полдюжиной пива и косячком, лукаво поблескивая глазами.

В голове у меня зазвучал голос Эйдана: «Я не уверен, что ты счастлива со мной, Сабрина. Ты отдаляешься от меня. Я тебя люблю. Ты слышишь? Ты любишь меня?»

Наверное, мне следовало уйти, но по крайней мере один урок за этот день я усвоила: я истинная дочь своего отца. Никуда я не ушла.

Я сижу рядом с Ларри Бреннаном, он же Лампа, прозванный так за подростковую любовь к ночной охоте с мощным фонарем на кроликов. У него в Мите жил дядя, и Лампу туда отправляли на выходные: отец его спился, у матери был нервный срыв, и она мало с чем справлялась, так что парня отправляли к дяде, а его сестру к тетке. Сестре повезло, но если родители думали, что у дяди мальчику лучше, то сильно ошибались. Пил дядя не меньше отца, его недостатки не так бросились в глаза лишь потому, что у него не было собственной семьи, а о самом себе он еще как-то мог позаботиться. Он любил выпивку, любил племянника – чересчур любил, но вряд ли я понимал это, пока не вырос и не сообразил все. Ларри постоянно просил меня поехать с ним вместе. Конечно, дядя его не трогал, когда он приезжал с другом, но мне этот дядюшка уж очень пришелся не по душе. Том его звали. Один раз я смотался вместе с Лампой, и, несмотря на все приключения и злоключения, свободу есть, и пить, и делать что вздумается в любой час дня и ночи, я отказывался поехать снова, сколько он ни звал. Его дядя был извращенец, но этого я не понял – должен был бы, но не понял.

Ночная охота была славной забавой. Ларри брал дядино духовое ружье, и мы в кромешной тьме шли в поле. Мне доставалось держать мощный фонарь – в миллион свечей – и слепить ими кроликов, а Ларри стрелял. Чаще всего он даже не трудился поискать тушку. Я думал, какое прекрасное жаркое мама сделала бы из крольчатины, но я не знал, как сохранить убитого кролика свежим и довезти обратно, и почему-то ни у кого не спросил. Ларри не интересовала добыча, он хотел убивать: конечно же каждый подстреленный им кролик был его отцом, или дядей, или матерью, или кто еще подвел его и бросил одного в чуждом мире. Возможно, среди этих кроликов был и я – приехал вместе с ним и ничем не помог.

Лучше всего так охотиться в кромешной тьме – туманные ночи годятся, но самые правильные условия – в новолуние. Помню, как под конец недели Ларри все время сверялся с прогнозом погоды и с ума сходил и устраивал тарарам в школе, если погода ожидалась непригодная для охоты. Думаю, он представлял себе, как придется ночь напролет

проводить под одной крышей с дядей и каково ему придется. Хэмиша уже не было с нами, это было, когда мне исполнилось шестнадцать, он уже перебрался в Ливерпуль, а то бы он поехал со мной. И с дядюшкой он бы разобрался, не то что я.

Теперь я гляжу на Ларри Лампу Бреннана, моего сверстника, ему те же пятьдесят семь, но он строен, ухожен, респектабелен. Я сижу напротив него, за столом в его кабинете, и припоминаю все, что мне о нем известно. Этот мужчина в дорогом костюме, начальник над несколькими десятками нанятых им служащих, пробил себе дорогу в жизни: выбрался из грязи и отмылся от нее. С бьющимся сердцем я слежу за тем, как он аккуратно подпиленным мизинцем расправляет галстук, и чувствую в груди то стеснение, от которого никак не удастся избавиться: я стал такой жирный, все время задыхаюсь, дышу с присвистом.

– Наверняка в твоей жизни не осталось теперь никого, кто помнит, какими мы были, – говорю я.

Он выдерживает паузу, соображая, что я имею в виду.

– Ты знаешь, что я имею в виду, Лампа.

И он цепенеет: я заставил его вернуться к тому Ларри, от которого он бежал. Ему снова шестнадцать, он Ларри Лампа Бреннан, в голове бардак, весь мир против него, он сражается не на жизнь, а на смерть против каждого, кто окажется рядом.

– О чем ты, Фергюс? – тихо переспросил он.

Я почувствовал капельку пота на правом виске, хотел утереть, но тем самым я привлек бы к ней внимание.

– Просто говорю: кое-кто сильно бы удивился, узнав о тебе то, что знаю я. Вот и все.

Замедленным движением он подался вперед.

– Угрожаешь мне, Фергюс?

Я выдерживаю его взгляд, смотрю пристально, жестко. Отвечать нет надобности, пусть сам догадывается. Мне главное, чтобы это сработало. Пятьдесят семь лет, нет такого знакомого, кого я не попросил бы отплатить мне за прежнее добро, более того, у многих я теперь в долгу за их помощь – времени не хватит расплатиться. Я дошел до края, вытащил последний козырь из рукава – угрожаю старому приятелю, как последний подонок.

– Фергюс, – негромко говорит он, уставившись взглядом в стол. – Это ведь не личное решение. Времена сейчас трудные. Я взял тебя на работу, потому что хотел помочь, по старой дружбе. – Он явно потрясен моим натиском. – Мы договорились, испытательный срок полгода. Через

шесть месяцев я сказал тебе, надо прибавить обороты, у тебя самый низкий результат, но да, я понимаю, нужно еще войти в курс дела. Но прошло уже девять месяцев, дела идут плохо, мне придется сокращать штат, ты пришел последним, а значит, уходишь первым. И честно говоря, – тут гнев прорвался наконец, словно он сообразил, что нет больше причины любезничать со мной, – угрозами ты от меня особой любви не добьешься и никак не изменишь тот факт, что ты худший из наших продавцов и приносишь компании мало денег.

– Дай мне еще время, – настаиваю я, чувствуя, как подступает паника, но пытаюсь говорить спокойно, уверенно, внушить доверие. – Я еще не вполне осмотрелся, первый год всегда трудно, но я уже вник, ты же видишь, я уже разобрался, как тут что работает.

– Я не могу дать тебе время, – отвечает он. – Времени больше нет.

Я еще попрепирался с ним, но чем сильнее я давил, тем жестче он сопротивлялся, тем более отдалялся от меня.

– Когда? – спросил я наконец совсем тихо. Мой мир рушился на глазах.

– Я собирался предупредить тебя за месяц, – ответил он, и я подумал, есть еще месяц, прежде чем со мной будет кончено. – Однако после твоих угроз я бы предложил расстаться немедленно.

Но еще один козырь остался в рукаве, самый подлый, во всю жизнь я старался не прибегать к нему.

– Пожалуйста, – говорю я, и он удивленно поднимает на меня глаза, его гнев испарился. – Ларри, прошу тебя. Умоляю.

Сначала долги, потом угрозы, теперь вот – мольбы.

– Что тут творится? – вскрикнула Кэт, застав меня на полу моей квартиры.

Я сдвинул всю мебель к стене. Кресла свалены на диван, журнальный столик втиснулся в маленькую кухню, ковер скатан и вынесен на балкон. Я расчистил себе достаточно места и с маркером в руках порчу деревянные полы.

Я нарисовал маленький круг, диаметром восемь дюймов, и как раз провожу вокруг него большую окружность диаметром одиннадцать футов. Ответить Кэт я не могу, полностью сосредоточился на своем занятии.

– Фергюс! – Она оглядывается, широко раскрыв глаза, челюсть отвисла. – Мы же собирались пообедать с Джо и Финном, помнишь? Ждали, ждали тебя в ресторане. Я все время тебе звонила. Мне пришлось пообедать с ними без тебя. Фергюс? Ты меня слышишь? Я поехала к тебе на работу, там мне сказали, что ты вернулся домой.

Не обращая внимания на ее слова, я черчу свои круги.

– Ты забыл, Фергюс? – Голос ее смягчился. – Ты снова забыл? Это уже не в первый раз. Ты, наверное, нездоров, дорогой мой. Что-то с тобой нехорошо.

Она опустилась на колени рядом со мной, но я на нее не гляжу. Я занят.

– Что с тобой? Как ты себя чувствуешь? Выглядишь ты... Фергюс, да ты же весь мокрый.

– Так, – говорю я, откладывая маркер и опускаясь на колени, чувствуя, как пот капает с кончика носа. – Эта игра называется ва-банк, а нам именно это и нужно. Деньги. Внутренний круг – банк, наружный – линия. Берешь биток из...

– Я беру?

– Да, ты.

Я дал ей несколько шариков, и она уставилась на них так, словно они грозили взорваться у нее в руках.

– Фергюс, сейчас три часа дня, почему ты не на работе, почему вдруг играешь в марблс? Это нелепо, мне самой пора на работу, что происходит, я перестала понимать.

– Меня уволили! – заорал я с внезапной яростью, так что она умолкла и даже подскочила в испуге. – Банк твой, – агрессивно сообщил я ей. – Бросаешь биток, и все, что удастся задеть в банке, переходит в твою собственность. Если ничего не подобьешь, твой биток останется лежать там, куда попадет, а ты бросаешь снова. Десять попыток.

Я сложил в банк, в маленький внутренний круг, свою коллекцию часов.

– Бросай шарик. И постарайся попасть.

Она поглядела на часы, на другие предметы, которые я сложил наготове, которые пойдут следом за часами, и глаза ее наполнились слезами.

– Ох, Фергюс, не надо так. Джо тебя выручит. Он уже предлагал помочь.

– Я подачек не беру, – отрезал я, голова закружилась при одной мысли о том, что содержать меня будет крошка Джо. Джо, которого я и за брата не считал, пока Кэт не приняла и его в свои объятия. Это было бы несправедливо по отношению к младшенькому. – Я сам найду выход.

Шарики завели меня в эту беду, они же из нее и выведут. Ложь и обман, предательство, путаница, неспособность сосредоточиться на главном в моей жизни, я оторвался от самого себя, от семьи. Сабрина

родила сегодня третьего мальчишку, а я не могу поехать к ней с Кэт, потому что Сабрина все еще не знакома с Кэт, не знает о великой любви моей жизни, а я не знаю, как подступиться к признанию. Чтобы рассказать Сабрине о Кэт, придется рассказать и о марблс, а как на это решиться? После целой жизни лжи. Кэт обещает молчать, пока я сам не подберу слова, чтобы объясниться с Сабриной, но ведь проговорится, такое невозможно скрыть, и тогда мое умолчание обернется ложью. Мы оба станем лгать моей дочери. Когда я попытался тайком оценить свои шарики в Калифорнии, выплыло, до какой степени я запутался в долгах. Я снова все испортил, моя ложь чуть не убила нас с Кэт, когда я вернулся в гостиницу под утро в дымину пьяный. Но она осталась со мной. Сказала, что все понимает. Но все запуталось, все безнадежно запуталось. И виноваты в этом мои шарики.

Кэт бросила шарик, никудышный бросок, умышленный промах. Мы с Кэт много раз играли вместе. Я открыл ей свой мир, я принял ее в мир марблс, она ходила со мной на множество игр, на большие встречи ездила, и хотя великим игроком не стала, но не настолько же плоха.

– Играй как следует! – заорал я, и она заплакала. – Давай, давай! – Я схватил шарик и сунул ей в руку. – Запускай!

Она бросила и попала точно в коллекцию часов посреди маленького круга.

– Отлично, это твое. Пойдет на продажу. – Я отодвинул часы в сторону. – Дальше! – Я положил в круг мамино обручальное кольцо.

Она промахнулась. Я заорал, приказывая ей целиться лучше.

– Фергюс, я не могу. Не могу, не могу, не могу! Я не стану, Фергюс, пожалуйста, остановись! – Она зарыдала и упала на пол. Я выхватил у нее шарики и начал пулять. Сразу угодил в банк, то есть отдал ему мамино обручальное кольцо. Потом метнул снова и попал в коробку с образцами от Акро Аgate 1930 года, ценой от семи до тринадцати тысяч. Еще бы не попасть – коробка едва помещалась в круге.

Следующий номер – «Лучшие луны мира» в оригинальной упаковке, цена от четырех тысяч до семи. Попал. Два самых ценных предмета в моей коллекции. Они уйдут первыми, за ними все остальные. Все придется продать.

– Нашелся покупатель, – сообщил я Кэт несколько дней спустя и положил коробки с шариками, чтобы освободить руки и надеть плащ. – Встречаемся с ним в городе, у «О’Донахью». Он специально прилетел за ними из Лондона. Они стоят двадцать тысяч долларов, мы сговорились

на пятнадцать тысяч евро наличными.

– Ты плохо выглядишь, Фергюс. – Она погладила меня по лицу, и я успел поцеловать ее ладонь. – Ты бы лучше прилег.

– Разве ты меня не слышала? Прилягу – после встречи.

– Не хочется их продавать. Они так тебе дороги. Все твои воспоминания связаны с ними.

– Воспоминания хранятся вечно, а эти... – Я и смотреть на них не могу. – Эти оплатят мою ипотеку за ближайшие несколько месяцев. Отсрочка, пока я что-нибудь придумаю.

Что, собственно? Работы нет, никто меня не возьмет. Стар уже. Думай, думай, что же делать. Продавать шарики.

– Ты очень бледен, тебе надо лечь. Давай я с ним встречусь.

Это правильная мысль, мы оба понимаем: поеду сам, не смогу расстаться с ними, а это необходимо, иначе банк отнимет у меня дом.

Она уехала, забрав шарики, а я лег в постель. Вернулась она спустя какое-то время, уже в темноте. Я не знал, сколько времени, мне казалось, я не спал, но, наверное, все-таки спал. Она подошла к кровати, и я почувствовал, что ее дыхание отдает вином.

– Продала? – спросил я.

– Я принесла деньги, – ответила она, кладя на тумбочку у кровати конверт.

– И шарики ушли?

Она чуть помедлила:

– Да, ушли.

Она гладила меня по голове, по лицу, она меня целовала. Она-то у меня осталась. Надо бы как-то пошутить насчет ее коллекционной ценности, но не соображу как.

– Я в душ, – сказала она, уходя.

Послышался шум воды, и со мной случилось то, чего уже очень давно не было: я заплакал. Так горько, мучительно, словно снова стал ребенком. А потом, прежде чем Кэт вышла из душа, я уснул. Проснулся я в больнице, а Кэт следующий раз увидел, когда увидел ее в первый раз, в реабилитационном центре, который стал для меня домом, где она, как я думал, кого-то навещала. Навещала друга.

Марлоу протянул мне очки с розовыми стеклами – мир тут же окрасился в розовый цвет, и легкий пивной хмель усугубился. Это для защиты глаз, когда я буду смотреть на огонь.

– Красотка! – Он слегка ущипнул меня за нос и включил горелку. – Я люблю работать со стеклом, ему так легко придавать форму, – болтал он, легко перемещаясь по студии, он все тут знал, брал, что ему требовалось, доставал, перекладывал, двигаясь словно в танце. – Пироги печь умеешь? – спросил он.

– Да, иногда пеку. – Вместе с детьми, и мысль о них слегка меня отрезвила. У меня есть дети. У меня есть муж. Красавец муж. Добрый муж, который заботится о том, чтобы я была счастлива. Говорит мне, что любит. Действительно любит меня. Я отступила на шаг.

– Все в порядке. – Он снова притянул меня ближе, горячая ладонь на моей талии. – Расплавленное стекло ведет себя примерно как растопленный сахар. Сейчас увидишь. Так, а вот и она – это я давно уже заготовил.

Я придвинулась посмотреть на предмет, который он выложил на стол.

– Давно уже хотел это сделать, но все ждал, пока подвернется заказ. – Он поглядел на меня сквозь длинные ресницы, глаза голубые, как идеальные марблс, словно он сам выдул их из стекла.

– Это ты сделал? – Я старалась не глядеть ему в лицо. Поглядишь – и словно по гипнозом. Да и не только лицо, все тело у него такое. Не смотри, не смотри, уставься в огонь.

– Конечно, я. Из стеклянного порошка тонкого помола. Итак, есть два способа сделать этот твой шарик. Если выдувать стекло, получатся те завитки, которые ты уже видела, но у твоего отца много немецких завитков, далеко не все сделаны вручную, так что я подумал, надо что-то новенькое.

Он подхватил каплю опалового стекла кончиком длинного стального прута, встал у горелки и принялся медленно вращать стекло в огне. Стекло начало светиться, сиять, источать медовые капли. Он продолжал вращать каплю, пока она не превратилась в сферу – тогда он вытащил ее из огня, и я едва успела увернуться от раскаленных капель, когда он быстро прошел с полыхающей сферой в другой конец мастерской, к креслу. Присел

на деревянное кресло с длинными подлокотниками, положил поперек подлокотников металлический прут и стал вращать его то вперед, то назад, придавая стеклу форму. На подлокотниках остались следы от всех тех предыдущих раз, когда он проделывал то же самое. Он полностью погружен в работу, никакой болтовни. И так довольно долго. Он повторял это несколько раз – то возвращался к горелке, то к креслу, на лбу проступили капли пота. Потом схватил газету и прямо на руке стал катать горячее стекло, доводя его форму до совершенства.

В какой-то момент я отвела от него глаза, голова кружилась и плыла не столько от бутылки пива, сколько от всех событий этого дня и от музыки, от атмосферы этого места, и я увидела среди деревьев Ли, танцующую с Дарой. Было чувство праздника, все прекрасно, жизнь прекрасна. Жизнь полна приключений. Уж не припомню, когда я в последний раз это ощущала. Пока я смотрела на них, тело само расслабилось, я даже начала слегка покачиваться в такт. Но потом снова приковалась взглядом к Марлоу, к медовому, похожему на сладкий сироп стеклу.

Наконец Марлоу вытащил шар из огня, однако не вернулся к креслу, а обкатал шар в заранее приготовленном стеклянном порошке. Когда узор полностью перешел на стекло, он снова стал формировать сферу, очень бережно, чтобы не повредить сложный рисунок. Потом погрузил шар в прозрачное стекло, создавая внешний слой.

И наконец раскаленная стеклянная сфера опустилась в ведро с водой, зашипела, испуская пар, остывая, твердея. Марлоу пристукнул по шару, и тот оторвался от стального прута, упал в воду и всплыл на поверхность.

– Пусть остывает, – сказал мастер, утирая пот со лба.

Он, конечно, заметил, как я на него смотрела. Наконец-то и он взглянул на меня, улыбнулся все так же ласково и дразняще, как улыбался с самой нашей встречи. Потянулся за бутылкой и длинным глотком втянул в себя остатки. Начало третьего, голова плывет.

Я вспомнила про только что сотворенный шарик и нерешительно двинулась к ведру.

– Не трогать, пока не остынет! – предупредил он, подходя вплотную ко мне. Он завалил меня на рабочий стол, обхватил бедрами мои ребра, стянул с меня розовые очки. Я попыталась адаптироваться к новому миру, уже не в розовом свете, реальному, без фильтров, не только в моей голове. И это меня быстро отрезвило. Он провел пальцем по моему лицу, по каждой его линии, будто запоминая их, – медленно, мягко. Сердце сильно стучало, конечно, он слышал этот стук через свою тонкую

футболку.

Он поцеловал меня – сначала не торопясь, но вскоре поцелуй сделался настойчивым. Для человека, способного так медленно, гармонично двигаться, работая, такая торопливость – свидетельство паники.

– Я замужем, – шепнула я ему в ухо.

– Поздравляю! – и он продолжал свое, его губы сместились ниже, к моей шее.

Я нервно расхохоталась.

Пять лет назад, когда я ждала Чарли, мне рассказали, что у Эйдана была интрижка. Мы с ним поговорили в открытую. Мы должны были оба решить – расстаться или быть вместе. Он хотел быть вместе. Я хотела быть вместе. И мы остались вместе, но ничего не было по-прежнему. Сначала было плохо, потом стало лучше. Мы родили еще и Алфи. Но в минуты гнева – они случаются все реже – я каждый раз испытываю желание при первой же возможности сквитаться с ним, чтобы он понял наконец, через что я прошла тогда. Ты причинил мне боль, я причиню тебе. Но годы шли, возможность не подворачивалась ни по дороге в школу, ни в бассейне со стариками, ни в супермаркете в сопровождении моего выводка, ни на их занятиях карате, футболом, рисованием. Никаких шансов завести интрижку внутри моего наполненного детскими делами расписания. Масло, сыр, ветчина, хлеб, бутерброд. Изюм. Следующий! И это загоняло меня в депрессию, ведь получается, я не смогу расквитаться с ним, даже если очень захочу.

Я знаю, что Эйдан меня любит. Не буду преувеличивать, он не идеальный муж и отец, но вполне хороший. И я тоже ни в чем не идеал, как ни стараюсь. Иногда я спрашиваю себя, достаточно ли одной любви, а также нет ли разных уровней любви, а иногда я думаю, видит ли он меня, даже когда смотрит прямо мне в лицо. Прошлой воскресеньем я целый день расхаживала с зеленой губой, после того как порисовала с детьми, и он ни словом об этом не обмолвился. Мы вместе ходили в магазин, на детскую площадку, гуляли по парку, и он так и не сказал мне: «Сабрина, что это у тебя зеленое на лице?»

Когда я вернулась домой, и посмотрела наконец в зеркало, и увидела здоровенное зеленое пятно на верхней губе, то зарыдала от злости. Меня что, никто в упор не видит? И мальчики тоже? Я такой предмет обстановки, меня можно вымазать грязью, едой, зеленой краской, все сойдет? Сабрина – женщина с краской на лице, липким пятном на штанах, следами детских пальцев и еды на футболке. И не надо говорить ей об этом, так и должно быть, такая она есть.

Я спросила Эйдана, вернее, швырнула ему пронзительным голосом какое-то бессвязное обвинение насчет этой краски. Он сказал, что ничего не заметил, и я задумалась, он как – смотрит на меня и не замечает подробностей или он вообще ни разу за день на меня не взглянул? Какой ответ хуже? Мы посвятили этому целый сеанс у психолога, этому зеленому пятну, которое мой муж не увидел. Наверное, я вся – сплошное зеленое пятно.

С зеленого пятна все и началось, а потом еще мне не досталось спасти утопающего, и я помчалась на поиски утраченных шариков в попытке что-то исправить, спасти, восстановить папину память в целости и сохранности – хотя, наверное, все это нужно в первую очередь мне.

Эйдан боится, как бы я не развелась с ним. Он говорил мне, что после той интрижки живет в страхе. Но я вовсе не собираюсь уходить от него. Все происходящее не имеет никакого отношения к нему или к тому, что он сделал так давно, что я уже не чувствую боли, разве что отголоски. Все дело во мне. Почему-то я оказалась в ловушке, перестала быть собой или настоящей собой, и мне это не нравится. Масло, сыр, ветчина, хлеб, бутерброд. Изюм. Следующий! Следить за пустым бассейном. Каждый день спасать того, кто не хочет спасения. Я больше не погружаюсь в стихию, которую более всего люблю, я постоянно торчу на краю, остаюсь снаружи и только заглядываю внутрь. Все равно что ходить с полным кошельком и лишь любоваться витринами – или, наоборот, с пустым кошельком да в магазин. Не знаю, как точнее. Снаружи, на краю, лишняя.

Меня вырастил человек, который – но об этом я узнала только сегодня – был чрезвычайно скрытным. И хотя я этого не знала, я тоже сделалась скрытной, быть может, бессознательно ему уподобляясь или подражая, перестала открываться Эйдану. Может быть, это случилось после той интрижки, но могло случиться и раньше. Я не знаю, каковы тут психологические причины, да и знать не хочу. Нужно двигаться дальше. Сейчас самое важное, что у меня нет секретов.

За последний год я перестала быть собой. Я заскучала.

Но сейчас скука исчезла.

Осознав это, я улыбнулась.

Марлоу все с той же чувственной улыбкой смотрел на меня.

– Не хочешь ли поквитаться с ним? – Он все угадал. – Зиг за заг, зиг за... – Он провел рукой по моей груди. – Заг!

Мы оба рассмеялись немудреной шутке, и он без обид убрал руку.

– Кажется, ответ будет отрицательный.

– Отрицательный, – подумав, согласилась я.

И он тут же отошел в сторону, поняв, уважая мое решение.

– Шарик остыл, хочешь посмотреть?

Он вынул его, потер, проверил сам, прежде чем передать мне.

– Изумительно! – выдохнула я, потрясенная. – Сколько я вам должна?

Он в последний раз поцеловал меня.

– Ты такая милая. Это тебе. – Он протянул мне второй шарик. – У меня есть теория: каждый шарик похож на своего хозяина. Как собака, – улыбнулся он.

Прихватил пиво и лениво поплелся обратно в компанию, которая и не думала расходиться.

Он отдал мне тот самый коричневый шарик, который с самого начала мне приглянулся. С виду обычный одноцветный шарик, но, когда я поднесла его к огню, он начал переливаться оранжевым и янтарным светом, словно внутри у него горел огонь. Похож на свою хозяйку.

Только к четырем утра мне удалось наконец вытащить себя и Ли с вечеринки. Солнце уже поднималось на городом, моя бдительная черная луна скрылась, предоставив меня самой себе теперь, когда моя миссия завершена. Ли еле живая дремлет рядом со мной. Какие бы любовь и блаженство не познала она в эту ночь, сейчас она слегка позеленела от усталости и все же непременно хочет ехать в больницу вместе со мной. У нее ранняя смена, пока немножко поспит в комнате для персонала, к тому же, я понимаю, она думает о моем отце и хочет первым делом с утра его навестить.

А я задерживаться в больнице не собираюсь. Положу шарик у кровати отца, пусть увидит его, когда проснется. Пусть это будет первое, что он увидит, проснувшись.

Разумеется, больница на замке. Я позвонила, охранник, узнав Ли, впустил нас.

– Боже! – зашептала Грейн при виде своей коллеги. – В хорошеньком ты виде.

Ли захихикала.

– Повстречались?

Она кивнула.

– И?

– Утром расскажу.

– Уже утро! – засмеялась Грейн.

Я на цыпочках прокралась по коридору в комнату отца. Он спал на спине и выглядел очень немолодым, но счастливым. Негромко

похрапывал. Я положила шарик с запиской на тумбочку у кровати и поцеловала папу в лоб.

Я проснулся с ощущением, будто во сне пережил тысячи жизней. Обрывочные воспоминания еще сохранялись в тот момент, когда я открыл глаза, а потом нежно растаяли, как утренний иней на солнце. Призраки прошлого и настоящего, их голоса стали стихать, по мере того как я осваивался с обстановкой. Это не Шотландия, от которой у меня сохранились образы травы, зелени, озер и кроликов, сутулых плеч отца, его грустных глаз и трубочного дыма; не Сент-Бенедикт-гарденс, где я просыпался в детстве и каждый раз на лице у меня лежала нога кого-нибудь из братьев, мы спали вальетом на двухъярусной кровати. Не бунгало тети Шейлы на Синнот-роу, где в первый год по приезде из Ирландии мы спали вповалку на полу; не дом моей тещи в Айоне, где мы провели первый год нашего брака, пока не собрали достаточно денег, чтобы купить свой, и не тот дом, который мы купили. Не квартира, где я много лет жил после развода один: впервые за долгое время я так отчетливо представляю ее себе и слышу вопли с футбольного поля под окном, валяясь субботним или воскресным утром в постели. Нет, и не та комната, где я спал с Кэт, не тот теплый оранжевый свет, который продолжал сладостно сиять мне и сквозь сомкнутые веки. Я в больнице, уже год как это мой дом, и до вчерашнего дня я был вполне доволен жизнью здесь и охотно считал его своим домом. Но теперь появилось желание, больше чем желание – потребность уйти отсюда. Здесь пусто, а полнота жизни снаружи, хотя прежде все казалось наоборот. Что-то в моем мозгу сдвинулось, не так сильно, но и от легкого сдвига цепная реакция, как при землетрясении. Я жажду все узнать, а прежде казался себе самодостаточным, хочу слушать, а прежде был глух. Вероятно, я напустил на себя глухоту из самозащиты. Это мне доктор Лофтус объяснит. Утром у нас с ним встреча.

Перемена оказывала на меня двойное действие: я чувствовал и надежду, и отчаяние. Надеялся, что я выберусь, отчаивался оттого, что пока не могу.

Во рту пересохло, нужно попить. Я огляделся в поисках стакана воды, обычно мне оставляли его на тумбочке у кровати, справа, чтобы тренировать правую руку. Но рядом со стаканом я вижу шарик – большой, роскошный, синий. Утренний свет, проникнув в окно, зажег в нем огонь,

и от восторга у меня пресеклось дыхание. Потрясающее зрелище – как он красив, как изящен. Само совершенство. Редчайшая вещь.

Внутри наша планета. Среди голубых океанов – карта материков, точно соблюдены пропорции. Земля и горы коричневых, песочных, медовых тонов, каждая страна присутствует, не пропал ни единый остров. Даже белые завитки облаков в Северном полушарии. Целый мир заключен в шарик. Я потянулся к нему левой рукой, не хотел рисковать, хватая его ненадежной правой, не тот случай. Я вращал шарик, изучая каждый дюйм. Океан словно светился изнутри, прекрасны обводы островов. Ни царапинки, ни скола. В идеальном состоянии. Диво дивное. Больше обычного, три с половиной дюйма в диаметре. Я держал его в горсти, этот большой горделивый шар. Сидел, выпрямившись, прислушиваясь к взволнованному стуку своего сердца. Нужно надеть очки, тогда я лучше рассмотрю это сокровище. Очки были на полочке слева, до них дотянуться проще. Нацепив их, я обнаружил еще и записку. Осторожно опустив шарик себе на колени, я потянулся левой рукой за этой запиской, что было непросто, нужно было действовать осторожно, чтобы не уронить шарик на пол, страшно представить себе такую беду.

Я дотянулся до записки и снова сел поудобнее, чтобы ее прочесть.

*Папа,
Весь мир в твоих руках.
С любовью,*

Сабрина

Слезы покатались по щекам. Я смотрел на синий шарик – казалось, время остановилось, пока я на него смотрел, – и я поверил своей дочери. Я справлюсь. Я смогу вернуть себе свою жизнь. А потом сон снова одолел меня. Глаза устали. Я снял очки, понадежнее пристроил шарик. Он был похож на тот, который я увидел во время медового месяца, который я так хотел купить, но денег не хватило. И вдруг привиделась Джина в ту же пору медового месяца, ее лицо, юное, невинное, в венецианском отеле, веснушки на щеках и носу, ни грамма косметики, мгновения перед тем, как мы впервые занялись любовью. Тот образ ее сохранился в моей памяти навеки, взгляд, полный любви, невинный взгляд. Вместе с воспоминанием пришла и мысль, всепоглощающее желание отдать ей этот шарик, вручить

ей весь мир. Следовало мне это сделать еще тогда, в Венеции, а я не сделал. Сделаю это теперь. Вручу ей ту часть меня, которую так долго скрывал.

Сабрина поймет, и Кэт, и Роберт, муж Джины. Когда-нибудь Джина отдаст этот шарик Сабрине или мальчикам, как подрастут. Это будет семейная драгоценность, мы будем передавать Землю из поколения в поколение.

А Кэт – Кэт я отдам свое сердце. Отдам целиком.

Не плавать в одиночку

Я добралась домой к пяти часам утра. Долгий был день и долгая ночь. Завалиться бы в постель хоть на несколько часов, пока Эйдан не вернулся с детьми.

Не знаю, права ли Эми со своей лунной теорией, но вчера в приемной у Микки я услышала и вполне ободряющие мысли: новая луна – символическая дверь, через которую входит нечто новое. Многие считают, это самое время решить на ближайшее будущее, что ты хочешь создавать, развивать и совершенствовать. Иными словами, это время творить новое. В том числе новые воспоминания.

Мне представляется, как я, маленькая, не могла уснуть в ночь полнолуния, пробужденная, бодрствующая, настороже, в голове слишком много мыслей и планов, ни на минуту нельзя утомиться, словно маяк посылает мне срочное сообщение. Действительно ли это все из-за луны? Не знаю. И все же не стоит отказываться от визитов к психологу. Только-только намечился настоящий разговор.

Несмотря на новолуние, на улице так светло, что я вижу свою соседку миссис О’Грэди, она следит сквозь кружевные занавески за моим позорно поздним возвращением. Всовывая ключ в замок, я чувствую себя не другой женщиной, но той же самой, однако слегка изменившейся – к лучшему.

Я мечтаю скинуть обувь, раздеться и рухнуть в постель, несколько часов осталось до возвращения детей, но прежде, чем я успеваю повернуть ключ, дверь распаивается навстречу, и только тут я замечаю у дома автомобиль Эйдана.

Эйдан обнимает меня – взъерошенный, замученный, красивый, от одного выражения его лица меня разбирает смех.

– Мама! – бросаются ко мне дети, каждый хватая за руку или за ногу так крепко, словно мы неделю не виделись, а не прошло и суток.

Я крепко обнимаю каждого, Эйдан присматривается ко мне, усталый и озабоченный.

– Где ты была? – спрашивает он, а мальчики меж тем размыкают объятия и тащат меня по коридору показать что-то невероятно здоровское, что им удалось найти.

Они привели меня к тем коробкам и мешочкам с шариками,

разложенным по всему ковру. Я оставила их так, когда накануне утром помчалась к Микки.

– Я учил их играть, – сказал Эйдан, уводя меня прочь. – Все в порядке, они очень аккуратно обращались с шариками, это мне больше всего хотелось запихать по шарiku каждому из них в глотку, замучили они меня, – простонал он, обнимая меня и делая вид, что вот-вот заплачет. – Алфи не спал. Совсем, ни минуты. Чарли описал спальные мешки, а Фергюс в четыре часа утра поймал лягушку и собирался съесть ее на завтрак. Пришлось нам срочно ехать домой. Спаси меня, – прохныкал он.

Я засмеялась и крепко его обняла.

– Эйдан! – заговорила я, интонацией предупреждая о том, что сейчас последует.

– Да? – откликнулся он, не убирая рук, но ощутимо напрягся.

– Помнишь, как ты сказал, чтобы я не позволяла *еще кому-нибудь* поцеловать меня?

– Что? – он отодвинулся от меня, лицо исказилось.

– *Папа! Мама! Алфи проглотил шарик!*

Мы кинулись к детям.

Час спустя я все-таки скинула обувь, разделась и рухнула в постель. Почувствовала губы Эйдана на своей шее и едва успела закрыть глаза, как в дверь кто-то позвонил.

– Не иначе твой любовник, – проворчал Эйдан и повернулся на другой бок, предоставляя мне разбираться с этим.

Со стоном я натянула халат и поплелась к двери. Увидела блондинку, та тревожно мне улыбалась. Вроде бы я знала ее, но откуда? А, видела в больнице. Мы обменивались парой слов в столовой, в больничных коридорах, в саду, когда навещали своих. И тут все встало на место. Пациент у нас, значит, был один и тот же. Я улыбнулась, чувствуя, как большая тяжесть спадает с плеч. Я не блуждала в кромешной темноте. Я *знала* эту женщину.

– Простите, – виновато заговорила она. – Конечно, утро субботы, я вовсе не хотела будить вас и детей. Я почти не спала эту ночь, все ждала, когда же наступит подходящий момент, но больше терпеть уже не могла. Мне нужно отдать вам это.

Обеими руками она держала большую сумку. Протянула ее мне, и я ее взяла. Тяжелая.

– Часть коллекции вашего отца, – сказала она, и я перестала дышать. –

Я взяла их у него перед инсультом, перед тем, как квартира была продана, взяла на хранение. Он поручил мне продать их, и я сделала вид, будто продала. На самом деле деньги дал его брат Джо. – Трудно же было ей хранить эту тайну. – Я понимала, что нужно их сохранить, он так ими дорожит. – Она глянула на сумку так, словно сомневалась, стоит ли передавать ее мне. – Пусть будут у вас. Коллекция должна быть в полном составе, вдруг он захочет ее увидеть.

Я взяла сумку, все еще не веря, что вот они, у меня в руках.

– Я даже не представилась. – Ее голос дрогнул.

– Вы Кэт? – спросила я, и на лице ее отразилось изумление. – Заходите. – я улыбнулась и пошире распахнула дверь.

Мы пристроились за стойкой для завтрака, я бережно раскрыла сумку и чуть не заплакала от радости. Фирменная коробка от Akro Agate 1930 года, оригинальный набор образцов для коммивояжера, и «Лучшие луны мира», оригинальная упаковка из 250 шариков. Я гладила их обеими руками, не в силах поверить: вот они, после целого дня и ночи поиска они сами нашли дорогу домой.

Я лежу на полу в гостиной тети Шейлы. Рядом Хэмиш, Энгюс и Дункан, все крепко спят. Ладони горят от ударов отца Мерфи, и я, не удержавшись, потихоньку начинаю плакать. Я тоскую по нашей шотландской ферме, по моему другу Фредди, по маме, какой она была прежде, здешние новые запахи не нравятся мне, и еда у тети Шейлы не нравится, и школа, в особенности отец Мордожоп. Правая рука вспухла так, что пальцы не сожмешь, и стоит закрыть глаза, как я вижу холодную темную кладовку, где он запер меня сегодня, и меня пронзает такой страх, что я не могу дышать.

– Эй! – шепчет кто-то. Я замираю, перестаю плакать: кто-то из братьев услышал и теперь будет дразниться.

– Шш!

Я оглядываюсь: Хэмиш уже не спит.

– Ревешь? – шепчет он.

– Нет, – всхлипываю я, но скрыть слезы не могу.

Он ерзает на заднице внутри спального мешка, перемещаясь поближе ко мне, и вот уже мы сидим бок о бок. По дороге он толкает Энгюса ногой в голову, Энгюс со стоном перекачивается, освобождая место. В свои одиннадцать лет Хэмиш всегда добивается от любого из нас чего захочет, причем легко. Он – мой герой, когда вырасту, хочу быть таким, как он, в точности.

Хэмиш касается пальцем моей щеки, проводит подушечкой по коже, потом облизывает палец:

– Ревешь, на хрен.

– Я не нарочно! – рыдаю я.

– Папу вспомнил? – спрашивает он, ложась вплотную ко мне.

Я киваю. Это не единственная причина, но одна из.

– Я тоже.

Он затих, и я подумал, может быть, он уснул.

– Помнишь, как он состязался, кто дольше всех рыгнет? – шепнул вдруг Хэмиш.

Я улыбнулся.

– Ага.

– И как на дне рождения Дункана прорыгал целиком поздравительную песню?

На этот раз я засмеялся.

– Видишь? Так-то лучше. Мы не должны это забывать, Фергюс. Договорились? – говорит он с такой настойчивостью, словно уставляясь со мной раз и навсегда, и я киваю, тоже очень серьезно. – Надо помнить папу таким, какой он был, когда он был счастлив, помнить все хорошее, а не... не что-то другое.

Это Хэмиш нашел отца повесившимся на балке в нашем сарае. Он не рассказывал нам, что он там увидел, никаких страшных подробностей, а когда Энгюс попытался их вызнать, Хэмиш стукнул его кулаком в лицо, чуть нос ему не сломал, и больше никто из нас не смел к нему приставать.

– Мы с тобой будем напоминать друг другу о таких вещах. Я тоже по ночам часто не сплю, мы с тобой будем разговаривать.

Мне это нравится – он и я, только мы двое, Хэмиш полностью будет принадлежать мне.

– Договорились, – говорит он. – Дай пять.

Он схватил меня за руку, за вспухшую, и я невольно вскрикнул, взвыл, как пес тети Шейлы, когда ему на лапу наступают.

– Что за черт?

Я рассказал ему про отца Мерфи и темную кладовку и снова заплакал. Он очень сердился и обнимал меня рукой за плечи. Я знал, что, если расскажу про это братьям, Хэмиш меня в выгребной яме утопит, но я был рад, что он вот так меня обнимает. Все-таки про то, как я обмочился, я ему не сказал. Я никому из родных, вернувшись домой, не рассказал, как обошелся со мной отец Мерфи, – я бы рассказал, но тетя Шейла первая заметила, промыла мне ладонь и забинтовала ее и велела не огорчать маму, ей и без того плохо. Всем плохо, поэтому я не стал никому рассказывать.

– Что там у тебя? – спросил Хэмиш, услышав, как в другой руке у меня щелкают шарики.

– Кровяники, – гордо ответил я, предъявляя свое сокровище. Я так и лег спать с ними, потому что мне нравилось перебирать их. – Другой, добрый, священник дал мне их, когда я сидел в кладовке.

– Насовсем? – уточнил Хэмиш, рассматривая шарики.

– Вроде бы да.

– Кровяники, говоришь? – повторил он.

– Да, они красные, как кровь. Еще они называются «камрады», – пояснил я. Больше я ничего про шарики не знаю, но хотел бы знать.

– Как мы с тобой, – говорит он, катая шарики на своей ладони. – Братья, единокровные, камрады.

– Ага! – улыбаюсь я в темноте.

– Возьми их с собой завтра в школу, – советует Хэмиш, возвращая мне марблс и устраиваясь поудобнее в спальном мешке.

Энгюс просит нас заткнуться, Хэмиш снова толкает его ногой в голову, но все-таки мы умолкаем и ждем, пока по дыханию брата не поймем, что он снова уснул.

Хэмиш шепчет мне на ухо:

– Положи с утра кровяники себе в карман. Держи их там, никому не показывай, иначе отцы узнают и отберут. И если он снова запрет тебя в кладовке, шарики будут у тебя при себе. Ребята будут заниматься и получать затрещины, а ты будешь себе играть. Усек?

Я киваю.

– И мне будет приятно завтра думать, что ты веселишься, натянул всем нос. С Боггсами шутки плохи, – шепчет он.

Я улыбаюсь.

– И чем чаще тебя будут запирать в кладовке, тем круче ты будешь играть. Фергюс Боггс, лучший игрок Ирландии, а то и всего мира. А я буду твоим агентом. Братья Боггс – в сговоре против всех.

Я хихикаю, и он вместе со мной.

– Круто, да?

Слышно, что и он возбужден.

– Да!

– Это будет наш секрет – ото всех, договорились?

– Да!

– И каждую ночь ты будешь мне рассказывать, чему научился.

– Хорошо.

– Обещаешь?

– Обещаю, Хэмиш.

– Хороший мальчик. – Он взъерошил мне волосы. – Мы тут не пропадем, верно?

– Верно, Хэмиш, – шепчу я.

Он взял меня за больную руку, очень осторожно, и так, вместе, мы уснули.

Братья, единокровные, камрады. В сговоре против всего мира.

Утром в понедельник я возвращаюсь на работу.

– Хорошо отдохнула? – приветствует меня Эрик, внимательно

присматриваясь: пришла ли я в норму после инцидента с метанием кружки.

– Спасибо, отлично, – улыбаюсь я. – Все прекрасно.

– Славно, – говорит он, все так же присматриваясь, голубые глаза светятся на фоне оранжевого искусственного загара. – Знаешь, я проверил это выражение. Насчет мурашек.

– И что?

– Пишут, это еще бывает от сексуального возбуждения.

Я засмеялась и покачала головой, и он, фыркая, удалился в офис.

– Эрик! – крикнула я ему вслед. – На следующей неделе я начну обучать папу плаванию. – И я подумала, пора мне тут тоже что-то новое делать. Например, класс аквааэробики. Раз в неделю. Что скажешь?

Он улыбнулся в ответ:

– Отличная идея, Сабрина. Жду не дожусь посмотреть, как Мэри Келли и мистер Дейли отплясывают подводную самбу. – Он сексуально завращал бедром и снова меня насмешил.

Улыбаясь, чувствуя себя вполне счастливой, я уселась на стул над пустым пока бассейном, огромный список правил нависал надо мной, надо всеми, словно распятие в церкви. Напоминание. Предостережение. Заповедь. Не делай того, не делай сего. Этого нельзя, и то запрещено. С виду сплошной негатив, но ведь это – руководство. Слушайся, и с тобой все будет в порядке. Все будет хорошо.

Мэри Келли в больнице, приходит в себя после инфаркта, состояние, к счастью, стабильное. И я больше не чувствую прежней пустоты, я словно омолодилась и внутри горит огонь. Могу целый день так просидеть, без событий, и все равно буду довольна. Так и будет.

Явился мистер Дейли в светло-зеленых плавках, тонких, словно лишний слой кожи, заправляя на ходу полторы пряди еще уцелевших волос под слишком тесно облегающую шапочку.

– Доброе утро, мистер Дейли, – поздоровалась я.

Он прошаркал мимо, сердитый, игнорируя меня. Ухватился за перила и медленно спустился в воду. Бросил взгляд, проверяя, слежу ли я. Я отвернулась – пусть уж он это сделает сразу. Он сдвинул на глаза очки, вцепился в металлические ступени и погрузился.

Я подошла к бортику, наклонилась и вытащила старика.

– Все хорошо, – сказала я ему, таща его из воды, помогая подняться по лестнице, усаживая на край бассейна. – Держите. – Я подала ему чашку, и он, сжимая ее дрожащими руками, осушил воду до дна, глаза красные, все тело трясется. Посидел, глядя перед собой в пустоту, молча – я сидела рядом, одной рукой поглаживая его по спине, успокаивая. Он не привык

к тому, чтобы я вот так сидела с ним. Я перестала это делать в прошлом году, когда поняла, что его это не останавливает. Что от меня требуется – лишь вытащить его и вернуться на свой стул. Он смотрит на меня искоса, с подозрением. Я продолжаю потирать ему спину, утешать, чувствуя под рукой кожу и кости и трепыхающееся сердце.

– Вы в пятницу рано ушли, – сказал он вдруг.

– Да, – ответила я, растроганная тем, что он это заметил.

– Думал, больше не вернетесь.

– Я бы без вас со скуки извелась.

Он прикусил губу, чтобы не рассмеяться. Отдал мне чашку, вернулся в бассейн и проплыл от бортика до бортика.

notes

Примечания

При изготовлении этих шариков стекло заливалось в форму для отливки пуль, о чем свидетельствовали борозды на готовом изделии.

Стадион имени архиепископа Томаса Кроука (Дублин).

Торт-бизе, названный в честь балерины Анны Павловой.

Черно-коричневыми, по цвету формы, назывались добровольческие отряды, помогавшие после Первой мировой войны английским войскам сдерживать ирландских повстанцев.